

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

2019. Т. 14(1–4), № 3

ISSN 2072-2427

Научный журнал.

Издается с октября 2006 г. Выходит четыре раза в год.

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний» (Академия ФСИН России).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-74887 от 21.01.2019.

Главный редактор – А. П. Скиба.

Адрес редакции, издателя, типографии: 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1.
E-mail: editor62@yandex.ru. Тел.: (4912) 93-82-42.

<https://pl.editorum.ru/>

Дата выхода в свет 26.09.2019. Цена свободная.

Распространяется на территории Российской Федерации и зарубежных стран.

Подписные индексы:
объединенный каталог «Пресса России» – 71616;
интернет-каталог «Российская периодика» (www.arpk.org) – 71616.

Все права защищены.

Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов.

За содержание рекламных материалов редакция ответственности не несет.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются.

Индексация:

Российский индекс научного цитирования;
КиберЛенинка.

© Академия ФСИН России, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Скиба Андрей Петрович, главный редактор, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: apskiba@mail.ru.

Грушин Федор Владимирович, заместитель главного редактора, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Букалерова Людмила Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: bukalerova_la@rudn.university.

Горазд Мешко, доктор (PhD), профессор криминологии, директор Института уголовной юстиции и безопасности, Мариборский университет, г. Любляна, Словения, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Детков Алексей Петрович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Кашуба Юрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права, Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Кийко Николай Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: avant_n@mail.ru.

Козаченко Иван Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация, e-mail: uglaw@yandex.ru.

Skiba Andrey Petrovich, Editor-in-chief, DSc (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: apskiba@mail.ru.

Grushin Fedor Vladimirovich, deputy editor-in-chief, PhD (Law), professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: fedor062@yandex.ru.

Bukalerova Lyudmila Aleksandrovna, DSc (Law), Professor, head of criminal law, criminal procedure and criminology department, Peoples' friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: bukalerova_la@rudn.university.

Gorazd Meshko, PhD, Professor of criminology, Director of the Institute of criminal justice and security, University of Maribor, Ljubljana, Slovenia, e-mail: gorazd.mesko@fvv.uni-mb.si.

Detkov Aleksey Petrovich, DSc (Law), Associate Professor, head of criminal law and criminology department, Altai State University, Barnaul, Russian Federation, e-mail: kafupik@law.asu.ru.

Kashuba Yuriy Anatol'evich, DSc (Law), Professor, professor of penal law department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: koshianatol@yandex.ru.

Kiyko Nikolay Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: avant_n@mail.ru.

Kozachenko Ivan YAKovlevich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, head of criminal law department, Ural State Law University, Ekaterinburg, Russian Federation, e-mail: uglaw@yandex.ru.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ / EDITORIAL BOARD

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт МВД России, г. Уфа, Российская Федерация, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Наваан Гантулга, доктор (PhD), профессор, начальник Института по подготовке сотрудников учреждений, исполняющих судебные решения, Университет правоохранительной службы при Министерстве юстиции и внутренних дел Монголии, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Орлов Владислав Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовной политики, Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: vis_home@list.ru.

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Терещенко Татьяна Георгиевна, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовно-исполнительного права, Академия МВД Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Уткин Владимир Александрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Юридического института, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

Malikov Boris Zufarovich, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru.

Navaan Gantulga, PhD, Professor, Deputy of the Training Institute for personnel executing court judgments, Law enforcement service University under the Ministry of Justice and Internal Affairs of Mongolia, Ulan Bator, Mongolia, e-mail: n_gntlga@yahoo.com.

Orlov Vladislav Nikolaevich, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal policy department, Academy of management of the Ministry of Internal Affairs, Moscow, Russian Federation, e-mail: vlad-orlov@mail.ru.

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, DSc (Law), Professor, Honored worker of science of the Russian Federation, professor of criminal law and criminology department, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vis_home@list.ru.

Skripchenko Nina Yur'evna, DSc (Law), Associate Professor, professor of criminal law and procedure department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, e-mail: n.scripchenko@narfu.ru.

Tereshchenko Tat'yana Georgievna, PhD (Law), Associate Professor, deputy head of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: tati2034@yandex.ru.

Utkin Vladimir Aleksandrovich, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Director of Law Institute, National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e-mail: utkin@ui.tsu.ru.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

Миссия журнала

Деятельность учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, играет важное значение для функционирования правоохранительной системы России, а также для обеспечения целостности внутренней политики государства. Уголовно-исполнительное право ориентировано на достижение целей наказания, органично дополняет различные правоотношения в области уголовного права, уголовного процесса, общественного контроля, прокурорского надзора и других форм обеспечения законности при исполнении уголовных наказаний, а также затрагивает сферу управленческих, экономических, психолого-педагогических и иных основ деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Немаловажное значение имеет исследование международных стандартов и зарубежного опыта в области исполнения уголовных наказаний. В связи с этим журнал «Уголовно-исполнительное право» является площадкой для обсуждения теоретических, правовых, организационных и иных аспектов исполнения уголовных наказаний, а также деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Журнал посвящен актуальным проблемам теории уголовно-исполнительного права, эффективности и практики его применения, межотраслевым аспектам применения уголовных наказаний, совершенствованию уголовно-исполнительного и иного законодательства, разнообразным аспектам деятельности уголовно-исполнительной системы и других учреждений и органов, исполняющих наказания, а также их взаимодействию с различными органами (организациями). Издание ориентировано на расширение контактов между учеными-пенитенциаристами, специалистами из других отраслей науки России и других государств, занимающимися различными аспектами деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания. Рубрики журнала охватывают все основные разделы уголовно-исполнительного права, межотраслевые

Journal mission

The activities of institutions and bodies that execute criminal penalties play an important role in the functioning of the Russian law enforcement system, as well as in ensuring the integrity of the state's internal policy. Penal law is aimed at achieving the goals of punishment, organically complements the various legal relations in the field of criminal law, criminal procedure, public control, prosecutorial supervision and other forms of ensuring the rule of law in the execution of criminal penalties, and also affects the sphere of administrative, economic, psychological, pedagogical and other activities of institutions and bodies executing punishment. The study of international standards and foreign experience in the field of execution of criminal sanctions is of great importance. In this regard, the journal «Penal law» is a platform for discussion of theoretical, legal, organizational and other aspects of the execution of criminal penalties, as well as the activities of institutions and bodies executing punishment. The journal is devoted to actual problems of theory of penal law, efficiency and practice of its application, cross-sectoral aspects of the application of criminal penalties, improvement of penal and other legislation, various aspects of Penal system and other institutions and bodies executing sentences, as well as their interaction with various bodies (organizations). The publication is aimed at expanding contacts between penitentiary scientists, specialists from other branches of science in Russia and other countries involved in various aspects of activities of institutions and bodies executing punishment. The headings of the journal cover all the main sections of penal law, inter-sectoral aspects of the application of criminal penalties, take into account the full range of penal issues. The journal publishes announcements of conferences and other information about scientific and educational life. Specific sections dedicated to the ideas of famous penitentiary scientists, including M. N. Galkin-Vraskoj, N. A. Struchkov and M. P. Melentiev.

ПОЛИТИКА ЖУРНАЛА / JOURNAL POLICY

аспекты применения уголовных наказаний, учитывают весь спектр уголовно-исполнительной проблематики. На страницах журнала размещаются анонсы конференций и иные сведения о научной и образовательной жизни. Отдельные рубрики посвящены идеям известных пенитенциаристов, в том числе М. Н. Галкина-Враского, Н. А. Стручкова и М. П. Мелентьева.

Периодичность

4 выпуска в год.

Принципы работы редакции

научно обоснованный подход к отбору, рецензированию и размещению публикаций;

свободный открытый доступ к результатам исследований, использованным данным, который способствует увеличению глобального обмена знаниями;

соблюдение международных этических редакционных правил.

Плата за публикацию

Публикация в журнале бесплатна. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Авторские права

Авторы, публикующие статьи в журнале, сохраняют за собой авторские права и предоставляют журналу право первой публикации работы, которая после публикации автоматически лицензируется на условиях [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#), позволяющей другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в журнале.

Политика свободного доступа

Журнал предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

Publication Frequency

Quarterly

Principles of editorial work

scientifically proven approach to selection, review and publication placement;

free and open access to research results, used data, which contributes to increasing of global knowledge exchange;

compliance with international ethical editorial rules.

Publication fee

Publication in the journal is free. The editors do not charge authors for preparation, placement and printing of materials.

Copyright

Authors who publish articles in the journal retain copyright and grant the journal the right to publish the material for the first time, which is automatically licensed after publication on the terms of [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](#). It allows others to distribute this work with the obligatory preservation of references to the authors of the original work and the original publication in the journal.

Free access policy

The journal provides direct open access to its content based on the following principle: free open access to research results contributes to increasing of global knowledge exchange.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Редакция принимает статьи по электронной почте (editor62@yandex.ru) на русском или английском языке при соблюдении следующих требований.

Заглавие

Не более 10–12 слов. Не допускается использование аббревиатур и формул.

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество приводятся полностью, без сокращений. Редакция рекомендует единообразное написание транслитерации ФИО. Редакция использует при транслитерации ФИО стандарт BSI с интернет-сайта <http://translit.net>.

Аффилиация (принадлежность автора к определенной организации). Указываются: организация (место основной работы) – название согласно уставу организации; город – полное официальное название; страна – полное официальное название.

Должность указывается полностью, без сокращений. Адъюнктам, аспирантам, докторантам и соискателям необходимо указывать свой статус и кафедру, к которой они прикреплены, полностью, без сокращений.

Ученые звание и степень указываются полностью, без сокращений.

Индивидуальные номера авторов в системах ORCID, Scopus Author ID.

Контактная информация – e-mail (публикуется в журнале).

Аннотация

Объем: от 250 до 400 слов, определяется содержанием статьи. Включает в себя характеристику темы, объекта, целей, методов и материалов исследования, а также результаты и главные выводы исследования. Целесообразно указать, что нового несет в себе научная статья. Не допускаются аббревиатуры, впервые вводимые термины (в том числе неологизмы). Для статей на русском языке рекомендуется пользоваться ГОСТ 7.9–95 «Реферат и аннотация. Общие требования».

Ключевые слова

5–10 слов и (или) словосочетаний. Должны отражать тему, цель и объект исследования.

Текст статьи (объем, структура)

Объем от 40 000 до 60 000 печатных знаков с пробелами. Редакция рекомендует использовать структуру IMRAD для оформления статьи с выделением следующих частей: введение (Introduction); методы (Materials and Methods); результаты (Results); обсуждение (Discussion). Каждая часть должна иметь заголовок (примерно до 5 слов). Данная структура является опорной и может быть адаптирована (расширена и (или) более детализирована) в зависимости от особенностей и логики проведенной исследовательской работы.

Текст статьи (оформление)

Текстовый редактор – MS Word. Поля – 2 см. Шрифт – Times New Roman 14 пт. Интервал – 1,5. Выравнивание – по ширине. Абзацный отступ – 1,25 см. Нумерация страниц – сверху по центру.

Ссылки в тексте

Приводятся по тексту статьи в квадратных скобках [1, с. 2; 4, с. 7–9], [8, т. 1, с. 216; 9, ч. 2, с. 27–30], нумеруются согласно литературе.

Ссылки на собственные публикации не рекомендуются.

Библиографический список

Оформление по ГОСТ Р 7.05-2008.

Смирнов П. В. Название : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 276 с.

Петров С. Ю., Иванов Р. Б. Название // Название журнала. 2019. № 3. С. 17–19. URL : www.nazvanie.ru (дата обращения: 15.01.2019).

Источники приводятся в порядке их цитирования и не повторяются. У статей указывается интервал страниц (С. 54–59), у книг – общее количество страниц (542 с.).

ARTICLE REQUIREMENTS

The Editorial Board accepts articles by e-mail editor62@yandex.ru in Russian or English, with the observance of the following requirements.

Title

Up to 10–12 words. Abbreviations and formulas in the title of an article are not allowed.

Information about authors

Names are given in full, without abbreviations. The editorial office recommends the uniform spelling of names' transliteration in all articles of the author. The editors transliterate names according to the standard BSI from website <http://translit.net>.

Affiliation. Author's full affiliation (including position, name of the department, faculty and university, address and e-mail address). If the author affiliates him/herself with a public organization or institution, please, supply adequate information on the organization's full title and address.

The position is indicated in full, without abbreviations. Adjuncts, graduate students, doctoral students and applicants must indicate their status and the department to which they are attached, in full, without abbreviations.

Academic title and degree are indicated in full, without abbreviations.

Individual numbers of authors in the following database systems: ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID.

An abstract

250–400 words, determined by the content of the article. It includes the characteristics of the researched problem, objectives, research methods and materials of the study, as well as the results and main conclusions of the study. It is advisable to point out the main scientific result of the work. Unencrypted abbreviations, for the first time entered terms (including neologisms) are not allowed. For articles in Russian language it is recommended to use the Interstate standard 7.9–95 «Summary and abstract. General requirements».

Keywords

5–10 words or phrases. The list of basic concepts and categories used to describe the problem under study.

Main body of the article

Structure. The body of the text should be divided into meaningful sections with individual headings (1–5 words) to disclose the essence of this section. Every article should contain Conclusions, where the author(s) are expected to ground meaningful inferences. Implications for a future research might also find their place in Conclusions. The Editorial Board recommends using the IMRAD structure for the article. This structure is reference and can be adapted (expanded and (or) more detailed) depending on the characteristics and logic of the research.

Text of the article (design)

The text may contain tables and figures, which should have separate numbering (one numbering system for tables; another – for figures). They should be placed in the text at the appropriate paragraph (just after its reference).

References in text

References must be in Harvard style. References should be clearly cited in the body of the text, e.g. (Smith, 2006) or (Smith, 2006, p. 45), if an exact quotation is being used.

Excessive and unreasonable quoting is not allowed. Self-citations are not recommended.

Bibliographic list

At the end of the paper the author(s) should present full References in the alphabetical order as follows:

Sources are given in the order of their citation in the text (not alphabetically) and are not repeated. Interval of pages of scientific articles and parts of books must be indicated (pp. 54–59), and in monographs, textbooks, etc. – the total number of pages in the publication (p. 542).

СОДЕРЖАНИЕ

- ТЕОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**
210 *Гришко А. Я., Гришко Л. Е.* К вопросу о постпенитенциарном праве
- ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ИХ ДОСТИЖЕНИЯ**
216 *Акимжанов Т. К., Елюбайкызы Ж.* Пенитенциарная преступность как объект самостоятельного криминологического исследования
222 *Нечаева Е. В.* О критериях определения степени исправления осужденных к уголовным наказаниям
228 *Тищенко Ю. Ю.* Некоторые особенности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность
- УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНЫ, ИСПОЛНЯЮЩИЕ НАКАЗАНИЯ, И ИХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**
233 *Маликов Б. З.* Уголовно-исполнительным инспекциям – 100 лет
- КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ, ИСПОЛНЯЮЩИХ НАКАЗАНИЯ**
240 *Артемьев Н. С.* Роль общественного контроля в предупреждении нарушений законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы
- МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ**
244 *Тепляшин П. В.* Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем: компаративистский аспект
250 *Иманбаев С. М., Дарменова Д. Б.* Противоречия, существующие в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Казахстан по исполнению наказаний в виде исправительных работ

- 257** *Шабаль В. С.* Некоторые вопросы досрочного освобождения осужденных в Республике Беларусь и Российской Федерации

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

- 263** *Казакова В. А., Иншаков С. М.* Конфискация имущества как мера противодействия коррупции
- 269** *Денисов А. Д.* Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве
- 274** *Мугинова З. Р.* Цели уголовного наказания и возмещение вреда, причиненного преступлением

НАУЧНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

- 280** Редакционная заметка о защите диссертации Ф. В. Грушиным
- 281** *Уткин В. А.* Отзыв официального оппонента на диссертацию Грушина Федора Владимировича «Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Екатеринбург, 2019. 554 с. с приложениями)

БИБЛИОТЕКА ПЕНИТЕНЦИАРИСТА

- 288** *Иванов Н. Г.* Рецензия на монографию «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)»
- 290** *Скаков А. Б.* Рецензия на монографию коллектива авторов «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения»

TABLE OF CONTENTS AND ABSTRACTS

THE THEORY OF PENAL LAW

- 293** *Grishko A. Ya., Grishko L. E.* On the question of post-penitentiary law

OBJECTIVES OF THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION AND THEIR ACHIEVEMENT

- 294** *Akimzhanov T. K., Elyubaikyzy Zh.* Penitentiary crime as an object of independent criminological research
- 295** *Nechaeva E. V.* About the determination criteria of correction degree of convicts sentenced to criminal penalties
- 296** *Tishchenko Yu. Yu.* Some features of the preventive impact on penitentiary crime

INSTITUTIONS AND BODIES EXECUTING SENTENCES AND THEIR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- 297** *Malikov B. Z.* Penal inspections are celebrating the 100th anniversary

CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES EXECUTING PUNISHMENTS

- 298** *Artem'ev N. S.* The role of public control in the prevention of rules of law violations in institutions and bodies of the penal system

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

- 299** *Teplyashin P. V.* Neoliberal institutional development of penitentiary systems: a comparative aspect

- 300** *Imanbaev S. M., Darmenova D. B.* Contradictions existing in the Criminal and Penal codes of the Republic of Kazakhstan on execution of punishments in the form of correctional labour
- 301** *Shabal' V. S.* Some issues of convicts' parole in the Republic of Belarus and the Russian Federation

CROSS-SECTORAL ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

- 302** *Kazakova V. A., Inshakov S. M.* Confiscation of property as an anti-corruption measure
- 303** *Denisov A. D.* Socio-demographic and criminal-legal characteristics of convicts who have committed a relapse crime
- 304** *Migunova Z. R.* The purpose of criminal punishment and compensation for harm caused by the crime

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

- 305** *Utkin V. A.* A review of the official opponent on Fedor Vladimirovich Grushin's thesis «System of factors determining the development of penal policy and penal legislation», submitted for the degree of DSc (law) in the scientific specialty 12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law (Ekaterinburg, 2019, 554 p. with applications)

PENITENTIARY LIBRARY

- 306** *Ivanov N. G.* Review of the monograph «Conflicts of legislation of Russia and a number of countries (short scientific comment)»
- 306** *Skakov A. B.* Review of the monograph of the group of authors «Penal legislation in a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law»

УДК 343.848:364.04

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.210-215

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ГРИШКО,

доктор юридических наук, профессор,

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права,

Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Российская Федерация,

e-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru;

ЛЮДМИЛА ЕВГЕНЬЕВНА ГРИШКО,

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,

Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,

e-mail: 9105001000@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОСТПЕНИТЕНЦИАРНОМ ПРАВЕ

Для цитирования

Гришко, А. Я. К вопросу о постпениitenciарном праве / А. Я. Гришко, Л. Е. Гришко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 210–215. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.210-215.

Аннотация. На основе сравнения истории становления исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права приводятся аналогии по становлению законодательства, регламентирующего вопросы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Анализируются различные точки зрения относительно отраслевой принадлежности этого института. С учетом личностных особенностей указанных лиц делается вывод о том, что в данном случае имеет место самостоятельная специализированная отрасль законодательства – постпениitenciарное законодательство. Предлагается все нормы законов, регламентирующих вопросы социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, систематизировать путем издания сборника законодательных и иных нормативных правовых актов. В перспективе такая отрасль законодательства может стать основой постпениitenciарного права.

Ключевые слова: постпениitenciарное право, систематизация, законодательство, осужденный, адаптация.

История исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права во многом напоминает сегодняшнюю ситуацию, связанную с определением отрасли законодательства, предметом регулирования которого явились бы отношения в сфере постпениitenciарной социальной адаптации, социализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения преступлений, совершаемых ими.

© Гришко А. Я., Гришко Л. Е., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Показатели, характеризующие деятельность по исполнению уголовных наказаний, высокий уровень постпенитенциарного рецидива, сохраняющегося на протяжении ряда лет, несмотря на принимаемые меры, обуславливают необходимость обращения к фундаментальным основам пенитенциарного права. Данная необходимость вызвана тем, что принимаемые меры по совершенствованию уголовно-исполнительной системы ощутимых принципиальных результатов не приносят. Имеет место нестабильность и в определении концептуальных направлений в решении указанных вопросов. Концепция развития уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации, принятая в 2010 г., была серьезно скорректирована в 2015 г. В 2016 г. была принята Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2015–2017 годы)». В настоящее время разрабатывается очередная концепция.

Обилие разрабатываемых концепций, в которые тут же вносятся изменения и дополнения, подготовленная научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации свидетельствуют о том, что уголовно-исполнительные правоотношения претерпевают серьезные изменения. Они не вписываются в устоявшиеся представления о целом ряде постулатов уголовно-исполнительного права.

Одним из значимых аспектов в данном вопросе является тема предмета данной отрасли права. Здесь уместно привести мнение Ю. А. Головастовой: «...теоретическая модель отрасли уголовно-исполнительного права осталась в какой-то мере оторванной от реального существования изменившихся условий и закономерностей общественного развития» [1, с. 11].

В науке уголовно-исполнительного права является устоявшейся позицией относительно его предмета. Вместе с тем при определении предмета уголовно-исполнительного права вызывает спор вопрос о степени распространения его норм на отношения, возникающие после освобождения лица от дальнейшего отбывания наказания. На этот счет существуют, по крайней мере, две противоположные точки зрения. Согласно одной из них отношения, возникающие после освобождения осужденного от дальнейшего отбывания наказания в пределах срока судимости, не являются уголовно-исполнительными. Они, по мнению В. А. Уткина и В. Е. Южанина, относятся к категории социальных отношений.

В. А. Уткин утверждает, что «отношения в области пенитенциарной адаптации, трудового и бытового устройства освобожденных из мест лишения свободы по их сути не являются уголовно-исполнительными и... составляют предмет формирующегося в России социального законодательства или законодательства о социальной помощи» [2, с. 42; 3, с. 47]. Причем эта его позиция является устоявшейся.

В. Е. Южанин подчеркивает, что «уголовно-исполнительное законодательство имеет ограничительную сферу действия – его предметом являются только отношения по поводу исполнения уголовных наказаний, возникающих между учреждениями и органами, исполняющими наказания, и осужденными. Отношения, связанные с обеспечением правового статуса освобожденных от отбывания наказания, не входят в систему отношений по исполнению наказания и не могут регулироваться нормами уголовно-исполнительного права» [4, с. 180]. При этом он гибко обходит вопрос об отраслевой принадлежности указанных постпенитенциарных отношений. По его мнению, с одной стороны, возможно расширение предмета уголовно-исполнительного права за счет включения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (УИК РФ) статьи, предусматривающей основные положения по регулированию порядка управления социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, с другой стороны, перегруп-

пировке должны подвергаться нормы иных отраслей права, касающихся освобожденных из мест лишения свободы [4, с. 181].

Все было бы так, однако указанные авторы упускают из виду, что социальная адаптация лиц, освобожденных из мест лишения свободы, включает в себя меры по трудовому и бытовому устройству, по предупреждению рецидива преступлений [5, с. 168], в том числе специальные меры профилактического воздействия, которые вправе применять только правоохранительные органы: профилактическая беседа; объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения; профилактический учет; внесение представлений об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения; профилактический надзор. Социальные службы такими компетенциями не наделены. Здесь нельзя не отметить и роль мер оперативно-розыскного характера. Нет необходимости утверждать, что без применения указанных специальных мер профилактического воздействия должных результатов в социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в предупреждении постпенитенциарного рецидива добиться невозможно.

Для установления отраслевой принадлежности указанных отношений существенным является определение правовой природы судимости.

Интерес представляет по этому поводу позиция, излагаемая А. П. Фильченко: судимость представляет собой в том числе «форму постпенитенциарного воздействия на осужденного» [7, с. 21], и «появление судимости... сопровождается возникновением уголовно-исполнительных отношений» [8, с. 84].

Судимость как продолжение наказания определяет А. Л. Кононов: «Судимость как своеобразный уголовно-правовой испытательный срок для лица, отбывшего наказание, по существу означает превентивное, продолжающееся уголовное наказание, которое становится дополнительным наказанием в случае совершения нового преступления» [9, с. 28].

Косвенно указанная точка зрения подтверждалась Ю. М. Ткачевским: «Судимость снимается или погашается только при исправлении осужденного» [6, с. 186]. Известно, что «исправление» – категория уголовно-исполнительная.

Приведенные точки зрения в определенной степени согласуются с законодательной практикой отдельных зарубежных государств. Например, Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь (УИК РБ) в качестве самостоятельной выделяет главу 27 «Наблюдение и надзор за освобожденными от отбывания наказания». В ней содержатся нормы, регламентирующие: профилактическое наблюдение (ст. 196 УИК РБ), превентивный надзор за отбывшими наказание (ст. 198), контроль за условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания в течение неотбытой его части (ст. 197 УИК РБ).

Практика регулирования отношений, возникающих после отбытия наказания, нормами пенитенциарного права имеет место в Республике Польша. Так, согласно § 4 ст. 167а УИК Польши, «если освобожденный из тюремного учреждения нуждается в больничном лечении, а его состояние здоровья не позволяет на перевод в публичную больницу, он остается на лечении в тюремном учреждении до момента, когда его состояние здоровья сделает возможным такой перевод». Указанная норма «применяется лишь тогда, когда освобожденный выразит согласие на лечение в тюремном учреждении, что должно быть подтверждено его подписью в личной медицинской документации. В случае невозможности выражения освобожденным согласия решение об оставлении принимает директор учреждения по предложению врача» (§ 5 ст. 167а).

Отдельные элементы, которые в постпенитенциарной адаптации можно отнести к предупреждению постпенитенциарного рецидива, содержатся в УИК РФ. Они являются косвенным аргументом, подтверждающим, что уголовно-исполнительные отношения имеют место и в постпенитенциарный период. Речь, в частности, идет об установлении административного надзора в отношении лица, освобождаемого из мест лишения свободы. Инициатива решения этого вопроса принадлежит в том числе администрации исправительного учреждения. Последняя не позднее чем за два месяца до истечения определенного приговором суда срока отбывания осужденным наказания подает в суд заявление об установлении указанного надзора (ч. 3 ст. 173.2 УИК РФ).

О неоднозначности определения предмета уголовно-исполнительного права свидетельствует норма, содержащаяся в ч. 6 ст. 79 УК РФ. Законодатель отнес осуществление контроля за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, к компетенции специализированного государственного органа. До настоящего времени этот вопрос не решен. В случае возложения функций данного контроля на уголовно-исполнительные инспекции это будет весомым аргументом в пользу отнесения постпенитенциарной адаптации к предмету уголовно-исполнительного права.

Возникает вопрос и об осуществлении контроля за военнослужащими, освобожденными условно-досрочно из дисциплинарных воинских частей. Уголовно-исполнительное законодательство регламентирует данный вопрос только в отношении военнослужащих, которые после условно-досрочного освобождения направляются в воинские части для дальнейшего прохождения службы. Такая обязанность возлагается на командование воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 79 УК РФ). В отношении осужденных военнослужащих, которым время пребывания в дисциплинарной воинской части может быть зачтено в общий срок службы, и, следовательно, они демобилизуются из вооруженных сил одновременно с освобождением из дисциплинарной воинской части, УИК РФ соответствующей нормы не содержит.

Анализ законодательства, которое можно отнести к чисто социальным отраслям права, свидетельствует о том, что оно содержит отдельные нормы, регламентирующие вопросы постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Так, согласно п. 5 ст. 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» граждане из числа лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, за которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации установлен административный надзор и которые частично или полностью утратили способность к самообслуживанию, при отсутствии медицинских противопоказаний и по их личному заявлению принимаются на социальное обслуживание в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием в порядке, установленном нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации.

Анализ законодательной и иной нормативной правовой базы в данной сфере, практики осуществления постпенитенциарной адаптации позволяет сделать заключение о том, что правовое регулирование мер по оказанию помощи в социальной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, находится на зачаточном уровне. В то же время необходимость законодательного ее решения не вызывает сомнения. Пробелы в решении проблем, имеющих место в законодательстве, в определенной степени восполняются практической деятельностью на региональном уровне. Однако принимаемые региональные акты часто не реализуются в полной мере в силу того, что решение указанных вопросов требуется на федеральном уровне. Речь идет, в

частности, о налоговых преференциях, создании соответствующих постпенитенциарных учреждений и т. п.

Наличие норм в уголовно-исполнительном законодательстве, регламентирующих вопросы подготовки осужденных к освобождению, а также соответствующих норм, которые имеют место в директивных документах (Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, Концепция федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017–2025 годы)»), других законодательных и иных нормативных правовых актах, позволяет говорить о том, что вопросы постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных от дальнейшего отбывания наказания, являются предметом самостоятельной специфической отрасли законодательства.

Для должного правового обеспечения в сфере постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения постпенитенциарного рецидива преступлений представляется целесообразным систематизировать нормы, их регламентирующие. В данный систематизированный свод могли бы войти нормы, содержащиеся в уголовном, уголовно-исполнительном и административном законодательстве, законах, относящихся к категории социальных.

При таком подходе к решению проблемы произвольно возникает вопрос об отраслевой принадлежности названных норм. Предмет его регулирования, специфические методы, используемые при решении указанных задач, особые субъекты, их осуществляющие, позволяют сделать заключение о необходимости выделения новой комплексной отрасли законодательства – постпенитенциарного законодательства. Данная отрасль в основе своей не подменяет обычное правовое регулирование. Постпенитенциарное законодательство представляет собой лишь изъятие из указанных отраслей права и ни в коем случае не замещает установленный правовой порядок.

Предлагаемый свод законов может служить в дальнейшем основой для становления соответствующей новой отрасли права – постпенитенциарного права.

Библиографический список

1. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: современный взгляд : монография. М., 2017. 212 с.
2. Уткин В. А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2(24). С. 39–43.
3. Уткин В. А. Правовые основы ресоциализации освобожденных из мест лишения свободы // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний. Рязань, 2005. С. 45–48.
4. Южанин В. Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптацией к условиям свободы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступ. участников (Рязань, 5–6 дек. 2013 г.). Рязань, 2013. С. 179–186.
5. Козаченко И. Я., Сергеев Д. Н. Постпенитенциарный контроль в России: радужные перспективы и обоснованные сомнения // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 25–27 нояб. 2015 г.) : в 8 т. Рязань, 2015. Т. 1. С. 164–169.
6. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. М., 1970. 234 с.

---

7. Фильченко А. П. Уголовная ответственность как правоотношение и ее динамика [проблемы отраслевого и межотраслевого согласования (рассогласования)] : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2015. 321 с.

8. Фильченко А. П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования) : монография / под ред. А. В. Наумова. М., 2014. 296 с.

9. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука. По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 14. Ст. 1302. С. 25–29.

УДК 343.91:343.81(574)
DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.216-221

ТАЛГАТ КУРМАНОВИЧ АКИМЖАНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник МВД Республики Казахстан,
директор НИИ права, профессор кафедры юриспруденции
и международного права,
Университет «Туран», г. Алматы, Республика Казахстан,
e-mail: akimzhanovtk@mail.ru;
ЖАЗИРА ЕЛЮБАЙКЫЗЫ,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Баримбека Бейсенова,
г. Караганда, Республика Казахстан,
e-mail: ayaulim.75@mail.ru

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для цитирования

Акимжанов, Т. К. Пенитенциарная преступность как объект самостоятельного криминологического исследования / Т. К. Акимжанов, Ж. Елюбайкызы // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 216–221. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.216-221.

Аннотация. В статье рассматриваются сложившиеся в научной литературе подходы к пониманию и изучению пенитенциарной преступности, а также предлагается авторское видение данного вида преступности. При изучении пенитенциарной преступности следует отталкиваться от действующего уголовного законодательства Республики Казахстан, анализ которого позволяет заключить, что пенитенциарная преступность – это совокупность всех преступлений, совершаемых осужденными к различным видам наказаний, а не только к наиболее распространенному в правоприменительной практике и уголовном законодательстве Республики Казахстан такому виду наказания, как лишение свободы. Данная постановка проблемы дает возможность конкретизировать объект и предмет исследования, а также повысить эффективность профилактики пенитенциарной преступности.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, уголовные наказания, лишение свободы, осужденные, сотрудники уголовно-исполнительной системы, меры безопасности.

© Акимжанов Т. К., Елюбайкызы Ж., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Для эффективной организации предупредительной работы важно знание объекта воздействия. Не зная объект и предмет профилактики, трудно говорить о самой профилактической работе.

Заслуживает внимания позиция российских ученых о том, что методология криминологического исследования, как и любого другого, зависит от предмета и объекта исследования, стоящих перед исследователем задач [1, с. 36].

Применительно к пенитенциарной преступности важным условием для ее изучения является правильное определение объекта и предмета исследования. Рассмотрим эти понятия. Обратимся к фундаментальному труду в области социологии – Рабочей книге социолога. Так, авторы указанного издания объектом социологического исследования называют деятельность людей, занимающих определенное социальное положение, и условия, в которых эта деятельность осуществляется [2, с. 114].

Предметом социологического исследования принято считать ту из сторон объекта, которая непосредственно подлежит изучению. Это наиболее значимая сторона объекта с точки зрения теории и практики. Одному и тому же социальному объекту может соответствовать несколько различных предметов исследований, каждый из которых по содержанию определяется тем, какую именно сторону объекта он отражает, с какой целью, а главное – для решения какой социальной проблемы выбран [2, с. 115].

Рассмотрим основные подходы к изучению пенитенциарной преступности как одного из социально опасных видов общей преступности.

В научной литературе пенитенциарная преступность рассматривается в двух аспектах: в узком смысле пенитенциарная преступность есть совокупность преступлений, совершаемых спецконтингентом в исправительных учреждениях, в широком – совокупность преступлений всех осужденных к различным видам уголовных наказаний.

Так, авторами учебника «Криминология» под редакцией А. И. Долговой пенитенциарная преступность определяется как совокупность преступлений, совершаемых в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной системы [3, с. 966].

Подобный подход мы наблюдаем в работе известного казахстанского ученого Р. Е. Джансараевой. По ее мнению, пенитенциарная преступность связывается только с преступлениями, совершаемыми в местах лишения свободы [4]. Автор указывает: преступность в исправительных учреждениях (пенитенциарная преступность) характеризуется тем, что она:

- дезорганизует исправительно-воспитательный процесс, препятствуя нормальному функционированию исправительных учреждений;
- преимущественно носит агрессивно-насильственный характер, в то время как в свободных условиях превалирует преступность корыстной направленности;
- состоит из преступлений, совершенных лицами, уже признанными преступниками;
- в своей структуре имеет большей частью преступления против правосудия и порядка исполнения наказаний;
- порождается специфическими условиями жизни лишенных свободы, которых свели в закрытые однополюсы коллективы, что, однако, не исключает детерминации пенитенциарных преступлений еще и теми же факторами, что и в условиях свободы [4, с. 7–8].

Такой же позиции придерживается и другой казахстанский ученый К. Ж. Балтабаев, который считает, что пенитенциарная преступность – это преступность в пенитенциарных учреждениях, местах лишения свободы [5, с. 18].

Более широкое толкование пенитенциарной преступности дает российский ученый О. В. Старков. По его мнению, пенитенциарную преступность следует понимать как об-

щесоциальное, регрессивное, безличностное явление, порождающее противоречия общественного бытия и сознания, сферы исполнения уголовных наказаний и проявляющееся в массе повторных преступлений, а также в возрождении противоречий этой же сферы жизнедеятельности общества [6, с. 63–64]. Как нам представляется, данное определение более точно отражает содержание пенитенциарной преступности, так как автор пенитенциарную преступность отождествляет с наказательной преступностью.

Являясь составной и самостоятельной частью общей преступности, пенитенциарная преступность, наряду с другими видами преступлений, включает в себя совокупность преступлений, совершаемых осужденными в учреждениях УИС в процессе исполнения наказания, а также лицами, состоящими на учете службы пробации, деятельность которой регламентирована Законом Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI «О пробации». Согласно данному Закону пробация – система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений. Речь идет о недопущении совершения повторных преступлений осужденными лицами, состоящими на пробационном контроле. Более того, целью пробации является содействие в обеспечении безопасности общества путем коррекции поведения подозреваемого, обвиняемого; ресоциализации осужденного; социальной адаптации и реабилитации лица, освобожденного из учреждения уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

Задачами службы пробации являются:

- оказание социально-правовой помощи лицам, состоящим на учете службы пробации;
- исполнение определенных законом видов наказаний, не связанных с лишением свободы;
- осуществление контроля за осужденным, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, осужденным условно, освобожденным условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы;
- участие в подготовке к освобождению осужденного, отбывающего наказание в учреждении уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

Анализ численности осужденных в Республике Казахстан показал, что происходит снижение числа осужденных, находящихся в местах лишения свободы, при этом увеличивается количество осужденных, прошедших по учетам службы пробации. В силу этого мы считаем, что пенитенциарную преступность следует рассматривать несколько шире, чтобы подразумевать под пенитенциарной профилактикой предупреждение совершения новых преступлений не только лицами, находящимися в исправительных учреждениях, но и другими осужденными за совершение уголовных правонарушений, в отношении которых были применены другие виды уголовных наказаний, не связанных с изоляцией.

Было бы справедливым считать, что в совокупность преступлений, образующих пенитенциарную преступность, следует включать преступления, совершаемые осужденными не только в местах лишения свободы, но и лицами, в отношении которых назначены другие виды наказаний, не связанных с лишением свободы (ст. 40 УК РК) [7, с. 37–38].

Согласно ст. 40 УК РК к лицу, признанному виновным в совершении уголовного правонарушения, могут применяться как основные, так и дополнительные виды наказаний. Например, при совершении уголовного проступка применяются такие основные виды наказаний, как штраф, исправительные работы, привлечение к общественным рабо-

там, арест, выдворение за пределы Республики Казахстан иностранного гражданина или лица без гражданства, при совершении преступления – штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, ограничение свободы, лишение свободы, смертная казнь.

В качестве дополнительных видов наказаний при совершении уголовного правонарушения (преступление, уголовный проступок) наряду с основным наказанием могут применяться дополнительные наказания: конфискация имущества; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; лишение гражданства Республики Казахстан; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранного гражданина или лица без гражданства [7, с. 37–38]. Данная норма уголовного законодательства также указывает на необходимость более расширительного толкования понятия пенитенциарной преступности. Такой подход к определению пенитенциарной преступности не только позволит расширить сферу профилактического воздействия на данный вид преступности всех правоохранительных органов и всего общества, но и будет способствовать более точному определению объекта исследования при ее изучении.

Неопределенность границ пенитенциарной преступности значительно затрудняет исследовательскую работу, а также организацию предупреждения данного вида преступности.

Методология исследования предполагает учение о научном методе познания: принципах и способах организации и практической деятельности; совокупности методов, применяемых в какой-либо науке, или системе принципов научного исследования, определяющее в какой мере собранные факты могут служить и соответствовать объективному значению [8, с. 24].

При исследовании пенитенциарной преступности должна приниматься во внимание вся преступность «наказанных». Однако учеными и практиками, как мы уже отмечали, берется во внимание только один вид наказания – лишение свободы. Считаем, что такой подход с практической точки зрения является и методологически не совсем верным. Речь должна идти о более широком толковании данного явления, о совокупности совершаемых преступлений.

Нуждается в исследовании соотношение пенитенциарной и рецидивной преступности. Эти два вида преступности настолько взаимосвязаны, что порой трудно их разграничить. По сути, пенитенциарная преступность – это и есть повторная преступность, но главное отличие заключается в том, что пенитенциарные преступления совершаются только в период отбывания осужденным установленного судом определенного вида наказания (кроме штрафа), а в другой отрезок времени – это уже иной вид преступления.

Если мы проанализируем содержание статей Особенной части УК РК 1997 г. и 2014 г. на предмет установления видов наказаний, то обнаружим следующее.

Наиболее представленным видом основного наказания, предусмотренного в санкциях статей УК РК 1997 г., является лишение свободы (559), на втором месте – штраф (295), на третьем – арест (224). Далее следуют лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью (176), исправительные работы (158), ограничение свободы (122), привлечение к общественным работам (77), содержание в дисциплинарной воинской части (43), ограничение по воинской службе (31), пожизненное лишение свободы (19), смертная казнь (18).

Однако если сравнить содержание нового УК РК 2014 г. с Уголовным кодексом Республики Казахстан 1997 г., который является документом переходного периода и успешно выполнил свою миссию, то наблюдается неравномерное соотношение видов наказаний также в пользу лишения свободы (744), далее идет штраф (471), затем исправительные работы (468), ограничение по службе (342), конфискация имущества (264), привлечение к общественным работам (152), арест (150). смертная казнь (12).

Правильность нашего суждения о необходимости более расширенного толкования понятия пенитенциарной преступности доказывает и правоприменительная практика.

Анализ судебной статистики показал, что, кроме наиболее часто применяемого вида наказания – лишения свободы (51,8 %), встречаются и другие виды наказаний: штраф (4,7), ограничение свободы (2,2), исправительные работы (0,4), отсрочка от отбывания наказания (0,3 %).

Исследователь должен четко знать, что термином «пенитенциарная преступность» необходимо обозначать целостную совокупность преступлений, совершаемых осужденными к различным видам наказаний. В ряду общего, особенного и единичного она занимает промежуточное место, отражая черты как общего (преступность), так и единичного (преступления). Данное обстоятельство вызывает необходимость анализа и уголовно-правовых, и криминологических признаков пенитенциарной преступности в различных сферах, так как речь идет о видах наказаний, связанных с лишением свободы и не связанных с изоляцией лица от общества.

Большое значение при исследовании пенитенциарной преступности придается эмпирической базе. На современном этапе возникает множество противоречий и проблем в определении эмпирической базы, так как ни учеными, ни законодателем не установлены конкретные границы пенитенциарной преступности. Это закономерно, ибо противоречие, единство и борьба противоположностей лежат в основе всякого развития. Выявить и рассмотреть все детерминанты преступности вообще и пенитенциарной преступности в частности невозможно.

При изучении пенитенциарной преступности следует иметь в виду, что современное состояние пенитенциарной преступности, ее уровень и удельный вес не поддаются точному учету. Действующие статистические формы не отражают реальной картины даже зарегистрированных подобных преступлений. Сложившаяся система учета совершенных преступлений осужденными лицами носит весьма субъективный характер.

Во-первых, часть пенитенциарных преступлений необоснованно переходит в разряд обычных преступлений и наоборот.

Во-вторых, любое количество статистических данных отражает состояние всего лишь зарегистрированной пенитенциарной преступности, так как она носит в основном, особенно в исправительных учреждениях, латентный характер.

В-третьих, сам процесс регистрации преступлений как в местах лишения свободы, так и вне их имеет тенденцию к укрытию преступлений от учета. При естественном стремлении правоохранительных органов к уменьшению этих показателей часто происходит не увеличение числа раскрытых преступлений, а избирательная регистрация совершенных преступлений.

В-четвертых, как известно, статистические данные часто подвергаются искажению должностными лицами по различным причинам. «Ориентироваться только на статистическую картину преступности – значит уходить от анализа реального положения дел и не учитывать, что статистика преступности отличается, например, от статистики рождаемости и смертности. Последняя фиксирует каждый факт рождения или смерти.

Статистика преступлений носит в значительной мере оценочный характер» [9, с. 10]. В связи с этим к оценке статистики пенитенциарной преступности следует подходить с большой осторожностью и не недооценивать или не переоценивать ее, чтобы не вводить в заблуждение общество и правоохранительные органы.

Таким образом, исследование пенитенциарной преступности – важный и необходимый компонент познания данного вида преступности. Не зная объекта и предмета исследования пенитенциарной преступности, трудно организовать не только исследовательскую работу по изучению данного вида преступности, но и эффективную предупредительную работу.

Библиографический список

1. Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2001. 784 с.
2. Рабочая книга социолога. 2-е изд., перераб. и доп., М., 1983. 476 с.
3. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 368 с.
4. Джансараева Р. Е. Проблемы борьбы с преступностью в исправительных учреждениях : монография. Алматы, 2006.
5. Балтабаев К. Ж. Исполнение наказаний: законодательство Республики Казахстан и международные нормы. Алматы, 1999.
6. Старков О. В. Криминология. М., 2004. 480 с.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан : практ. пособие. Алматы, 2019. 169 с.
8. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. 240 с.
9. Методика анализа преступности : метод. пособие. М., 1986. 118 с.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.222-227

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НЕЧАЕВА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Российская Федерация,
e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

О КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ К УГОЛОВНЫМ НАКАЗАНИЯМ

Для цитирования

Нечаева, Е. В. О критериях определения степени исправления осужденных к уголовным наказаниям / Е. В. Нечаева // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 222–227. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.222-227.

Аннотация. Исправительный процесс в российских пенитенциарных учреждениях при исполнении уголовных наказаний организован посредством реализации основных средств исправления осужденных, указанных в уголовно-исполнительном законодательстве. Механизм их применения достаточно сложен и противоречив, а вопрос исправления осужденного не теряет своей актуальности. В силу этого целесообразно обратиться к поиску новых форм и инструментов, позволяющих осуществлять эффективное исправительное воздействие на лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В статье раскрываются теоретические подходы к определению степени исправления осужденного и проблемы установления критериев ее оценки, делается вывод о том, что институт оценки степени исправления осужденных должен реализовываться в рамках уголовно-исполнительных и уголовных правоотношений, а также путем более масштабного, целостного изучения личности преступника.

Ключевые слова: осужденный, уголовное наказание, исправление, характеристика осужденных, степень исправления.

Для решения целого ряда практических задач по функционированию деятельности исправительных учреждений необходимо изучение личности осужденных. С учетом ее характеристик осуществляется формирование отрядов, организация процесса общеобразовательного и профессионального обучения, реализуются поощрительные меры и меры дисциплинарного воздействия, ступенчатая система отбывания наказания. Изучение личности осужденных предопределяет вопросы их классификации, возможность их представления к условно-досрочному освобождению, замене наказания

© Нечаева Е. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

более мягким, амнистии и помилованию, а для этого необходимо установить уровень (степень) ее исправления.

Проблема определения степени исправления состоит и в том, что многие осужденные, не достигшие соответствующего уровня исправления, досрочно освобождаются из мест лишения свободы и затем снова совершают преступления. Без установления степени исправления (либо, напротив, неисправления) невозможно объективно определять меры поощрения и взыскания.

Отсутствие четких, достаточно понятных для практических работников критериев определения степеней исправления осужденных существенно сдерживает все направления воспитательной деятельности и снижает эффективность работы системы исправительных учреждений России в целом.

Фундаментальные основы института оценки степени исправления осужденных были рассмотрены в докторских диссертациях А. В. Бриллиантова (1998), А. Л. Ременсона (1965), А. Ф. Сизого (1995). Развитие заложенных в них фундаментальных начал разработки проблемы исправления осужденных получило на уровне кандидатских диссертаций А. А. Синичкина (2003), Н. И. Вишневской (2006), Г. Ф. Гумировой (2009). Кроме того, по данной проблеме были опубликованы научные работы таких ученых, как: Ю. М. Антонян, А. А. Балута, А. И. Зубков, В. И. Зубкова, Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова, Т. Ф. Минязева, В. Н. Орлов, С. В. Познышев, Е. Э. Попова, В. В. Сверчков, А. Ф. Сизый, А. А. Синичкин, А. П. Скиба, Ф. Р. Сундуков, А. И. Чучаев.

В Международном пакте о гражданских и политических правах указывается, что «пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание». Средства исправления осужденных (заключенных) должны определяться соответствующим законодательством страны. В России средства исправления осужденных закреплены в ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ). В основе определения степени исправления осужденных лежит изучение его личности.

В действующем уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве выделяются признаки, характеризующие личность лица, совершившего преступления (осужденного): пол, возраст, уровень образования, семейное положение и др. Эти признаки позволяют изучить личность осужденного. Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве личность обвиняемого является одним из обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ).

Изучение личности осужденных как юридической категории закреплено в ч. 4 ст. 109 УИК РФ, где установлено: «Воспитательная работа с осужденными проводится с учетом индивидуальных особенностей личности и характера осужденных и обстоятельств совершения ими преступлений».

С учетом личности осужденных осуществляется формирование отрядов, организация процесса общеобразовательного и профессионального обучения. Без изучения личности осужденных невозможно реализовать меры дисциплинарного воздействия, изменять их условия отбывания наказания. Изучение личности осужденных предопределяет вопросы их классификации, возможность их представления к условно-досрочному освобождению, замене наказания более мягким, амнистии и помилованию [2, с. 57]. При этом процедура условно-досрочного освобождения или иные вопросы в процессе отбывания уголовного наказания решаются на основании норм УПК РФ (ст. 397).

Характеристика осужденных включает в себя три основных направления: социально-демографическое, уголовно-правовое и уголовно-исполнительное.

Социально-демографическая характеристика осужденных содержит в себе: пол, возраст, гражданство, семейное положение, состояние здоровья, образование или род деятельности до ареста.

По полу осужденные подразделяются на мужчин и женщин. Количество осужденных женщин сравнительно невелико и составляет 5–6 % от общего количества осужденных, при этом среди населения доля женщин превышает половину. Это объясняется тем, что они более осмысленно видят свое предназначение. Все категории осужденных женщин содержатся в колониях общего режима. В колониях-поселениях осужденные мужчины и женщины содержатся совместно.

Возраст представляет собой психофизическую характеристику людей и оказывает существенное влияние на поведение человека. Возраст влияет на назначение уголовного наказания. Несовершеннолетние отбывают наказание в воспитательных колониях, и в порядке меры взыскания они не могут переводиться в тюрьму. В качестве меры наказания им может назначаться не только лишение свободы, но и такое наказание, как исправительные работы.

Гражданство. Граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства в местах лишения свободы содержатся раздельно. Правовой статус у названных категорий осужденных является одинаковым. Особенности состоят в том, что при освобождении иностранных граждан устанавливается связь с посольствами или дипломатическими представительствами.

Семейное положение. Наличие семьи на человека, как правило, оказывает положительное воздействие, вместе с тем семья может оказывать и отрицательное влияние. Доля женатых осужденных мужчин является более низкой, нежели доля всего мужского населения страны. К тому же значительная часть браков осужденных распадается. Распад семей имеет неблагоприятную тенденцию. Однако практически у всех осужденных есть родственники, братья, сестры, дети, что создает благоприятные условия для исправительного воздействия [2, с. 57–72].

Состояние здоровья. Наркоманы, ВИЧ-инфицированные, лица с отклонениями в психике содержатся в лечебных исправительных учреждениях. Инвалидам нельзя назначать исправительные работы, направлять их в колонии-поселения. Всегда была актуальной проблема занятости трудом инвалидов. Основная масса осужденных здорова и является трудоспособной.

Образование. Высокий образовательный уровень человека является антикриминальным фактором. Чем выше у человека образование, тем менее вероятно, что он совершит преступление. В силу этого в исправительных учреждениях организуется обязательное основное обучение осужденных в возрасте до 30 лет, а в колониях-поселениях осужденные могут заочно обучаться в средних и высших учебных заведениях.

Прошлая трудовая деятельность. Исследования показывают, что более половины осужденных (56,4 %) до ареста нигде не работали и не учились. Администрация обязана привлекать осужденных к труду, учитывая специальность, по которой осужденный работал на свободе. Бывшие работники правоохранительных органов направляются в специализированные колонии, и реализовать их прошлую трудовую деятельность в условиях отбывания наказания практически невозможно.

Уголовно-правовая характеристика осужденных включает в себя такой критерий, как характер и тяжесть совершенного преступления. Сюда в первую очередь следует отнести квалификацию совершенного преступления, число судимостей, рецидив преступлений, вид и сроки уголовного наказания, возможности досрочного освобождения.

От указанных факторов напрямую зависит не только система учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, но и установление вида режима учреждения. Срок наказания и количество судимостей характеризуют степень общественной опасности осужденного, а также имеют существенное значение при представлении осужденных к досрочным видам освобождения. Большая часть осужденных (более 70 %) имеют сроки наказания от 3 до 6 лет.

Более половины осужденных, которые отбывают наказания, совершили преступления против собственности, одна треть – против личности, на третьем месте преступления против общественной безопасности.

Уголовно-исполнительная характеристика лиц, отбывающих наказания, предусматривает тот или иной вид режима исправительного учреждения; особенности организации общественно полезного труда осужденных; поведение, изменение условий содержания осужденных, степень их исправления.

Для оценки исправления осужденного важно классифицировать осужденных на основе его уголовно-исполнительных признаков: характер поведения во время отбывания наказания, отношение к основным средствам исправления осужденных, соблюдение режима отбывания наказания и предъявленных в связи с этим требований, степень погашения исков и выполнения алиментных обязательств. Они подлежат первоочередному учету, и лишь потом оцениваются социально-демографические и уголовно-правовые признаки.

Дисциплинарная практика показывает, что существенная доля осужденных по своему поведению характеризуется отрицательно.

Р. А. Филиппов в своем исследовании указывает, что «уровень нарушений порядка отбывания наказания в расчете на 1000 человек в целом по России повысился на 8,8 %, уровень злостных нарушений порядка отбывания наказания за указанный период вырос на 3,3 % и составил 40,5 % [8].

Отношение осужденного к труду является важным показателем определения поведения осужденного. Однако значительная часть осужденных не имеет возможности трудиться по не зависящим от них причинам.

Учитывая отношение осужденных к основным средствам исправления, В. Н. Орлов приводит классификацию нравственных и юридических показателей: «1) отношение осужденного к совершенному преступлению и к назначенному наказанию: осуждение своего преступного прошлого; стремление к возмещению причиненного ущерба; признание справедливым назначенного судом наказания; 2) отношение осужденного к порядку и условиям отбывания уголовного наказания: неукоснительное соблюдение осужденным порядка и условий отбывания наказаний, в том числе Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений; 3) отношение к исправительному воздействию: добросовестное отношение к труду, учебе, а также активное участие в иных образовательных и воспитательных мероприятиях; участие в работе общественных объединений; 4) социальная характеристика осужденного: поддержание и установление осужденным социально полезных связей, а также заинтересованность осужденного в трудовом и бытовом устройстве после освобождения от отбывания наказания» [3].

Важным считаем учет такого критерия оценки степени исправления осужденного, как «отношение осужденного к совершенному противоправному деянию». При решении вопроса об условно-досрочном освобождении данный критерий должен относиться к числу основных, поскольку он раскрывает направленность личности осужденных, которые могут быть условно-досрочно освобождены от наказания. К сожалению, уголовно-исполнительное законодательство не раскрывает такого критерия. На осно-

ве показателей, характеризующих особенности личности осужденного, в литературе приводятся различные степени их исправления.

В. М. Поздняков называет три варианта степени исправления [4]. Первой степени исправления соответствуют показатели: осужденный доказывает свое исправление; становится на путь исправления; идет по пути к исправлению; не становится на путь исправления; злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания. Вторая степень исправления содержит такие показатели, как: характеризуется положительно, не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания; характеризуется положительно; характеризуется неопределенностью в поведении либо имеет неустойчивую социальную установку; характеризуется отрицательно либо не стремится к исправлению; злостный нарушитель установленного порядка отбывания наказания. Третьей степени соответствуют высокая, средняя либо неполная; низкая степень исправления.

А. Ф. Сизый говорит о трех степенях исправления: 1) встал на путь исправления; 2) положительно характеризующийся осужденный; 3) осужденный, не нуждающийся для своего исправления в дальнейшем отбывании наказания, и ему может предоставлено условно-досрочное освобождение или наказание может быть заменено более мягким [6]. А. А. Синичкин выделяет группу дополнительных критериев: «участие осужденного в общественной работе» и «участие осужденного в проводимых администрацией исправительного учреждения воспитательных мероприятиях» и указывает, что «характеризуя осужденного с точки зрения его отношения к воспитательному воздействию, проводимому в исправительном учреждении, данные критерии оценки должны применяться сугубо индивидуально к каждому осужденному, с учетом его индивидуальных особенностей» [7].

Система обобщающих показателей исправления осужденных представлена в таблице.

Таблица

Система обобщающих показателей исправления осужденных

Критерий оценки	Обобщающие показатели
Поведение осужденного в период отбывания наказания	Хорошее поведение, устойчивое хорошее поведение, образцовое поведение
Отношение осужденного к общественно полезному труду	Добросовестное отношение к труду
Отношение осужденного к обучению	Добросовестное отношение к обучению
Участие осужденного в проводимых воспитательных мероприятиях	Участие в воспитательных мероприятиях, активное участие в воспитательных мероприятиях
Отношение осужденного к совершенному им противоправному деянию	Осознание нанесенного преступлением вреда

Е. А. Антонян пишет: «...уместно поставить вопрос о возвращении в уголовный и уголовно-исполнительный законы понятия особо опасного рецидивиста. Изучение личности осужденных, отбывающих лишение свободы, показало, что для лиц, неоднократно отбывавших данный вид наказания, характерно совершение однородных преступлений: кража, грабеж, убийство и др. Следовательно, лица, их совершающие, должны быть выделены на законодательном уровне в отдельную категорию осужденных» [1]. Указанная типология личности осужденного должна учитываться при изменении условий от-

бывания наказания и вида исправительного учреждения, разрешении на бесконвойное передвижение или без сопровождения, предоставлении свидания с правом проживания за пределами исправительного учреждения; освобождении от наказания условно-досрочно и др. Кроме того, она должна быть положена в основу формирования разделов и глав УИК РФ. Чтобы требование закона об учете личности осужденного было императивным не только по форме, но и по содержанию, необходимо:

законодательно закрепить оценку степени исправления осужденных в качестве одного из правовых институтов;

создать условия для стимулирования осужденных к исправлению или правопослушному поведению;

использовать открытую систему оценки (аттестация), понятную осужденным и персоналу исправительных учреждений;

законодательно установить систему оценки исправления осужденных, которая позволит повысить эффективность реализации отдельных прав осужденных (перевод на другие условия отбывания наказания, изменение вида исправительного учреждения, замена наказания более мягким, условно-досрочное освобождение и т. д.) или применения мер поощрения и взыскания, поставленных в зависимость от такой оценки. В данном случае правоприменитель (начальник исправительного учреждения, прокурор, суд) при принятии решений должен исходить из норм уголовно-исполнительного закона, определяющих степень исправления осужденных [5].

Институт оценки степени исправления осужденных должен реализовываться в рамках уголовно-исполнительных и уголовных правоотношений, а также путем более масштабного, целостного изучения личности преступника.

Библиографический список

1. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.
2. Нечаева Е. В. Организационно-правовые аспекты исполнения наказания в отношении осужденных, содержащихся в следственных изоляторах. Чебоксары, 2013. 188 с.
3. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав исполнения : монография. М., 2014. 288 с.
4. Поздняков В. М. Еще раз о критериях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2005. № 2. С. 34–36.
5. Потапов А. М., Лепшиков А. Н. Определение степени исправления осужденных к лишению свободы: сравнительно-правовой аспект // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступ. и докл. участников (Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 4 : Материалы Международной научно-практической конференции «Воспитательная, социальная и психологическая работа в уголовно-исполнительной системе» : в 2 ч. Ч. 2. С. 17–21.
6. Сизый А. Ф. Поощрительные нормы уголовно-исполнительного права: проблемы теории и практики : монография. Рязань, 1994. 214 с.
7. Синичкин А. А. Оценка степени исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003.
8. Филиппов Р. А. Об оценке степени исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк, 2015. С. 41–44.

УДК 343.91:343.81

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.228-232

ЮРИЙ ЮРЬЕВИЧ ТИЩЕНКО,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: yutish@list.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ

Для цитирования

Тищенко, Ю. Ю. Некоторые особенности профилактического воздействия на пенитенциарную преступность / Ю. Ю. Тищенко // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 228–232. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.228-232.

Аннотация. В статье рассматриваются возможность профилактического воздействия на пенитенциарную преступность, причины и условия совершения преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы, а также проблемные вопросы профилактики пенитенциарной и постпенитенциарной преступности. Высказывается мнение о том, что профилактическое воздействие (профилактика преступлений, совершаемых осужденными) в исправительных учреждениях – это основанная на законе деятельность администрации исправительного учреждения и иных субъектов, заключающаяся в разработке и осуществлении комплекса мер по выявлению, устранению и нейтрализации причин и условий преступлений осужденных в исправительных учреждениях, а также оказанию превентивного воздействия на осужденных, склонных к противоправному поведению, с целью удержания их от совершения новых преступлений. Предупредительное воздействие на осужденных следует отличать от исправительного воздействия, в силу того что это разные категории (понятия) как по форме, так и по содержанию. С учетом того что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, профилактическое воздействие на осужденных будет соотноситься с исправлением осужденных как часть с целым. Если цель предупреждения и профилактики – удержать осужденного от совершения преступления, то цель исправления – сформировать законопослушную личность.

Ключевые слова: пенитенциарная преступность, профилактика, причины совершения преступлений, меры предупреждения.

© Тищенко Ю. Ю., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Предупреждение преступности в самом общем виде – это прежде всего воздействие на ее причины, выявление преступников и оказание на них предупредительно-исправительного воздействия [1, с. 9]. Указанный тезис в полной мере относится и к предупреждению пенитенциарной преступности. Здесь важная роль принадлежит уголовно-исполнительной системе. От правильной организации деятельности исправительных учреждений во многом зависит успех всех мероприятий государственных органов и общественности по борьбе с преступностью. Чтобы оценить эффективность профилактической деятельности исправительных учреждений, нужно в первую очередь определиться с тем, что их основная цель – недопущение новых преступлений путем исправления осужденных. Не вызывает сомнений, что такая цель не только нравственна и гуманна, но и разумна и рациональна, имея в виду интересы всего общества. Можно с полной уверенностью отметить, что в местах лишения свободы вряд ли сможет сформироваться новая личность, а те изменения в ней, которые там можно наблюдать, есть продолжение, развитие или изменение тех черт, которые существовали раньше. Кроме того, следует учитывать, что, по мнению психологов, длительное (свыше 5–6 лет) нахождение в местах лишения свободы приводит к необратимым изменениям психики человека [2, с. 44].

Профилактика пенитенциарной преступности в исправительных учреждениях включает в себя целый комплекс мероприятий, предполагающий в первую очередь размещение осужденных в соответствии со степенью деформации их личности. Предупреждению преступлений в местах лишения свободы служит режим, осуществление контроля над осужденными с целью недопущения создания групп с антиобщественной направленностью вокруг злостных преступников, своевременное профилактическое воздействие в отношении осужденных, намеревающихся вновь совершить преступление.

Закон предоставляет широкие возможности воздействия на осужденных, как на нарушителей, так и на осужденных, изменивших поведение в лучшую сторону. Особое значение в предупреждении преступности в местах лишения свободы имеет установление ряда норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, в которых закреплены неблагоприятные последствия отрицательного поведения осужденных во время отбывания наказания. Так, осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, могут быть помещены в штрафной изолятор, переведены в помещение камерного типа, на строгие условия содержания, а из колонии-поселения – в исправительную колонию. Наряду с мерами исправительного воздействия в отношении осужденных применяются специально-предупредительные средства. К ним относятся: охрана осужденных и надзор, особые технические средства, режим особых условий, меры безопасности.

Помощь осужденным, освобождаемым после отбывания наказания, и контроль над ними как основные специально-профилактические меры предупреждения рецидива преступлений предусмотрены современным уголовно-исполнительным законодательством. Этому, в частности, посвящена гл. 22 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Вероятность совершения так называемых постпенитенциарных преступлений после отбытия наказаний, связанных с лишением свободы, в большой степени зависит от возможности активного включения в нормальную социальную жизнь общества, восстановления прерванных полезных связей. Трудоустройством осужденных в настоящее время занимаются центры занятости населения. Что касается бытового устройства, то следует иметь в виду, что существовавшие ранее ограничения в прописке отменены, поэтому

возможность регистрации определяется наличием жилья и согласием родственников. Наряду с этим существуют возможности устройства в общежитие, найма жилья и др. В связи с безработицей в стране возникли дополнительные сложности трудоустройства. Они могут преодолеваются с помощью частного сектора экономики, способного трудоустроить значительную часть лиц, освободившихся после отбытия наказания. Однако при этом возникает опасность внедрения в экономику криминальных методов хозяйствования. В этом смысле особую актуальность приобретает необходимость принятия федерального закона о социальной адаптации лиц, отбывших уголовное наказание, предусматривающего различные формы оказания им социальной помощи, например, введение экономического стимулирования предприятий и организаций, принявших на работу таких лиц, возложение на службу занятости задач их трудоустройства. К обстоятельствам, способствующим рецидиву преступлений, относятся недостатки не только исправительных учреждений, но и других государственных органов по обеспечению трудового и бытового устройства лиц, отбывавших наказания. Важную роль в постпенитенциарном воздействии на осужденных после их освобождения играет социальный контроль, который, к сожалению, в России недостаточно развит. По мнению Я. И. Гилянского, именно осознание неэффективности традиционных средств контроля над преступностью «кризиса наказания», более того – негативных последствий такого распространенного вида наказания, как лишение свободы, приводит к поискам альтернативных решений как стратегического, так и практического характера [3, с. 7]. Вместе с тем гуманизация уголовного наказания без решения наиболее крупных социальных проблем может привести только к росту преступности, прежде всего рецидивной. Необходимо понимать, что некоторые преступники навсегда должны быть изолированы от общества. Даже Н. Кристи – известный норвежский криминолог, считающий уголовное наказание причинением боли, соглашается с тем, что наказание удерживает, а если бы наказания совсем не было, мог бы возникнуть хаос [4, с. 36]. При этом он полагает, что некоторые виды наказания в некоторых ситуациях удерживают от совершения некоторых действий.

В местах лишения свободы осужденные нередко оказываются в окружении еще более криминогенной среды, чем та, в которой они совершали преступления на свободе. Это определенный парадокс уголовного наказания: лиц, совершивших преступления, мы помещаем в криминальную среду и ожидаем на выходе законопослушных граждан. В силу этого с момента их прибытия в исправительное учреждение начинается новый виток профилактики преступлений, но уже на новом качественном уровне. По сути, профилактика осуществляется на том этапе, когда преступление еще не совершено и с целью его недопущения предпринимаются меры, направленные на определенное купирование криминогенных свойств личности. Она предпочтительна, прежде всего, из экономических соображений (особенно это важно, при совершении пенитенциарных преступлений) – значительно выгоднее бывает провести профилактические мероприятия в ИУ и не допустить преступление или массовые преступления, чем затем устранять последствия.

Когда осужденный попадает в места лишения свободы, круг его общения значительно сужается. Если на свободе можно надеяться на то, что общение не будет ограничиваться только контактами с отрицательно направленными субъектами, то в исправительных учреждениях ему практически все свое время приходится проводить с такими же нарушителями закона, как и он. Как в такой ситуации оградить его от совершения нового преступления только уже на территории исправительного учреждения? Этот вопрос уже

в течение длительного времени решается многими теоретиками и практиками, однако преступления в исправительных учреждениях по-прежнему совершаются.

В интервью примерно 70 % сотрудников исправительных учреждений отмечают, что среди осужденных латентность правонарушений достаточно велика, поэтому при анализе состояния преступности в исправительных учреждениях и разработке профилактических мер необходимо учитывать не только зарегистрированное преступное насилие, но и насильственные действия, которые не фиксируются в качестве преступных. В основном выявляются преступления против жизни и здоровья, намного реже – преступления против чести и достоинства, против половой свободы и половой неприкосновенности.

Объективно полагать, что важную роль в вопросах предупреждения преступности осужденных в исправительных учреждениях играет не только работа сотрудников администрации учреждения, но и взаимодействие исправительных учреждений с государственными и общественными организациями с целью оказания помощи в реабилитации осужденных.

Одной из самых действенных форм снижения роста показателей преступности является профилактика совершения правонарушений, в том числе преступлений. Профилактика преступлений – это деятельность, заключающаяся в разработке и осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин и условий преступности, а также оказание предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению [5, с. 34].

По статистическим данным, в 80-х годах прошлого века профилактика являлась наиболее действенным направлением в сфере снижения роста преступности. Казалось бы, с учетом многолетнего опыта применения такого рода воздействия на человека система профилактики и предупреждения должна быть идеальна и безупречна. Однако на практике это совсем не так, и система способов и методов далека от совершенства. Необходимо также учитывать, что действенность определенных разработок теряет свою актуальность с ходом времени, с изменением общества, законодательства, формы правления и государства в целом.

На наш взгляд, профилактическое воздействие (профилактика преступлений, совершаемых осужденными) в исправительных учреждениях – это основанная на законе деятельность администрации исправительного учреждения и иных субъектов, заключающаяся в разработке и осуществлении комплекса мер по выявлению, устранению и нейтрализации причин и условий совершения преступлений осужденными в исправительных учреждениях, а также оказанию превентивного воздействия на осужденных, склонных к противоправному поведению, с целью удержания их от совершения новых преступлений.

Предупредительное воздействие на осужденных следует отличать от исправительного воздействия, в силу того что это разные категории (понятия) как по форме, так и по содержанию.

Учитывая, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения, «профилактическое воздействие на осужденных» будет соотноситься с «исправлением осужденных» как часть с целым. Если цель предупреждения и профилактики – удержать осужденного от совершения преступления, то цель исправления – сформировать законопослушную личность.

Библиографический список

1. Антонян Ю. М. Предупреждение преступности в России : монография. М., 2014. 179 с.
2. Пирожков В. Ф. Влияние социальной изоляции в виде лишения свободы на психологию осужденного // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 35. С. 40–50.
3. Гилинский Я. И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминолога // Криминалист. 2016. № 1(18). С. 7–9.
4. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я. И. Гилинского ; пер. с англ. В. М. Когана. СПб., 2011. 147 с.
5. Игошев К. Е., Устинов В. С. Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. 125 с.

УДК 343.847

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.233-239

БОРИС ЗУФАРОВИЧ МАЛИКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Уфимский юридический институт МВД России,
г. Уфа, Российская Федерация,
e-mail: malikov_bz@mail.ru

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫМ ИНСПЕКЦИЯМ – 100 ЛЕТ

Для цитирования

Маликов, Б. З. Уголовно-исполнительным инспекциям – 100 лет / Б. З. Маликов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 233–239. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.233-239.

Аннотация. Статья посвящена историко-правовому анализу деятельности уголовно-исполнительных инспекций как органа, исполняющего уголовные наказания и иные меры уголовно-правового характера, не связанные с изоляцией осужденного от общества. В 2019 году этому виду учреждений как важной составляющей части уголовно-исполнительной системы исполняется 100 лет. Проводится анализ дореволюционной и советской системы наказаний без изоляции осужденного от общества. Показано, что политика применения уголовных наказаний в России с первых дней советской власти отражала принципы, цели и методы общего формата социального переустройства в государстве, ориентированного на создание нового уклада жизни для трудящихся масс и в целом на изменение содержания общественных отношений на новой политической, экономической, идейно-нравственной основе, – вере в глубинные и творческие побудительные истоки и силы человека.

В историческом аспекте анализируются материальные и организационные основы видов наказаний, не связанных с лишением свободы осужденных и сопряженных с принуждением таковых к труду: обязательные работы, общественные принудительные работы, исправительно-трудовые работы, исправительные работы. Рассматриваются такие организационно-правовые формы, как бюро принудительных работ, инспекции исправительно-трудовых работ, инспекции исправительных работ, уголовно-исполнительные инспекции. Показан опыт уголовно-исполнительной деятельности непосредственно в социуме в опоре на его общественный потенциал и официальные организационные формы. Кроме того, в статье отражены позиции различных ученых-пенитенциаристов на деятельность уголовно-исполнительных инспекций в разные исторические периоды.

© Маликов Б. З., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: уголовно-исполнительные инспекции, наказания, не связанные с лишением свободы, уголовно-исполнительное законодательство, осужденные.

Появление уголовно-исполнительных инспекций в системе учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, отражает сравнительно новое и своеобразное направление советской уголовной и пенитенциарной политики в России в XX в. В 2019 г. этому виду учреждений как важной составляющей части уголовно-исполнительной системы исполняется 100 лет. Сложный и противоречивый путь своего становления прошли современные уголовно-исполнительные инспекции, обеспечивая неотъемлемые функции правосудия в части исполнения приговоров судов в отношении осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, организуя в социуме, в трудовых коллективах и непосредственно с осужденными значительную работу по их исправлению, по формированию нового правосознания, предупреждению правонарушений и преступлений.

В свое время будущий профессор права В. Д. Меньшагин, игнорируя социальное и гуманитарное значение процедуры исполнения наказания в виде исправительно-трудовых работ по месту службы, в 1938 г. их карательную сущность и содержание сводил к проявлению кары в форме штрафа в рассрочку [1, с. 39–45]. Такой оценочный подход в определенной мере принижал значение деятельности инспекций исправительно-трудовых работ и зауживал их реальные функции по исполнению данного вида наказания.

Сто лет назад Россия не имела ни опыта, ни полицейских, ни административных структур, ни законодательства, ни судебной практики для применения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных, в масштабах всей страны. Следует отметить, что в начале XX в., вопреки наметившейся общей прогрессивной тенденции в гуманизации применения наказаний и их исполнения в странах Европы и США, самодержавная власть в России так и не решилась на включение в уголовное законодательство норм института условного осуждения, что сохраняло в стране достаточно жесткую судебно-карательную и пенитенциарную процедуру [2, с. 7].

Новая организация государства и социума после октября 1917 г. в целом требовала кардинальной смены (слома) прежнего государственного аппарата. Отречение от старой буржуазно-помещичьей и самодержавной власти влекло за собой необходимость с помощью уголовного закона и народного правосудия обеспечения иных приоритетов в защите социальных ценностей [3, с. 11–12]. В системе мер уголовно-правовой защиты получали законодательное закрепление наказания, не связанные с лишением свободы, с привлечением осужденных к общественно полезному труду.

Политика применения уголовных наказаний в России с первых дней советской власти отражала принципы, цели и методы общего формата социального переустройства в государстве, ориентированного на созидание нового уклада жизни для трудящихся масс и в целом на изменение содержания общественных отношений на новой политической, экономической, идейно-нравственной основе – вере в глубинные и творческие побудительные истоки и силы человека. Трудящемуся человеку отводилась ведущая роль в новом созидательном процессе, в котором его личный потенциал наилучшим образом мог быть реализован в формах активного профессионального взаимодействия людей, взаимопомощи, взаимопонимания, совершенствования механизмов социальных и правовых отношений, новой организации социума трудящихся, сплоченных единым целеполаганием, совместным приложением сил и осознанием взятой на себя ответственности.

Для наиболее полного и верного понимания принципов и содержания уголовной политики, уголовно-правовой охраны новых ценностей пролетарского и социалистического государства следует иметь в виду, что с 25 октября 1917 г. в России изначально имел место процесс ожесточенной борьбы за новую власть большинства социума, период отрицания монархических, буржуазных, феодально-деспотических, религиозных постулатов в механизмах социальной организации, управления и взаимодействия. Эти подходы проявились в методах широкого применения государственного принуждения в организации «административного» устройства экономики и труда населения страны. При этом сам человек идеализировался как биолого-социальное явление, как способный в новых социальных условиях проявить себя преимущественно позитивно, принимать и всемерно поддерживать идеологию пролетарского, социалистического образа жизни и последовательно воплощать эти идеи в практике социального переустройства в России. Подобные оптимистичные оценки и прогнозы были основаны на идее «сглаживания» и отрицания либо минимизации наличия противоречий в однородной среде трудящихся – пролетариев, а также в завышенных ожиданиях социального эффекта от качества нового устройства социума. Однако спрогнозировать, что это будет трудный и противоречивый путь, сопряженный с высокой потенциальной криминального поведения, активным противодействием и даже конфронтацией в рядах самого правящего класса, в верхних эшелонах руководства страны, не были способны идеологи «слома» естественного хода развития России. Тем не менее применение государственного принуждения в форме уголовного преследования стало основной формой «приобщения» к новой жизни всех «несогласных» лиц с учетом классовой принадлежности и социальной опасности. В связи с этим социалистический порядок в советской России предполагалось выстраивать на новой идейной и правовой основе, иных механизмах государственного принуждения, включая организацию судебной деятельности, применение наказаний, сочетаемых с широким действием различных форматов общественного участия.

Отправные идеи новой уголовной политики советской России, сформулированные В. И. Лениным в тезисах к проекту второй Программы РКП(б), принятой Восьмым съездом партии большевиков в 1919 г., составили основу п. 11 Программы РКП(б). В нем предусматривалось на начальном этапе пролетарской государственности обеспечить формирование народных судов таким образом, чтобы их деятельность отражала сущность процесса становления совершенно иного социального уклада в стране, и выстраивание защиты трудящихся масс на принципах гуманизма, справедливости, учета деформаций личности от прежнего состояния безграмотности, нищеты, сословного унижения, а также усиления исправительно-воспитательного значения уголовного правосудия и мер государственного принуждения за совершенные преступления.

Программа РКП(б), по замыслу В. И. Ленина, несла в себе новые подходы к организации правосудия в борьбе с преступностью. В ней особо отмечалось: «В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя как меру наказания общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов». Таким образом, акцент в уголовной политике делался на том, что народные суды и трудящиеся массы – это единая движущая сила в организации правопорядка в стране, поэтому в Программе ставилась задача, «...чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к от-

правлению судебных обязанностей и чтобы система наказаний была окончательно заменена системой мер воспитательного характера».

Материальной и организационной основой новых видов наказаний, не связанных с лишением свободы, стало принуждение осужденных к труду. Для исполнения наказаний в виде обязательных работ, общественных принудительных работ, исправительно-трудовых работ, исправительных работ в России стали создаваться специализированные органы, которые в разные периоды уголовной и уголовно-исполнительной политики изменяли свое наименование: «бюро принудительных работ», «инспекции исправительно-трудовых работ», «инспекции исправительных работ», «уголовно-исполнительные инспекции», но нарабатывали опыт уголовно-исполнительной деятельности непосредственно в социуме в опоре на его общественный потенциал и официальные организационные формы.

За столетний период формирования и совершенствования деятельности уголовно-исполнительных инспекций прослеживается сложный процесс осмысления и обобщения практики применения и исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера [4, с. 13–14], решения вопросов организации уголовно-исполнительной деятельности, создания и формирования уголовно-исполнительной системы, передачи ее из системы МВД России в систему Минюста России, образования в целях повышения эффективности управления учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы самостоятельной Федеральной службы исполнения наказаний. Все указанные выше процессы и изменения в деятельности государства находили отражение в научных трудах ведущих специалистов в области уголовного и уголовно-исполнительного права (советского исправительно-трудового права), а также получали нормативное закрепление в законах и подзаконных актах.

Большой вклад в теорию применения и исполнения уголовных наказаний в России и в процесс становления и реализации исправительно-трудовой политики внесли ученые М. Н. Гернет, М. М. Исаев, В. Д. Меньшагин, С. В. Познышев, Б. С. Утевский, Н. А. Стручков.

Дальнейшее развитие теории советского исправительно-трудового и российского уголовно-исполнительного права, воззрений на функционирование системы учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, правовое положение осужденных получили в работах ведущих ученых-правоведов России: Ю. М. Антоняна, В. П. Артамонова, З. А. Астемирова, Л. В. Багрий-Шахматова, Н. А. Беляева, А. В. Бриллиантова, И. А. Бушуева, И. М. Гальперина, В. Г. Громова, С. И. Дементьева, М. Г. Деткова, А. И. Зубкова, И. И. Карпеца, Ю. А. Кашубы, С. И. Кузьмина, А. И. Марцева, М. П. Мелентьева, А. С. Михлина, А. Е. Наташева, И. С. Ноя, В. Н. Орлова, П. Г. Пономарева, А. Т. Потемкиной, А. Л. Ременсона, А. А. Рябина, В. И. Селиверстова, А. Ф. Сизого, И. А. Сперанского, Ф. Р. Сундунова, Ю. М. Ткачевского, Г. А. Туманова, В. А. Уткина, О. В. Филимонова, Г. Ф. Хохрякова, Н. Б. Хуторской, А. В. Шамиса, И. В. Шмарова, В. Е. Южанина и др.

Карательно-репрессивный вектор Советского государства в 20–50-е годы с использованием уголовно-правовых средств, судебных и внесудебных механизмов, системы исправительно-трудовых учреждений в определенной мере извратил положение п. 11 Программы РКП(б) о формировании в России исправительной системы исполнения наказаний с преобладанием в ней учреждений и органов, в которых карательный аспект не доминировал бы над воспитательным содержанием организации всей их работы. В результате активного проведения судебных и внесудебных репрессий, повлекших за собой широкое применение лишения свободы, в СССР была сформирована гулаговская система исправительно-трудовых лагерей, колоний и тюрем, которая не одно

десятилетие была основной в определении содержания уголовной и исправительно-трудовой политики.

В уголовно-судебной политике и практике применение наказаний, не связанных с лишением свободы, основу которых составляло трудовое исправительное воздействие на осужденных, в организационной и практической деятельности занимало сравнительно незначительное место. Наряду с системой ГУЛАГа, это направление деятельности государством обеспечивалось слабо. Практически до конца 70-х годов инспекции исправительных работ в системе МВД СССР представляли собой специфическое направление деятельности гражданского персонала по исполнению приговоров судов в отношении осужденных к исправительным работам в составе горрайорганов внутренних дел с подчинением по вертикали УИТУ, ОИТУ.

Только во второй половине XX в. с образованием в составе МВД СССР новой самостоятельной службы – Пятого главного управления по руководству органами, исполняющими наказания, не связанные с лишением свободы, инспекции исправительных работ стали обретать полноценный правовой, структурный, штатно-организационный, материально-хозяйственный полноценный формат органа будущей уголовно-исполнительной системы. (Правовым основанием формирования уголовно-исполнительной системы в России стал Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».)

В постсоветский период в связи с гуманизацией и депенализацией содержания уголовной и уголовно-исполнительной политики, судебной практики по применению наказаний и иных мер уголовно-правового характера произошло должное и значительное изменение в количественном и качественном отношении контингента осужденных, содержащихся в местах их изоляции, и осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В настоящее время «наказания, не связанные с лишением свободы, занимают в общем перечне значительное место. Так, к реальному лишению свободы осуждается около 33–35 % подсудимых, тогда как остальные 65–67 % приговариваются к альтернативным видам наказаний» [5, с. 46]. Возрастает необходимость в дальнейшем совершенствовании функционирования уголовно-исполнительных инспекций, формирование которых осуществлялось на протяжении 100-летнего периода в режиме экономики и недостаточности финансовых и материальных средств, кадрового дефицита, то есть по остаточному принципу [6, с. 22].

Деятельность современных уголовно-исполнительных инспекций, роль которых в реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики существенно возросла, еще более усложнилась в уголовно-исполнительной системе. Уголовно-исполнительные инспекции в настоящее время исполняют приговоры судов и иные акты компетентных органов по применению амнистии и помилования о наказаниях, не связанных с изоляцией осужденных, и решений по применению мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий. Правовая природа таких уголовно-исполнительных и уголовно-процессуальных отношений различна, так как у них специфичны предметы и методы правового регулирования, самостоятельные отраслевые системы норм, определяющих специфику содержания правоотношений. Несхожи по сущности и последствиям юридические факты таких разнопорядковых правоотношений, отличаются характером правомочий их субъекты и участники. Эти особенности находят отражение в нормативных правовых актах, регламентирующих различные по своей сущности и содержанию направления деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Они долж-

ны учитываться в профессиональной подготовке сотрудников данной службы, а также влиять на содержание уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной политики, учитывающей специфику различных направлений деятельности по реализации задач правосудия в открытом социуме и при участии институтов гражданского общества.

Актуальность дискуссии в научном сообществе о том, должны ли мы воспринимать зарубежный опыт служб пробации как единственный и достаточно верный [7, с. 39–52], брать его за основу для формирования в России службы исполнения альтернатив лишению свободы [8, с. 52–54], видимо, уже исчерпала себя. Мы не отрицаем положительные стороны организации служб пробации, но они рассчитаны совершенно на иные социально-экономические условия, национальные традиции и возможности в противодействии преступности, а также практику деятельности органов уголовной юстиции. Нам представляется, что в России с учетом социальных, экономических, географических, природно-климатических, ментальных, национальных особенностей, сложившейся структуры гражданского общества, форм организации труда и общественно полезной деятельности, наработанного опыта в советское и постсоветское время по формированию системы исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также наработок в применении домашнего ареста и запрета определенных действий уже создана своя государственная служба с должными материальными и организационными ресурсами, системно отлаживаемая на протяжении 100 лет и встроена в механизм правосудия. Не случайно уголовно-исполнительные инспекции получили адекватное своему содержанию деятельности наименование. Со временем они должны стать доминирующим органом государства в уголовно-исполнительной системе, этому будет способствовать дальнейшая депенализация в уголовной политике.

Коллектив авторов Уфимского юридического института МВД России готовит к изданию в 2019 г. учебное пособие «Уголовно-исполнительные инспекции в механизме уголовно-исполнительных правоотношений», в котором теоретическому анализу подвергнут ряд аспектов деятельности уголовно-исполнительных инспекций (правовые и организационные основы становления службы исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы осужденных, уголовно-исполнительных инспекций, вопросы теории альтернатив лишению свободы, правового положения осужденных, исполнения домашнего ареста и запрета определенных действий и др.).

Отмеченные положения и выводы еще подлежат теоретическому переосмыслению, но они могут быть использованы для коррекции результатов проводимых диссертационных и монографических исследований по данной проблематике.

Библиографический список

1. Меньшагин В. Д. О принудительных работах по месту службы // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 39–45.
2. Тимашев Н. С. Условное осуждение. СПб., 1914. 558 с.
3. Ленин В. И. Обращение к населению о победе Октябрьской революции и о задачах на местах // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.) / под ред. И. Т. Голякова. М., 1953. 463 с.
4. Маликов Б. З. Выражение и реализация уголовной ответственности в наказании и некарательных мерах уголовно-правового характера // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 10–16.
5. Плющева Е. Л. Теоретико-правовые аспекты контроля за осужденными без изоляции от общества // Российский следователь. 2015. № 13. С. 46–48.

---

6. Маликов Б. З. Уголовно-исполнительный кодекс РФ – выражение политики государства в области исполнения наказания // Проблемы реализации Уголовно-исполнительного кодекса РФ и духовно-нравственное воспитание осужденных : материалы круглого стола. Уфа, 1998.

7. Хуторская Н. Б. Организация и деятельность служб пробации за рубежом // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы Междунар. конф. М., 2001. С. 39–52.

8. Уткина С. С. Органы «пробации» в контексте международных правовых стандартов // Альтернативы тюремному заключению в Российской Федерации : материалы Междунар. конф. М., 2001. С. 52–54.

УДК 343.848.5

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.240-243

НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧ АРТЕМЬЕВ,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
профессор кафедры криминологии и организации профилактики преступлений,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: editor62@yandex.ru

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ НАРУШЕНИЙ ЗАКОННОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Для цитирования

Артемьев, Н. С. Роль общественного контроля в предупреждении нарушений законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы / Н. С. Артемьев // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 240–243. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.240-243.

Аннотация. Статья посвящена исследованию некоторых правовых проблем и практики деятельности общественности по контролю за соблюдением законности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний. Общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях осуществляют общественные наблюдательные комиссии, образованные в субъектах Российской Федерации в 2009 г. в соответствии с новым федеральным законом, а также легитимные общественные и региональные объединения, трудовые коллективы и отдельные граждане. Рассматривается деятельность Общественного совета при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы. Анализируется также деятельность некоторых неправительственных правозащитных организаций: международных (Международная тюремная реформа, Международная амнистия и др.); общероссийских (Общероссийское общественное движение «За права человека», Хельсинкская группа и др.); региональных (Нижегородское общество прав человека, Пермский региональный правозащитный центр); местных (Серпуховское общество попечителей пенитенциарных учреждений, Краснокамский правозащитный центр и др.). Рассматриваются основные формы, функции и направления деятельности различных общественных объединений при осуществлении ими деятельности, связанной с общественным контролем за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания. Особое внимание уделено контролю Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, который занимает

© Артемьев Н. С., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

промежуточное положение между государственным и общественным контролем и является независимой и самостоятельной формой обеспечения законности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях.

Ключевые слова: общественный контроль, предупреждение нарушений, уголовно-исполнительная система, осужденные.

Деятельность следственных изоляторов и исправительных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) по соблюдению законности находится под контролем не только международных организаций, государственных структур, судов, прокуратуры, но и общественности. Предусматривая участие общественности в контроле за соблюдением законности в деятельности следственных изоляторов и исправительных учреждений, государство определяет их главную задачу – оказание помощи в обеспечении их нормального функционирования в соответствии с российским законодательством и международными стандартами [1, с. 433–439].

На основании ст. 23 УИК РФ общественный контроль за обеспечением прав человека в исправительных учреждениях и дисциплинарных воинских частях осуществляют общественные наблюдательные комиссии, образованные в субъектах Российской Федерации, в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2009 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [2, с. 62–69]. Члены общественных наблюдательных комиссий при осуществлении общественного контроля вправе беседовать с осужденными, отбывающими наказание в следственных изоляторах. Общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и органов, исполняющих наказания.

Действующее законодательство к числу основных средств исправления осужденных, наряду с другими, относит и общественное воздействие. К общественности относятся легитимные, общественные и региональные объединения, трудовые коллективы и отдельные граждане. Согласно Положению об Общественном совете при Федеральной службе исполнения наказаний по проблемам деятельности уголовно-исполнительной системы, утвержденному приказом ФСИН России от 26 января 2007 г. № 32, основной целью Общественного совета является привлечение общественности к решению задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой (УИС), к защите прав и законных интересов сотрудников, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления, содержащихся в следственных изоляторах.

Одним из главных направлений работы Общественного совета выступает координация взаимодействия международных неправительственных и российских общественных организаций (объединений), религиозных конфессий с учреждениями и территориальными органами ФСИН России в работе по реформированию уголовно-исполнительной системы и созданию условий для правовой и социальной защищенности сотрудников, работников и ветеранов УИС, а также осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России.

Содействие в работе следственных изоляторов и исправительных учреждений оказывают представители общественности, прежде всего неправительственных правозащитных организаций. На территории России действуют как международные (Международная тюремная реформа, Международная амнистия и др.), так и общероссийские (Общероссийское общественное движение «За права человека»,

Московская, Хельсинкская группа и др.), региональные (Нижегородское общество прав человека, Пермский региональный правозащитный центр) и местные (Серпуховское общество попечителей пенитенциарных учреждений, Краснокамский правозащитный центр и др.) правозащитные организации.

Правозащитники ведут переписку с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, представляют их интересы в различных государственных органах, и в первую очередь во ФСИН России, в судах, в том числе международных, при нарушениях их прав и свобод, посещают следственные изоляторы и исправительные учреждения, встречаются с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и осуществляют общественный контроль за деятельностью сотрудников и должностных лиц следственных изоляторов и исправительных учреждений.

Статья 14 УИК РФ предусматривает обеспечение свободы совести и свободы вероисповедания осужденных, отбывающих наказание в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в том числе и в следственных изоляторах. Им гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания. Они вправе использовать любую религию либо не исповедовать никаких религий, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Однако привлечение общественности к деятельности следственных изоляторов и исправительных учреждений не должно создавать ситуацию, мешающую персоналу этих учреждений на законной (правовой) основе выполнять свои служебные обязанности.

Органы общественного контроля, в отличие от субъектов государственного контроля, не наделены властными полномочиями и действуют, как правило, опосредованно либо апеллируя к общественному мнению. Предметом общественного контроля является соблюдение прав, свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

К субъектам общественного контроля относятся общественные наблюдательные комиссии, Общественная палата РФ, общественные советы при ФСИН России и территориальных органах уголовно-исполнительной системы, комиссии по вопросам помилования на территории субъекта РФ, органы местного самоуправления, общественные и религиозные объединения, средства массовой информации, отдельные граждане. Основными формами их контрольной деятельности являются посещение следственных изоляторов и исправительных учреждений, мониторинг соблюдения прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и осужденных, переписка с ними и родственниками, рассмотрение их жалоб на действия администрации учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, направление запросов в территориальные органы УИС, в прокуратуру и другие компетентные органы.

Основными направлениями контрольной деятельности общественных структур являются наблюдение и проверка соблюдения прав и свобод и законных интересов подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Однако некоторые отличия есть в организации контроля религиозных объединений, предметом контроля которых является деятельность персонала по обеспечению конституционного права на свободу совести и свободу вероисповедания подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Контрольными функциями обладают и средства массовой информации. Телевидение и радио, периодические печатные издания и Интернет формируют общественное мнение о деятельности следственных изоляторов, исправительных учреждений, особенно при нарушении прав и свобод подозреваемых, обвиняемых и осужденных, привлекая внимание не только должностных лиц ФСИН России, но и международной общественности, чем, естественно, оказывается положительное воздействие на

совершенствование работы следственных изоляторов и исправительных учреждений по соблюдению законности в их деятельности.

В основе общественного контроля со стороны граждан лежит конституционное право человека и гражданина обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Контроль граждан осуществляется по их собственной инициативе на основании положений Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

С учетом того что в следственных изоляторах находятся под стражей подозреваемые и обвиняемые в совершении различных уголовных преступлений, большая часть которых отнесена к компетенции МВД России, важная роль в обеспечении их прав и свобод отводится Общественному совету при МВД России, Положение о котором утверждено Указом Президента РФ в 2011 г. Общественный совет при МВД России осуществляет контроль за деятельностью органов внутренних дел (полиции), и ему предоставлены необходимые полномочия [3, с. 2].

Функция обеспечения законности в УИС отводится Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации. Контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за деятельностью следственных изоляторов и исправительных учреждений осуществляется путем защиты прав и законных интересов лиц, попадающих в сферу деятельности уголовно-исполнительной системы, подозреваемых, обвиняемых, осужденных, их родственников и сотрудников персонала.

Контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации занимает промежуточное положение между государственным и общественным контролем и является независимой и самостоятельной формой обеспечения законности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации принимает и рассматривает жалобы на нарушение законности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, обжалует в суды общей юрисдикции незаконные действия должностных лиц этих учреждений, обращается в компетентные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного производства либо уголовного дела в отношении виновных сотрудников УИС, посещает эти учреждения, а также периодически направляет специальные доклады о нарушениях прав граждан в следственных изоляторах и исправительных учреждениях Президенту РФ, в заинтересованные министерства и ведомства.

Полагаем, что роль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в обеспечении законности в следственных изоляторах и исправительных учреждениях должна повышаться и в Федеральный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» следует внести дополнения, указав на координирующую роль Уполномоченного по правам человека и всех общественных объединений в обеспечении прав и свобод человека [4, с. 94].

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительное право : учебник / под общ. ред. Ю. И. Калинина. Рязань, 2006. 600 с.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Селиверстова. М., 2011. 448 с.
3. Фаланев М. МВД предложили посоветоваться // Российская газета. 2011. 2 авг.
4. Артемьев Н. С., Кубасов А. В. Обеспечение законности в деятельности исправительных учреждений. Рязань, 2008. 184 с.

УДК 343.8(4+7)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249

ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ ТЕПЛЯШИН,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Сибирский юридический институт МВД России,
г. Красноярск, Российская Федерация
ORCID 0000-0002-6737-749X, Researcher ID M-7880-2015,
e-mail: pavlushat@mail.ru

НЕОЛИБЕРАЛЬНОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АСПЕКТ

Для цитирования

Тепляшин, П. В. Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем: компаративистский аспект / П. В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 244–249. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249.

Аннотация. В статье рассматриваются основные тренды и особенности неолиберального институционального развития пенитенциарных систем в некоторых государствах Европы и Северной Америки. Такие тренды, как отсутствие прямой связи между уровнем преступности и карательными притязаниями государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях; наличие корреляции между ростом карательных притязаний и снижением социальной защищенности населения; взаимосвязь материальных и идеологических аспектов криминализации; кумулятивный характер пенальности, отражают новый подход к реализации концепта государства всеобщего благосостояния. Отмечается, что тюремное население в государственных пенитенциарных институтах США не снижается даже в эпоху «умного реагирования на преступность», поскольку проблемы переполненности исправительных учреждений менее актуальны, чем обязательства по экономии бюджетных средств. Анализируется такая особенность американской пенитенциарной политики, как карцеральная гиперинфляция. Обосновывается, что пенитенциарная политика неолиберального развития возможна посредством анализа функций уголовного наказания: контроля и налаживания коммуникаций. Показывается способность пенитенциарной системы закладывать основу для расширения факторов криминализации отдельных форм поведения. Анализ различных научных концептов исправительного воздействия и реинтеграционной работы с осужденными позволяет сделать вывод о социальной продуктивности уголовного наказания. Выявляется различная степень связи

© Тепляшин П. В., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

неолиберального институционального развития пенитенциарных систем с практическими потребностями обеспечения безопасности государства. Демонстрируется, что понимание идеологической основы неолиберального институционального развития пенитенциарных систем имеет перспективное значение для оптимизации функционирования отечественной системы исполнения уголовных наказаний. В качестве вывода указывается на ценность полученных сведений для концептуальной модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: государства Европы, гуманизм, карательный менеджмент, механизмы стимулирования, нулевая терпимость, пробация, социализация осужденного, условно-досрочное освобождение.

Актуальной стороной функционирования пенитенциарных систем выступает их стратегическое развитие в русле решения тех задач, которые носят объективный характер, – эффективное исправление и реинтеграция осужденных, обеспечение личной и общественной безопасности. Неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем отражает политику компромисса в решении указанных задач и, по сути, является инструментом в решении назревших в последние десятилетия проблем, связанных в первую очередь с их неспособностью оправдать основные ожидания общества и государства.

Согласно п. 97 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации наше государство выступает за укрепление взаимовыгодного сотрудничества с европейскими государствами, Европейским союзом, за гармонизацию интеграционных процессов в Европе, поэтому для России важен соответствующий опыт европейской пенальной практики. Небезынтересно также обратиться к практике функционирования пенитенциарной системы США, поскольку данное государство отличается стремительным ростом за последние десятилетия числа осужденных, отбывающих тюремное заключение [1]. Следовательно, крайне ценно рассмотреть такую особенность американской пенитенциарной политики (карцеральную гиперинфляцию) сквозь призму ее неолиберального институционального развития.

Таким образом, с позиций сравнительного правоведения и практической ценности зарубежного опыта обращения с осужденными научный интерес представляют общий тренд и особенности неолиберального институционального развития пенитенциарных систем в некоторых государствах Европы и США.

Важнейшие тренды неолиберального институционального развития европейской и американской пенальных практик могут быть представлены следующими имеющими стабильное проявление социально-правовыми зависимостями: 1) отсутствие прямой связи между уровнем преступности и карательными притязаниями государства, выражающимися в коэффициенте лиц, содержащихся в исправительных учреждениях; 2) наличие корреляции между ростом карательных притязаний и снижением социальной защищенности населения; 3) взаимосвязь материальных и идеологических (символических) аспектов криминализации; 4) кумулятивный характер пенальности (стабильное и продолжительное либо смягчение карательных свойств санкций, либо их ужесточение). С большой долей вероятности отмеченные тренды отражают новый подход к реализации концепта государства всеобщего благосостояния.

Важнейшая проблемная область неолиберального институционального развития пенитенциарных систем заключается в численности тюремного населения. Так, на фоне

того, что в начале двухтысячных годов уровень преступности испытывал небольшое, но стабильное снижение как в США, так и во многих государствах Европы, приблизительно в этот же период наблюдается обратно пропорциональный рост численности осужденных, отбывающих тюремное заключение [2, с. 56]. Относительно этой закономерности достаточно известна позиция Л. Ваккуанта, который, рассматривая эволюцию уровня тюремного населения в США с 1973 г., отмечает, что происходит реконфигурация американского государства и его миссии: политический проект неолиберализма постепенно привел к сжатию социальных свойств государства и пропорционально расширил в нем уголовно-правовую составляющую наряду с активизацией политики нулевой терпимости [3, с. 306–307]. Некоторые исследователи рост числа осужденных, отбывающих тюремное заключение, или так называемую карцеральную гиперинфляцию, рассматривают как попытку сдерживания социальных расстройств, вызванных двумя важными изменениями: с одной стороны, отказ от фордистской модели наемного труда (трудо-вой занятости) и кейнсианского экономического компромисса, что сглаживает искусственно нагнетаемую общественную нестабильность среди низших и средних классов с помощью создания новых рабочих мест (в исправительных учреждениях), с другой стороны, кризис гетто как инструмента для поддержания социально-расового порядка после движений за гражданские права в 60-х годах XX столетия [4, с. 446]. В унисон вышеизложенной позиции другими исследователями отмечается, что тюремное население в государственных пенитенциарных институтах США не снижается даже в эпоху «умного реагирования на преступность» («smart on crime»), поскольку обязательства по защите прав налогоплательщиков и экономии бюджетных средств за счет трудовой эксплуатации заключенных первичны по отношению к проблемам переполненности карцеральных учреждений [5, с. 169, 183–185].

Обозначенному тезису не в полной мере корреспондирует небесспорная идея о том, что между уровнем преступности и коэффициентом тюремного населения имеется взаимосвязь [6]. Однако следует учитывать и процесс коммодификации карцеральных институтов, то есть приобретение ими свойств потребительского товара, что, как правило, обуславливает пропорциональный рост численности осужденных, отбывающих тюремное заключение.

Исследование научных источников по пенологии [7, с. 136–194; 8; 9] показывает, что обнаружение роли пенитенциарной политики в неолиберализме возможно посредством анализа таких функций уголовного наказания, как контроль и налаживание коммуникаций (социализации осужденного). Именно эти функции обеспечивают культурный вектор движения и социальную продуктивность уголовного наказания. Соответственно эскалация реинтеграционных задач уголовного наказания демонстрирует неолиберальное институциональное развитие пенитенциарных систем.

Представляется допустимым именно в настоящее время согласиться с известными представлениями П.-М. Фуко и говорить о прочном отказе от «репрессивной гипотезы» сферы пенитенциарных отношений. Способность пенитенциарной системы корректировать социальную сферу закладывает основу для расширения факторов криминализации поведения (например, посредством законодательного перевода преступлений в уголовные проступки, за которые не предусмотрено наказание, связанное с изоляцией осужденного от общества). Вместе с тем следует учитывать, что карательная политика не может рассматриваться как прямой ответ на криминальные проявления, она должна рассматриваться в качестве механизма для их нейтрализации, что также отражает реализацию неолиберальной политики институционального развития пенитенциарных

систем. Однако пенитенциарная система может культивировать новые преступления (особенно в случае с рецидивной преступностью), если она демонстрирует сбои в работе и тем самым продуцирует известный эффект «разбитых окон». Отмеченные особенности базируются на структурном подходе, поскольку социальные институты приобретают смысл только по отношению к другим институтам.

Одним из импульсов для неолиберального институционального развития пенитенциарных систем выступило назначение в 2003 г. первого неопределенного приговора – IPP (Тюремное заключение для общественной защиты), который был применен на основании английского Закона об уголовной юстиции 2003 г. (в 2012 г. таких осужденных в Англии и Уэльсе насчитывалось около 6 тыс. чел., планируется, что к 2020 г. их число будет на отметке 1,5–2 тыс.). Как отмечает Г. Эннисон, осужденные с неопределенными приговорами «должны рассчитывать на бесперебойную работу пенитенциарной системы по предоставлению им возможности участвовать в соответствующих курсах, перейти на более низкий уровень безопасности в соответствующей категории тюрем, быстрому и результативному досрочному слушанию Службой пробации, Тюремной службой и Советом по условно-досрочному освобождению» [10, с. 199]. Однако в 2017 г. более 760 (около 20 %) из примерно 3300 освобожденных были вновь возвращены в исправительные учреждения из-за нарушений условий программы освобождения осужденных к неопределенным приговорам [10, с. 199]. Данная ситуация демонстрирует фактическую корреляцию между практическими «схемами» реализации идеи неопределенных приговоров, направленной в современных условиях на «общественную защиту», и результатами реинтеграции освобожденных.

В качестве промежуточного вывода можно указать, что меры по «общественной защите» в русле неолиберальной политики институционального развития американской и европейских пенитенциарных систем стали носить направленный характер, формируя соответствующие уголовно-исполнительные институты.

Вместе с тем рассматриваемая политика не сводится к так называемому уголовно-правовому популизму, напротив, фактически дисциплинирует законотворческий процесс, поскольку предполагает более обдуманную институционализацию реинтеграционных, исправительных, профилактических и иных мер, от эффективности реализации которых зависит уровень постпенитенциарного рецидива. В условиях общего стабильного роста численности заключенных в большинстве европейских государств (например, в Англии и Уэльсе в 1990 г. их насчитывалось 45 636, по состоянию на 25 января 2019 г. – 82 773 осужденных [11]; во Франции в 1990 г. – 43 913, по состоянию на 1 января 2019 г. – 70 059 [12]; в Италии в 1990 г. – 26 150, по состоянию на 31 декабря 2018 г. – 59 655 [13]) неолиберальная политика направлена не столько на оттачивание форм и методов исправительного воздействия, сколько на формирование новой парадигмы функционирования пенитенциарных систем. В этих условиях обнаруживается рефрен концепции «ничего не работает» («nothing works»): вновь приобретает популярность научная позиция об отрицании эффективности и реинтеграционной несостоятельности практически любых мер обращения с осужденными.

Широкое использование в американской и европейских пенитенциарных системах механизмов стимулирования и получения привилегий (IEP) и их соответствующая институционализация послужили очередным толчком к реализации неолиберальной политики. По сути, это форма так называемого карательного менеджмента (punitive managerialism), в которую вовлекается полиция, суд, исправительное учреждение, различные пробационные службы и негосударственные субъекты реинтеграционной деятельности, окру-

жение осужденного, используемое для поддержания его социально полезных связей, и иные участники как пенитенциарной, так и социальной среды. Механизмы ИЕР выходят за пределы исправительного учреждения, охватывая допенальный и постпенитенциарный периоды. Создаются предпосылки для общеевропейской (но нехарактерные для пенитенциарной системы США) реализации несколько пересмотренной стратегии «сокращения вреда» (Harm reduction), а именно на смену активному применению альтернативных мер наказания и правоприменительному ограничению наказания в виде тюремного заключения приходит избирательный подход к регламентации как санкций, связанных с изоляцией осужденного от общества, так и продолжительности содержания в исправительном учреждении (как правило, в сторону увеличения сроков тюремного заключения в отношении отдельных категорий преступников). При этом нельзя не отметить, что международные правозащитные организации не перестают указывать на значительные факты самоубийств, самоповреждений и насильственных действий со стороны осужденных, что, по мнению ряда специалистов, связано с реализацией неолиберальной пенитенциарной политики [14, с. 13–19].

Важно также подчеркнуть, что идеологическая основа неолиберального институционального развития пенитенциарных систем во многом зависит от политической воли, экономических возможностей и представлений национальных властей о таких краеугольных камнях карательной политики, как гуманизм и безопасность. Как отмечает Г. Эннисон, возможно, именно в силу непрекращающейся «политической турбулентности» в этой сфере отсутствует уверенность в скорейшем появлении, в частности, в английском тюремном ведомстве эффективных пенитенциарных программ [15, с. 1084].

На основании вышеизложенного допустимо сформулировать вывод о том, что концептуальность и конструктивность неолиберального институционального развития пенитенциарных систем зависят не столько от практических потребностей обеспечения безопасности государства, сколько от возможностей экономического и идеологического обеспечения такой политики.

Компаративистский анализ отдельных аспектов неолиберального институционального развития пенитенциарных систем демонстрирует, что полученная информация имеет не только сугубо научно-познавательное, но и перспективное значение для оптимизации функционирования отечественной системы исполнения уголовных наказаний. Полученный в рамках данного исследования научный компонент сравнительно-правовых знаний может быть использован в процессе разработки Концепции модернизации уголовно-исполнительной системы (2021–2030 гг.) как концептуального политико-правового документа, определяющего основные траектории дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Библиографический список

1. World Prison Brief. United States of America n. d., viewed 24 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/united-states-america>.
2. Aebi, M. F. et al. 2017, Council of Europe Annual Penal Statistics. Space I – Prison Populations. Survey 2016, Council of Europe & University of Lausanne, Strasbourg-Lausanne.
3. Wacquant, L. 2009, Punishing the poor. The neoliberal government of social insecurity, Duke University Press, Durham.
4. González-Sánchez, I. & Maroto-Calatayud, M. 2018, 'The penalization of protest under neoliberalism: managing resistance through punishment', Crime, Law and Social Change, vol. 70, iss. 4, pp. 443–460.

5. Cate, S. & HoSang, D. 2018, “‘The better way to fight crime’”: Why fiscal arguments do not restrain the carceral state’, *Theoretical Criminology*, vol. 22, iss. 2, pp. 169–188.
6. Lappi-Seppälä, T. 2011, ‘Explaining imprisonment in Europe’, *European Journal of Criminology*, vol. 8, iss. 4, pp. 303–328.
7. Valier, C. 2002, *Theories of Crime and Punishment*, Longman, London.
8. Amidon, E. 2018, ‘Politics and historical imprisonment, 1930–2010’, *Journal of Crime and Justice*, vol. 41, iss. 4, pp. 427–449.
9. Annison, H. 2018, ‘Politics and Penal Change: Towards an Interpretive Political Analysis of Penal Policymaking’, *The Howard Journal of Crime and Justice*, vol. 57, iss. 3, pp. 302–320.
10. Annison, H. 2018, ‘Tracing the Gordian Knot: Indeterminate-Sentenced Prisoners and the Pathologies of English Penal Politics’, *The Political Quarterly*, vol. 89, iss. 2, pp. 197–205.
11. World Prison Brief. United Kingdom: England & Wales n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/united-kingdom-england-wales>.
12. World Prison Brief. France n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/france>.
13. World Prison Brief. Italy n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/italy>.
14. Beard, J 2017, *Sentences of Imprisonment for Public Protection. Briefing Paper (Number 06086, 25 October 2017)*, House of Commons, London.
15. Annison, H. 2018, ‘The policymakers’ dilemma: change, continuity and enduring rationalities of English penal policy’, *British Journal of Criminology*, vol. 58, iss. 5, pp. 1066–1086.

УДК 343.847(574)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.250-256

СЕРИК МАРДЕНОВИЧ ИМАНБАЕВ,

кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры национального и международного права,
Университет «Туран-Астана», г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: esirgep57@mail.ru;

ИАНА БАТЫРЖАНОВА ДАРМЕНОВА,

магистрант 2-го курса научно-педагогического направления
кафедры национального и международного права,
Университет «Туран-Астана», г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: dianadarmenova 88@gmail.com

ПРОТИВОРЕЧИЯ, СУЩЕСТВУЮЩИЕ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ КОДЕКСАХ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН, ПО ИСПОЛНЕНИЮ НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Для цитирования

Иманбаев, С. М. Противоречия, существующие в Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Казахстан, по исполнению наказаний в виде исправительных работ / С. М. Иманбаев, Д. Б. Дарменова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 250–256. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.250-256.

Аннотация. В статье проведен анализ проблемных вопросов, связанных с противоречиями (коллизиями), существующими в действующих Уголовном и Уголовно-исполнительном кодексах Республики Казахстан, по исполнению наказания в виде исправительных работ, порядком, размером и сроками его исполнения, а также с составами уголовных правонарушений, в отношении которых назначаются исправительные работы. Предлагаются меры по устранению выявленных противоречий между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством и улучшению законодательных конструкций в целях их единообразного применения.

Ключевые слова: наказание, исправительные учреждения, уголовное право, уголовное правонарушение, уголовно-исполнительное право, исправительные работы, противоречия, коллизия.

Гуманизация уголовной политики Республики Казахстан предусматривает создание дифференцированной системы уголовных санкций, позволяющей экономить ка-

---

© Иманбаев С. М., Дарменова Д. Б., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

рательные методы и широко применять эффективные меры наказания, не связанные с лишением свободы.

Наказания, не связанные с лишением свободы, выполняют важную роль в борьбе с преступностью. Их применение наиболее целесообразно для достижения целей наказания в отношении лиц, не представляющих большой общественной опасности и не нуждающихся для своего исправления в изоляции от общества.

Судебная практика развивается по пути расширения применения мер, не связанных с лишением свободы. Сейчас они составляют около 60 % от всех назначаемых видов наказаний.

Так, за 12 месяцев 2018 г. увеличилось число случаев назначения общественных работ на 10,2 % (с 5026 до 5536), ограничения свободы – на 6,3 % (с 9433 до 10 023), штрафов на 27,7 % (с 3859 до 4931).

Значительным шагом по расширению применения наказаний, не связанных с лишением свободы, следует отметить введенный с 31 июля 2018 г. Закон о снижении репрессивности в уголовном процессе. Данным Законом были внесены изменения в Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан.

Как один из видов уголовного наказания исправительные работы – это денежное взыскание, назначаемое в пределах, предусмотренных Уголовным кодексом Республики Казахстан (УК РК), в размере, соответствующем определенному количеству месячных расчетных показателей, и исполняемое путем ежемесячного удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим заработной платы (денежного содержания) по основному месту работы осужденного до полного погашения размера наказания в соответствии с приговором суда.

Осужденный к исправительным работам не лишается свободы, не отрывается от семьи, продолжает работать в том же трудовом коллективе. Его исправление может быть достигнуто без изоляции от общества и удаления из того населенного пункта, в котором он проживает. Это позволяет осуществлять контроль за осужденным администрацией трудового коллектива, членами семьи и близкими.

Вместе с тем исправительные работы, так же как и лишение свободы, сопряжены с определенными карательными воздействиями на осужденного. Это означает, что процесс исправления осужденного строится на основе обязательности участия в общественно полезном труде в прежней или иной организации.

В соответствии со ст. 40, 42 УК РК законодатель определил исправительные работы как основной вид наказания за уголовное правонарушение.

Согласно ст. 52 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (УИК РК) законодатель определил порядок исполнения наказания в виде исправительных работ.

Во-первых, согласно ст. 42 УК РК исправительные работы исполняются путем ежемесячного удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим от 10 до 50 % заработной платы (денежного содержания) осужденного за вычетом средств, подлежащих периодической уплате (взысканию) в счет алиментов, возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца. В то время ч. 1 ст. 52 УИК РК предусмотрено, что исправительные работы исполняются по основному месту работы осужденного с ежемесячным перечислением от 20 до 40 % заработной платы (денежного содержания) в Фонд компенсации потерпевшим до полного погашения размера наказания в соответствии с приговором суда. Кроме того, удержания производятся из всех видов заработной платы по основному месту работы

независимо от наличия претензий к осужденному по исполнительным документам за каждый отработанный месяц при выплате заработной платы (ч. 3 ст. 52 УИК РК).

Таким образом, в данном случае имеют место существенные разночтения по процентам размера удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим:

- согласно ч. 2 ст. 42 УК РК – от 10 до 50 % заработной платы;
- согласно ч. 1 ст. 52 УИК РК – от 20 до 40 % заработной платы.

Более того, в соответствии с ч. 2 ст. 42 УК РК из заработной платы осужденного вычитаются средства, подлежащие уплате (взысканию) в счет алиментов, возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца, тогда как в УИК РК такого пункта не предусмотрено (независимо от наличия претензий к осужденному по исполнительным документам). Такое нескорреспондированное обозначение по процентам размера удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим денежных сумм ведет к путанице, нивелированию положений уголовного закона и решения суда, когда суд от имени государства определяет конкретный вид наказания, основываясь на положениях УК РК, а УИК РК позволяет исполнять это наказание в суммах удержания из заработной платы, не предусмотренных в УК РК. Данные разночтения, как следствие, могут привести к некорректному удержанию процентов размера из заработной платы осужденного, что негативно отразится на бухгалтерской и налоговой отчетности компании, которая производит соответствующие удержания.

Во-вторых, за уголовные проступки исправительные работы устанавливаются в пределах от 20 до 200 месячных расчетных показателей (МРП), за преступления – в пределах от 200 до 10 000 месячных расчетных показателей согласно ч. 3 ст. 42 УК РК, тогда как в УИК РК отсутствует такое разделение, то есть не указаны размеры МРП, подлежащих взысканию с заработной платы осужденного. В данном случае отражение требований УК РК должно быть зеркальным и в УИК РК, так как согласно приговору суда суд от имени государства определяет конкретный вид наказания за уголовное правонарушение, основываясь на положении УК РК, а УИК РК из-за отсутствия законодательного регулирования не позволяет дифференцированно применять это наказание.

В-третьих, в соответствии с УИК РК удержания не производятся из пособий, получаемых в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера, тогда как УК РК не предусматривает пункт об удержаниях, которые не производятся из определенных видов пособий и выплат.

В-четвертых, согласно ч. 7 ст. 42 УК РК исправительные работы не назначаются лицам, признанным нетрудоспособными либо не имеющим постоянной работы или обучающимся в учебных заведениях с отрывом от производства. Тогда как в ч. 6 ст. 52 УИК РК говорится о том, что пособия по временной нетрудоспособности осужденным к исправительным работам исчисляются из заработной платы без вычета удержаний, назначенных приговором суда. В данном разночтении наглядно представлено явное противоречие Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Республики Казахстан по назначению исправительных работ лицам, признанным нетрудоспособными. Если исправительные работы не могут быть назначены нетрудоспособным, то ч. 6 ст. 52 УИК РК не должно быть в принципе.

Согласно ч. 5 ст. 42 УК РК в случае утраты трудоспособности осужденный может быть освобожден от исполнения оставшейся части наказания либо неисполненная часть заменяется штрафом. При возникновении иных обстоятельств, препятствующих исполнению исправительных работ, они заменяются:

1) осужденным за уголовный проступок – привлечением к общественным работам либо арестом из расчета один час общественных работ за один невзысканный месячный расчетный показатель, одни сутки ареста за четыре невзысканных месячных расчетных показателя;

2) осужденным за преступление небольшой или средней тяжести – ограничением свободы либо лишением свободы из расчета один день ограничения свободы или лишения свободы за четыре невзысканных месячных расчетных показателя;

3) осужденным за тяжкое преступление – лишением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре невзысканных месячных расчетных показателя.

Согласно же ч. 7 ст. 52 УИК РК осужденный, служба пробации или администрация организации, где он работает, вправе заявлять в суд ходатайство о снижении размера удержаний из его заработной платы в случае ухудшения его материального положения. Решение о снижении размера удержаний выносится с учетом всех доходов осужденного. В этом случае в целях единообразного подхода нами предлагается заменить трактовку в УИК РК о снижении размера удержаний из заработной платы осужденного:

- на привлечение к общественным работам согласно УК РК;
- арест согласно УК РК;
- ограничение или лишение свободы согласно УК РК.

Данный подход должен быть применен при ухудшении материального положения осужденного, а не при снижении размера удержаний из его заработной платы по ходатайству службы пробации или организации, в которой работает осужденный. Это позволит обеспечить единый подход к назначению исполнения наказания в виде исправительных работ.

В ч. 8 ст. 52 УИК РК предусмотрено, что при наступлении беременности осужденной в период отбывания наказания служба пробации вносит в суд представление об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам. При признании осужденного инвалидом первой или второй группы служба пробации вносит в суд представление об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания.

Вместе с тем в УК РК отсутствует пункт по данной категории лиц, а именно по беременным и инвалидам первой или второй группы, осужденным в период отбывания наказания об отсрочке или освобождении от дальнейшего отбывания наказания. Данное несоответствие, на наш взгляд, должно быть устранено путем дополнения ст. 42 УК РК отдельным пунктом, а также изменением редакции ч. 7 ст. 42 УК РК, о котором упоминалось выше («исправительные работы не назначаются лицам, признанным нетрудоспособными...»). Известно, что женщина, находясь в состоянии беременности с 7-го месяца, а также инвалиды первой или второй группы признаются нетрудоспособными согласно заключению специалиста или комиссии медицинского учреждения.

Более наглядно вышеуказанные противоречия и разночтения представлены в сравнительной таблице по коллизии, существующей в УК РК по назначению наказаний и УИК РК по исполнению наказаний в виде исправительных работ.

Наряду с этим следует отметить, что на сегодняшний день исправительные работы крайне редко назначаются судами в качестве уголовного наказания. Нужно также уточнить причины слабой востребованности данного вида наказания, ибо они кроются не в «сокращении рабочих мест или ликвидации организации, где работают осужденные». Проведенные ранее исследования по этому вопросу показали, что недостаточной востребованности исправительных работ способствует устаревшая и не отвечающая современным условиям законодательная конструкция данного вида наказания.

**Сравнительная таблица противоречий
Уголовного кодекса Республики Казахстан по назначению наказаний
и Уголовно-исполнительного кодекса
Республики Казахстан по исполнению наказаний
в виде исправительных работ**

Статья 42. Исправительные работы Уголовного кодекса Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.01.2019)	Статья 52. Порядок исполнения наказания в виде исправительных работ главы 11 «Исполнение наказания в виде исправительных работ» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2018)	Комментарии
1	2	3
<p>2. Исправительные работы исполняются путем ежемесячного удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим от десяти до пятидесяти процентов заработной платы (денежного содержания) осужденного за вычетом средств, подлежащих периодической уплате (взысканию) в счет алиментов, возмещения вреда, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья, а также смертью кормильца</p>	<p>1. Исправительные работы исполняются по основному месту работы осужденного с ежемесячным перечислением от двадцати до сорока процентов заработной платы (денежного содержания) в Фонд компенсации потерпевшим до полного погашения размера наказания в соответствии с приговором суда.</p> <p>3. Удержания производятся из всех видов заработной платы по основному месту работы независимо от наличия претензий к осужденному по исполнительным документам за каждый отработанный месяц при выплате заработной платы</p>	<p>1. Разночтения по процентам удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим:</p> <ul style="list-style-type: none"> – согласно УК РК от 10 до 50 % заработной платы; – согласно УИК РК от 20 до 40 % заработной платы. <p>2. Согласно УК РК из заработной платы осужденного вычитаются средства, подлежащие уплате в счет алиментов и т. д., тогда как в УИК РК такой пункт не прописан (независимо от наличия претензий к осужденному по исполнительным документам)</p>
<p>3. За уголовные проступки исправительные работы устанавливаются в пределах от двадцати до двухсот месячных расчетных показателей, за преступления – в пределах от двухсот до десяти тысяч месячных расчетных показателей</p>		<p>1. В УИК РК не указаны размеры МРП, подлежащих взысканию с заработной платы осужденного, в то время как в УК РК прописано. Таким образом, отсутствует дифференциация</p>
	<p>5. Удержания не производятся из пособий, получаемых в порядке социального страхования и социального обеспечения, из выплат единовременного характера</p>	<p>1. В УК РК не указан пункт об удержаниях, которые не производятся из определенных видов пособий и выплат</p>

Окончание таблицы

1	2	3
<p>7. Исправительные работы не назначаются лицам, признанным нетрудоспособными либо не имеющим постоянной работы или обучающимся в учебных заведениях с отрывом от производства</p>	<p>6. Пособия по временной нетрудоспособности осужденным к исправительным работам исчисляются из заработной платы без вычета удержаний, назначенных приговором суда</p>	<p>1. Согласно УК РК исправительные работы не назначаются лицам, признанным нетрудоспособными, в то время как в УИК РК исчисляются пособия по временной нетрудоспособности осужденным к исправительным работам</p>
<p>5. В случае утраты трудоспособности осужденный может быть освобожден от исполнения оставшейся части наказания либо неисполненная часть заменяется штрафом. В случае возникновения иных обстоятельств, препятствующих исполнению исправительных работ, они заменяются:</p> <p>1) осужденным за уголовный проступок – привлечением к общественным работам либо арестом из расчета один час общественных работ за один невзысканный месячный расчетный показатель, одни сутки ареста за четыре невзысканных месячных расчетных показателя;</p> <p>2) осужденным за преступление небольшой или средней тяжести – ограничением свободы либо лишением свободы из расчета один день ограничения свободы или лишения свободы за четыре невзысканных месячных расчетных показателя;</p> <p>3) осужденным за тяжкое преступление – лишением свободы из расчета один день лишения свободы за четыре невзысканных месячных расчетных показателя</p>	<p>7. Осужденный, служба пробации или администрация организации, где он работает, вправе заявлять в суд ходатайство о снижении размера удержаний из его заработной платы в случае ухудшения его материального положения. Решение о снижении размера удержаний выносится с учетом всех доходов осужденного</p>	<p>1. Согласно УК РК в случае возникновения обстоятельств, препятствующих исполнению исправительных работ (в качестве которого может рассматриваться ухудшение материального положения осужденного согласно УИК РК), они заменяются:</p> <ul style="list-style-type: none"> – привлечением к общественным работам; – арестом; – ограничением или лишением свободы. <p>Данный подход также может быть применен при ухудшении материального положения осужденного, а не при снижении размера удержаний из его заработной платы по ходатайству службы пробации или организации, в которой работает осужденный. Это обеспечит единый подход к исполнению наказаний по исправительным работам</p>
	<p>8. При наступлении беременности осужденной в период отбывания наказания служба пробации вносит в суд представление об отсрочке ей отбывания наказания со дня предоставления отпуска по беременности и родам.</p> <p>9. При признании осужденного инвалидом первой или второй группы служба пробации вносит в суд представление об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания</p>	<p>1. В УК РК отсутствует пункт по беременным и инвалидам первой или второй групп, осужденным в период отбывания наказания, об отсрочке или освобождении от дальнейшего отбывания наказания</p>

Так, согласно ст. 42 УК РК и ст. 52 УИК РК исправительные работы отбываются по месту работы осужденного с удержанием части заработной платы в доход государства. В современных рыночных условиях, когда большинство рабочих объектов находится в частной собственности, работодателю не представляет особого труда уволить привлекаемого к уголовной ответственности работника, что и происходит часто на практике. В силу этого к моменту вынесения приговора бывает, что подсудимый, который еще недавно имел работу, становится безработным и у суда нет правового основания назначать исправительные работы. Иными словами, следует говорить не о «сокращении рабочих мест или ликвидации организации, где работают осужденные», а о банальном увольнении работника, привлекаемого к уголовной ответственности.

Однако, как бы то ни было, перспективы развития и эффективное применение исправительных работ как одного из основных видов наказания, не связанных с лишением свободы, имеются, так как нахождение места отбывания наказания является проблемой не осужденного, а государства в лице местного исполнительного органа и службы пробаии. Важно также то, что исправительные работы позволяют использовать квалифицированных специалистов по профессии, не привлекая их к низкоквалифицированному труду, как это имеет место при привлечении к общественным работам.

Таким образом, с учетом проведенного анализа, изучения судебной и следственной практики правоохранительных органов, а также положительного опыта зарубежных стран исправительные работы как вид уголовного наказания необходимо, на наш взгляд, реанимировать путем устранения выявленных противоречий (коллизий) между уголовным и уголовно-исполнительным законодательством и улучшения законодательной конструкции, что будет способствовать продолжению правовой реформы, проводимой Республикой Казахстан.

УДК 343.846(476)(470)

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.257-262

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ШАБАЛЬ,

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права,
Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь,
e-mail: shabalbig@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для цитирования

Шабаль, В. С. Некоторые вопросы досрочного освобождения осужденных в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. С. Шабаль // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 257–262. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.257-262.

Аннотация. Совершенствование уголовного и уголовно-исполнительного законодательства относится к числу приоритетных направлений современной государственной политики Республики Беларусь. Институты досрочного освобождения, получившие распространение во времена существования Советского Союза, продолжили свое совершенствование в период независимости Республики Беларусь. Было принято множество нормативных правовых актов, в том числе в области уголовного и уголовно-исполнительного права. По причине того что данный процесс проходил в относительно сжатые сроки, в настоящее время существуют определенные коллизии в законодательстве, требующие решения. В статье указывается на одну из таких коллизий, связанную с отсутствием однозначного определения в законодательстве и правоприменительной практике понятия досрочного освобождения от отбывания наказания. На основании исследования предлагается внести изменения в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, что устранил указанные неточности и обеспечит соблюдение принципа законности при исполнении и отбывании наказаний.

Ключевые слова: досрочное освобождение осужденных, законодательство, наказание, осужденные, исполнение наказания, отбывание наказания.

Институты досрочного освобождения от наказания являются важным элементом уголовного и уголовно-исполнительного права. Благодаря существованию данных институтов у осужденных есть стимул вести правопослушный образ жизни во время и после отбытия наказания, а именно добросовестно относиться к труду, учебе, прояв-

© Шабаль В. С., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

лять инициативу в общественно полезной деятельности, возмещать ущерб, причиненный преступлением и пр. Осознавая возможность не отбывать весь срок наказания за совершенное преступление, осужденный стремится выполнять все требования, предусмотренные уголовно-исполнительным законодательством. Кроме того, досрочное освобождение обеспечивает соблюдение таких принципов, как гуманизм, дифференциация и индивидуализация исполнения наказания, рационального применения мер принуждения и средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, которые закреплены в уголовно-исполнительном законодательстве как Республики Беларусь, так и Российской Федерации.

В настоящее время в Республике Беларусь сохранился порядок предоставления к условно-досрочному освобождению от наказания (УДО) и замене неотбытой части наказания на более мягкое (ЗНБМ), который предполагает достижение осужденным определенной степени исправления: «твердо стал на путь исправления» и «доказал свое исправление». Данное положение является оригинальным решением законодательства Республики Беларусь по определению готовности осужденного вести правопослушный образ жизни после освобождения. Законодателем прописаны критерии, которым должен соответствовать осужденный, если он стремится заслужить досрочное освобождение от наказания. В Российской Федерации реализован заявительный порядок УДО и ЗНБМ, который предполагает обращение с ходатайством в суд самого осужденного или его адвоката (законного представителя).

Помимо порядка, при котором осужденный должен заслужить УДО и ЗНБМ, в Республике Беларусь предусмотрено досрочное освобождение по другим основаниям:

- возникновение обстоятельств, препятствующих дальнейшему отбыванию наказания (например, невозможность трудиться в связи с инвалидностью или тяжелым заболеванием, психическое расстройство (заболевание), достижение общеустановленного пенсионного возраста и пр.);

- отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет;

- освобождение от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств (пожар или стихийное бедствие, тяжелое заболевание или смерть единственного трудоспособного члена семьи, разрушение дома вследствие пожара и пр.).

Следует выделить досрочное освобождение в связи с амнистией или помилованием, так как в этих случаях может также предусматриваться надлежащее поведение (возмещение ущерба, причиненного преступлением, отсутствие дисциплинарных взысканий и др.).

Необходимо также отметить, что нормы, предусматривающие основания досрочного освобождения, закреплены в различных нормативных правовых актах [Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ), Уголовно-исполнительном кодексе Республики Беларусь (УИК РБ)]. Так, в ч. 7 ст. 55 УК РБ, регламентирующей такой вид наказания, как ограничение свободы (в Республике Беларусь данное наказание подразделяется на два вида: с направлением в исправительное учреждение открытого типа (ИУОТ) и без направления в ИУОТ), говорится о том, что в случае наступления определенных обстоятельств во время нахождения осужденного в ИУОТ (беременность, достижение общеустановленного пенсионного возраста, воспитание детей в возрасте до 14 лет женщиной и одиноким мужчиной, назначение инвалидности любой группы и др.) суд по представлению ИУОТ принимает решение о переводе осужденного для дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ или освобождает от наказания.

В ст. 92 УК РБ определяются основания освобождения от наказания или ЗНБМ по заболеванию:

– заболевание психическим расстройством, лишаящим осужденного возможности сознавать фактический характер и значение своих действий или руководить ими (освобождается от отбывания наказания до выздоровления);

– иное тяжелое заболевание, препятствующее отбыванию наказания (освобождается от отбывания наказания или ЗНБМ).

В УИК РБ также содержатся нормы, регулирующие основания освобождения осужденных, а именно в ч. 7 ст. 187 определено, что в случае признания осужденного инвалидом I или II группы при отбывании наказания в виде общественных работ, исправительных работ или ограничения свободы орган или учреждение, исполняющее наказание, направляют в суд представление о досрочном освобождении. По причине существования данной нормы появляется противоречие, требующее разрешения. Оно заключается в том, что в ч. 7 ст. 55 УК РБ суду предоставляется возможность либо перевести осужденного, отбывающего наказание в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ, для дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ, либо освободить от дальнейшего отбывания наказания.

Следует обратить внимание на то, что именно освободить от дальнейшего отбывания наказания, а не как в ч. 7 ст. 187 УИК РБ – о досрочном освобождении. По этой причине на практике возникают определенные сложности, так как правоприменители, а также сами осужденные не всегда правильно понимают, какой нормой руководствоваться в случае, когда лица, отбывающие вышеперечисленные виды наказаний, признаются инвалидами I или II группы, и что понимать под досрочным освобождением. Рассмотрим на примере. Осужденный А. во время отбывания наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ получил травму на производстве и был признан инвалидом I группы. В соответствии с ч. 7 ст. 55 УК РБ его перевели для дальнейшего отбывания наказания на ограничение свободы без направления в ИУОТ (то есть в рамках одного вида наказания фактически изменили условия его отбывания). Осужденный А. с данным решением был не согласен и подал жалобу в прокуратуру, в которой пояснил, что его должны были освободить досрочно в соответствии с ч. 7 ст. 187 УИК РБ. Возникает вопрос: являлась ли данная жалоба обоснованной?

Наличие неоднозначных формулировок в различных нормативных правовых актах порождает определенные проблемы в принятии конкретного решения в той или иной ситуации. В силу этого представляется, что УИК РБ должен полностью соответствовать УК РБ. Это в том числе обусловлено тем, что ч. 1 ст. 82 УК РБ прямо определено, что лицо может быть досрочно освобождено от отбывания наказания только в случаях, предусмотренных именно данным Кодексом. Следует отметить, что если в УК РБ обозначены основания досрочного освобождения и изменение вида наказания, то УИК РБ, как нормативный правовой акт, регламентирующий в соответствии с целями уголовной ответственности (которые закреплены в УК РБ) порядок регулирования исполнения и отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, определение средств достижения целей уголовной ответственности, должен полностью соответствовать уголовному закону и ни в коем случае не противоречить ему, то есть УИК РБ должен дополнять УК РБ, более подробно раскрывая определенные моменты, возникающие во время применения наказаний и иных мер уголовной ответственности, а не вводить новые основания освобождения. В связи с этим возникает определенный вопрос к формулировке ч. 7 ст. 187 УИК, в которой императивно говорится о том, что направля-

ется представление именно о досрочном освобождении от отбывания наказания, хотя УК РБ закрепляет разные варианты разрешения представления судом (для общественных работ – освобождение от отбывания наказания, для исправительных работ – освобождение от отбывания наказания или ЗНБМ, для ограничения свободы с направлением в ИУОТ – перевод для дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в ИУОТ или освобождение от отбывания наказания), то есть, помимо ЗНБМ и освобождения от отбывания наказания, предусмотрен перевод в рамках одного вида наказания (ограничение свободы). В силу этого либо формулировка ч. 7 ст. 187 УИК РБ не совсем корректна, либо осужденному к ограничению свободы предоставлены более льготные условия по сравнению с осужденным к исправительным работам, что противоречит теории уголовного права (ограничение свободы является более тяжким наказанием по сравнению с исправительными работами, так как предполагает более существенные правоограничения, что реализуется посредством установления определенного порядка исполнения и отбывания наказания).

В научно-практических комментариях к УИК РБ и УК РБ не дается разъяснение данных вопросов [1, 2], что представляется не совсем правильным, так как в законодательстве это также не определено. Данные вопросы следовало бы либо отразить учеными в рамках вышеуказанных комментариев, либо урегулировать нормами права, в частности, в Пленуме Верховного Суда, в УИК РБ или УК РБ.

Необходимо также привести уголовно-исполнительное законодательство в соответствие с уголовным, а именно внести изменения в ч. 7 ст. 187 УИК РБ и представить ее в следующей редакции: «В случае признания инвалидом I или II группы лица, осужденного к общественным работам, исправительным работам или ограничению свободы, орган или учреждение, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности, направляют в суд представление о его досрочном освобождении от отбывания наказания либо переводе осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа для дальнейшего отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа». Это устранил существующие противоречия, что позволит применять нормы права в надлежащем порядке.

Рассмотрим основания досрочного освобождения по Уголовному кодексу Российской Федерации (УК РФ). В соответствии с гл. 12 УК РФ предусмотрены следующие основания, которые практически соответствуют законодательству Республики Беларусь:

- условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- освобождение от наказания в связи с изменением обстановки;
- освобождение от наказания в связи с болезнью;
- отсрочка отбывания наказания;
- отсрочка отбывания наказания больным наркоманией;
- амнистия и помилование.

При этом только в ч. 4 ст. 86 УК РФ используется понятие «досрочное освобождение». В УК РБ данный термин встречается в нескольких случаях: ст. 82, 117 (досрочное прекращение содержания несовершеннолетнего преступника в специальном учебно-воспитательном или специальном лечебно-воспитательном учреждении). В то же время как в УИК РБ, так и в УИК РФ понятие «досрочное освобождение» используется повсеместно. В ч. 7 ст. 175 УИК РФ закреплена норма, аналогичная ч. 7 ст. 187 УИК РБ. Однако не определено, что понимать под досрочным освобождением от дальнейшего отбывания наказания в УК РФ и УИК РФ.

В отличие от Республики Беларусь, в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации заявленная выше проблема при исполнении наказания в виде ограничения свободы с направлением в ИУОТ (в УК РФ по порядку исполнения и отбывания наказания ограничение свободы с направлением в ИУОТ соответствует принудительным работам, которые также предполагают содержание осужденного в специализированном учреждении с обязательным привлечением к труду) отсутствует, так как в ч. 2 ст. 81 УК РФ и ч. 6 ст. 175 УИК РФ прямо указано, что лицо может быть освобождено от отбывания наказания. Помимо того что данная норма носит диспозитивный характер (так как присутствует слово «может»), замена другим, более мягким наказанием, исполнению которого не будет препятствовать состояние здоровья осужденного, вообще не предусмотрена. Законодателем Российской Федерации определено, что обращение с ходатайством является правом осужденного. Следует также отметить, что в научно-практическом комментарии к УИК РФ под редакцией А. И. Зубкова отмечается: «Если болезнь осужденного наступила в результате его умышленных действий (членовредительство), то он к освобождению не представляется, за исключением случаев, когда лицо причинило себе вред в состоянии расстройства психики» [3, с. 166].

Возникает ряд вопросов. Например, если осужденный имеет заболевание, которое препятствует отбыванию наказания, однако по тем или иным причинам отказывается обращаться в суд с ходатайством об освобождении от дальнейшего отбывания наказания (стремление доказать свое «незаконное осуждение», противодействие органам государственного управления и прочие причины), при этом может самостоятельно обращаться с данным ходатайством, что в этом случае делать органам и учреждениям, исполняющим наказания?

Второй вопрос связан с тем, что даже если совершен акт членовредительства, как исполнять наказание, когда осужденный, например, не в состоянии работать, а труд является обязательной частью исправительного воздействия или основным элементом порядка отбывания наказания. Представляется, что в этом случае это является скорее обязанностью органов и учреждений, исполняющих наказания, чем правом осужденного, поэтому либо осужденный должен освобождаться от отбывания наказания, либо ему необходимо заменять наказание на более мягкое. Данный порядок закреплен в законодательстве Республики Беларусь, что позволяет реализовывать цели уголовной ответственности, несмотря на различные обстоятельства. При этом вопрос, что в конечном итоге применять, решает суд в зависимости от личности осужденного и его поведения во время отбывания наказания (например, если совершил акт членовредительства или допускал нарушения установленного порядка исполнения и отбывания наказания, то заменять на другое, более мягкое наказание).

Кроме того, в ч. 7 ст. 175 УИК РФ, как и в законодательстве Республики Беларусь, в отношении осужденных к обязательным работам или исправительным работам, признанных инвалидами I группы, а осужденных к принудительным работам – инвалидами I или II группы, предусмотрено уже «досрочное освобождение от дальнейшего отбывания наказания». Опять возникает вопрос: в чем разница между освобождением осужденного от дальнейшего отбывания наказания и досрочным освобождением от дальнейшего отбывания наказания?

Как мы отмечали ранее, понятие «досрочное освобождение» не определено законодателем. Все это обуславливает необходимость закрепить данное определение в законодательстве как Республики Беларусь, так и Российской Федерации в виде приложения

к главам 12 уголовных кодексов данных государств. Применительно к законодательству Республики Беларусь данное приложение может быть следующего содержания: «К досрочному освобождению от отбывания назначенного судом наказания относятся условно-досрочное освобождение от наказания, замена неотбытой части наказания более мягким, освобождение от наказания или замена наказания более мягким по заболеванию, отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, освобождение от наказания вследствие чрезвычайных обстоятельств, амнистия и помилование».

Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. В. М. Хомича. Минск, 2012. 696 с.
2. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова, В. М. Хомича. Минск, 2007. 1007 с.
3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации (постатейный). 4-е изд., перераб. / под ред. А. И. Зубкова. М., 2008. 193 с.

УДК 343.272

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.263-268

ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА КАЗАКОВА,

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Института международного права и правосудия,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: vera1313@yandex.ru;

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ИНШАКОВ,

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры национальной безопасности
и правоохранительной деятельности
Института международного права и правосудия,
Московский государственный лингвистический университет,
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: insmi@yandex.ru

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Для цитирования

Казакова, В. А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / В. А. Казакова, С. М. Иншаков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 263–268. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.263-268.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовой природы конфискации имущества. Анализируется законопроект о внесении изменений в регламентацию этого вида уголовно-правового воздействия. Приводится зарубежный опыт использования конфискации имущества в борьбе с коррупцией. Анализ правовой природы этого уголовно-правового института, а также изучение правоприменительной практики (как отечественной, так и зарубежной) показали, что конфискация в качестве дополнительного наказания могла бы стать действенной мерой. В условиях сокращения применения лишения свободы за экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого и надежного преступного обогащения в качестве прочного основания обеспечения незыблемым капиталом себя и своих близких. Только риск в одночасье его потерять, а в результате и полностью утратить свой социальный статус может остановить коррупционера и разрушить финансовый фундамент организованной преступной деятельности.

© Казакова В. А., Иншаков С. М., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: конфискация имущества, специальная конфискация, коррупция, антикоррупционная политика, наказание.

С тех пор как уголовное наказание в виде конфискации имущества в 2003 г. утратило силу, не стихают споры юристов о правовой природе и месте конфискации имущества среди мер воздействия на лиц, совершивших преступления. Специалисты единодушны в выводе о том, что «новый институт конфискации ограничивает возможность изъятия денег, ценностей и иного имущества до такой степени, что коррупционное поведение, как и ранее, остается выгодным и прибыльным занятием» [1, с. 132]. Ученые оценивают это как ошибку законодателя, допущенную под давлением лиц, прикосновенных к коррупции, которым конфискация явно мешала [2, с. 25].

Как известно, 27 июля 2006 г. Федеральным законом № 153-ФЗ УК РФ был дополнен гл. 15.1 «Конфискация имущества». При этом конфискация как институт уголовного права поменяла свою юридическую природу.

Возврат к конфискации имущества был обусловлен требованиями международных конвенций, в частности ряда конвенций ООН: против коррупции, против транснациональной организованной преступности, о борьбе против незаконного оборота наркотиков, наркотических средств и психотропных веществ, Конвенции Организации экономического сотрудничества и развития о борьбе с подкупом иностранных государственных служащих в международных деловых сделках, Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности.

Многие специалисты не согласны с таким решением законодателя, полагая, что к иным мерам скорее относятся виды освобождения от ответственности и наказания, предусмотренные ст. 72.1–85, 90, 92, 104.4, 104.5 УК РФ, так как все принципиальные положения уголовного закона ориентируют на возможность воздействия на преступника лишь с помощью наказания или иных мер, которые применяются вместо него или вместе с ним.

Принудительные меры медицинского характера, объединенные в один раздел с конфискацией имущества, применяются не только к преступникам, но и к невменяемым лицам и потому фактически не являются уголовно-правовыми.

Положения УК РФ о конфискации в нынешней редакции во многом дублируют так называемую специальную конфискацию. Применительно к специальной конфискации речь идет об имуществе, которое использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Основные сложности применения этого института в ситуациях, когда имущество, подлежащее конфискации, получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества, состоят в доказывании принадлежности его виновному, а не третьим лицам и в отделении доли преступно нажитого от той части доходов, которая приобретена легально. Кроме того, постоянно меняется и, несмотря на это, подвергается критике перечень статей, по которым возможна конфискация, в связи с тем что далеко не по всем корыстным преступлениям она предусмотрена. Противники расширения этого перечня за счет корыстных преступлений ссылаются на то, что похищенное имущество должно возвращаться владельцу, а не конфисковываться [3, с. 32]. Следует отметить, что такой коллизии не возникает, когда речь идет о конфи-

скации как уголовном наказании, так как конфискуемое имущество не связывается с предметом похищенного.

Во многих зарубежных странах конфискация имущества предусмотрена и применяется, однако имеет разный правовой статус: как вид наказания (чаще дополнительного), как специальная конфискация (если имущество получено в результате совершения преступления или послужило орудием или средством его совершения), имеющая процессуальный характер. Интересен опыт Франции, практикующей так называемую вещную конфискацию – изъятие самого имущества, кому бы оно ни принадлежало (например, родственникам) [4, с. 23]. Зарубежных законодателей при этом не смущает, что бремя доказывания возлагается на владельца имущества.

Не всегда основанием для конфискации является совершение конкретного преступления. Так, в Великобритании Закон «О преступных доходах» от 2002 г. предусматривает конфискацию имущества на основании установления констатации преступного образа жизни лица, критериями которого являются:

- совершение одного или нескольких преступлений определенного вида;
- признание этого преступления частью общей преступной деятельности лица;
- длительность преступной деятельности не менее шести месяцев;
- получение за этот период преступного дохода в размере не менее 5 тыс. ф. ст.

[5, с. 198–199].

В 2017 г. в Великобритании был принят Закон о криминальных финансах, который ввел новый инструмент борьбы с коррупцией: приказы о раскрытии информации об имуществе неясного происхождения. Приказ может быть получен только в судебном порядке, его выдает Высокий суд Англии и Уэльса. Инициировать такое производство имеют право пять английских правоохранительных органов: Налоговая служба, Управление по финансовому регулированию и надзору и др. Наиболее активную роль в применении Закона на данный момент играет Национальное агентство по борьбе с преступностью. Закон прямо указывает, что неисполнение одного из требований приказа о раскрытии позволяет считать неисполненным весь приказ в целом. Неполнота информации также считается ненадлежащим исполнением. Недостоверный же характер информации может повлечь за собой уголовную ответственность.

Анализ практики применения конфискации имущества показывает, что дело не только в характере его законодательной регламентации, которая достаточно разнообразна, но и в уголовной политике по ее назначению и применению. В некоторых странах (например, в Китае) борьбу с коррупцией воспринимают как «серьезное политическое сражение, от которого зависит существование либо гибель партии и государства» [6, с. 170]. Такое же отношение к коррупции и существенные успехи в противодействии ей достигнуты в таких странах, как Сингапур, Гонконг, Тайвань, где принципами являются суровость и неотвратимость уголовного наказания вплоть до смертной казни. В этих странах наблюдается системный подход к антикоррупционной политике – от высоких зарплат чиновников до детальной регламентации и прозрачности их функционирования – установления параметров используемых чиновниками автомобилей определенных марок китайского производства с ограничением объема двигателя и стоимости, мебели в рабочем кабинете, командировочных расходов. Интересно, что в Китае нормативно предусмотрен строгий контроль за сферой питания с целью искоренения привычки оставлять на столах недоеденную еду. Уничтожение больших остатков еды после проведения банкетов рассматривается как повод к расследованию и привлечению к юридической ответственности [6, с. 176].

В России уголовная политика использования института конфискации имущества противоречива, так как выступающие за ее широкое применение сталкиваются с сильным сопротивлением. Это привело к многократному снижению числа случаев применения конфискации имущества. Так, если в 2003 г. конфискация была назначена 16 663 осужденным, то в 2017 г. – 2060.

Проблемы с применением института конфискации попытался решить Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве». Принципиальными указаниями Пленума стали следующие:

1. Средства совершения преступления могут быть конфискованы по делам о преступлениях, перечень которых законом не ограничен. При этом нужно установить, что такое имущество находится в собственности обвиняемого.

2. При конфискации в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу имущества. При этом полученное в результате преступления и конфискованное имущество владельцу не возвращается, если тот был соучастником преступления, в связи с которым применяется конфискация.

3. Ценности, переданные в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа под контролем оперативно-розыскных органов, возвращаются владельцу, если он потребовал это до передачи ценностей.

4. В целях конфискации может быть арестовано имущество, находящееся не только у подозреваемого, обвиняемого или лиц, материально ответственных по закону за их действия, но и у других лиц. Условие – достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий либо использовалось или предназначалось для совершения преступления.

5. Арест на имущество может быть наложен, даже если личность подозреваемого или обвиняемого не установлена.

При наличии политической воли такие установки правоприменителя высшего ранга должны активизировать применение конфискации, однако пока этого не происходит. Существенных изменений в эффективности конфискации имущества, по мнению специалистов, можно добиться лишь путем возврата ей статуса уголовного наказания. Понимая это, 21 февраля 2018 г. ряд депутатов Государственной Думы разработал и представил законопроект № 396097-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования института конфискации имущества (по вопросу применения конфискации имущества в качестве дополнительного вида наказания)».

В пояснительной записке к законопроекту говорилось, что, по данным официальной статистики, в период действия УК РСФСР 1960 г. применение конфискации составляло не менее 70 % от числа преступлений, за которые предусматривался указанный вид наказания, что выступало существенным сдерживающим фактором совершения преступлений. Отказ от конфискации имущества как вида наказания создал коллизии между отечественным уголовным законодательством и рядом общепризнанных международно-правовых актов, прямо предусматривающих применение конфискации к лицам, совершившим преступления. Составы преступлений, в результате которых причиняется реальный ущерб собственнику либо извлекается доход в крупном и особо крупном размере, в большинстве своем не попали в перечень, предусмотренный п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. Данная регламентация вызывает наибольшее количество нареканий со стороны правоприменителей, так как не учитывает сложившейся в обществе кри-

миногенной обстановки и не обладает предупредительным потенциалом в отношении корыстных преступлений.

Законопроект предусмотрел возвращение в уголовное законодательство института конфискации имущества как дополнительной меры наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, если на это прямо указано в санкции статьи.

Одновременно предполагалось сохранить существующую специальную конфискацию (денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений), а также другие виды конфискации, закрепленные в ст. 104.1 УК РФ. Однако при этом предусматривалось распространить существующие правила конфискации на все составы преступлений, имеющиеся в УК РФ. Действующие правила конфискации как иной меры уголовно-правового характера должны будут применяться лишь в случае совершения преступления, за которое не предусмотрена конфискация как мера уголовного наказания. Учитывая, что оба вида конфискации обладают различным механизмом уголовно-правового воздействия, комплексное применение данных мер является необходимым условием его системности.

Правительство Российской Федерации при рассмотрении законопроекта не нашло убедительных данных, свидетельствующих о проблемах в правоприменении положений гл. 15.1 УК РФ, а также о необходимости возвращения института конфискации имущества как вида уголовного наказания, и не одобрило законопроект. Не был он поддержан и Верховным Судом Российской Федерации, который в своем отзыве указал: «Приведенные в пояснительной записке статистические данные (соотношение количества осужденных в 2016 г. за взятку при отягчающих обстоятельствах – 1137 лиц – к лицам, в отношении которых применена конфискация – 22) не могут быть положены в основу вывода об эффективности действующего института, поскольку не в полной мере соответствуют официальной судебной статистике. По сведениям, полученным из Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за получение взятки в 2016 г. осуждено 1334 лица, к 68 из них применена конфискация, при этом за получение взятки при отягчающих обстоятельствах, то есть в значительном, крупном и особо крупном размере, осуждено 447 лиц, из них конфискация применена к 22 лицам, а всего по статье 104.1 УК РФ имущество и другие указанные в норме предметы конфискованы у почти 2 тыс. осужденных».

Вряд ли приводимые доводы можно считать убедительными. Применение конфискации имущества к менее чем 5 % взяточников, совершивших преступление с отягчающими обстоятельствами, свидетельствует как раз о практически «мертвой» норме о конфискации имущества.

В результате до настоящего времени законопроект не рассмотрен Государственной Думой, а уголовно-правовой институт конфискации имущества остается в поле пониженной эффективности.

Анализ правовой природы этого уголовно-правового института, а также изучение правоприменительной практики (как отечественной, так и зарубежной) показывает, что конфискация в качестве дополнительного наказания могла бы стать действенной мерой. В условиях сокращения применения лишения свободы за экономические преступления все остальные наказания не смогут эффективно играть предупредительную роль и противостоять искушению быстрого и надежного преступного обогащения в качестве прочного основания обеспечения незыблемым капиталом себя и своих близких. Только риск в одночасье его потерять, а в результате и полностью утратить свой социальный статус может остановить коррупционера и разрушить финансовый фундамент организованной преступной деятельности.

Библиографический список

1. Назаренко Г. В. Политика противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 129–134.
2. Краснов Ю. К. Институт конфискации имущества в уголовном праве России: уроки борьбы с доходами, полученными преступным путем, в оценке Верховного суда РФ // Право и управление. XXI век. 2018. № 2(47). С. 22–30.
3. Яни П. С. Применение норм о конфискации // Российская юстиция. 2006. № 6. С. 32–35.
4. Румянцева Ю. Н. Конфискация имущества и ее роль в совершенствовании законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями в России и Франции // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С. 20–28.
5. Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права : учеб. пособие / отв. ред. В. С. Комиссаров ; науч. ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 2009. 288 с.
6. Троцинский П. В. Нормативно-правовое регулирование борьбы современного китайского государства с коррупцией // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2(63). С. 169–177.

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.269-273

АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ ДЕНИСОВ,
научный сотрудник НИЦ-3,
НИИ ФСИН России, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: denisovalexey@ya.ru

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРИ РЕЦИДИВЕ

Для цитирования

Денисов, А. Д. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика осужденных, совершивших преступление при рецидиве / А. Д. Денисов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 269–273. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.269-273.

Аннотация. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года ставит одной из своих целей сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы. Ее реализация будет возможна лишь в том случае, если сконцентрировать внимание на личности, поскольку именно она является главным звеном в механизме формирования противоправного поведения. Процесс изучения личности сложный и многогранный, он заключается в получении и анализе большого количества сведений о человеке, вступившем в конфликт с законом с целью дальнейшего использования полученных сведений при планировании и организации работы по его ресоциализации. Целью статьи является анализ социально-демографических и уголовно-правовых характеристик осужденных, совершивших преступление при рецидиве с последующим составлением социально-демографического и уголовно-правового портрета осужденного, совершившего преступление при рецидиве. Для ее реализации нами в 2013–2014 годах проведено исследование, эмпирическую базу которого составили результаты анкетирования более 600 осужденных, совершивших преступление при рецидиве, в исправительных колониях строгого режима Кировской, Костромской, Мурманской, Орловской, Пензенской, Ростовской, Тюменской областей, Краснодарского и Красноярского краев. В результате получены данные, которые предлагается использовать субъектам процесса ресоциализации при составлении программ индивидуальной социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными, вовлечении их в трудовой и образовательный процессы, а также проведении иных мероприятий в пенитенциарный и постпенитенциарный периоды.

© Денисов А. Д., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Ключевые слова: исправительные учреждения, осужденный-рецидивист, социально-демографический портрет, социально-демографическая характеристика, специальная перепись осужденных, уголовно-правовой портрет.

Анализ социально-криминологической характеристики преступности за 2018 г. показал, что более половины преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес составил 58,3 % от всех предварительно расследованных преступлений, из них 19 950 были признаны опасным или особо опасным рецидивом [1].

Нельзя не отметить, что на протяжении последних лет этот уровень неизменно возрастал. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что рецидивная преступность приобретает черты системности, сплоченности, криминального профессионализма. В связи с этим уголовная политика государства должна быть направлена на максимальное снижение данных показателей и удержание их на социально терпимом уровне. Не имея в арсенале специальных мер предупредительного воздействия, разработанных с учетом конкретного представления о личности, не может быть и речи об успешной реализации поставленных целей. Вот почему в затронутой нами проблематике центральными становятся вопросы изучения социально-демографических характеристик осужденного-рецидивиста.

Специальная перепись осужденных, проведенная в 2009 г., включала в себя следующие сведения: пол, возраст, образование, семейное положение, наличие постоянного места жительства, трудовая деятельность до ареста, отношение к религии и состояние здоровья. Рассмотрим их более подробно.

Значимой социально-демографической характеристикой личности является возраст. Именно он предопределяет намерения личности, ее интересы и потребности. Согласно проведенному исследованию среди осужденных мужчин преобладают лица в возрасте от 30 до 39 лет, что составило 44,5 % респондентов. Необходимо отметить, что полученные данные практически совпадают с данными переписи осужденных, проведенной в 2009 г. [2, с. 231]. Лица в возрастной группе от 40 до 49 лет составляют 23,5 %, данный показатель является более высоким по сравнению с 2009 г. (19 %). Еще более существенные расхождения выявлены нами в группе от 25 до 29 лет (14,5 % – по данным исследования, 24,7 % – по данным переписи). Необходимо отметить, что в группе 50 лет и старше прослеживается противоположная динамика (12,5 % против 4,3 %). Доля лиц от 18 до 24 лет является весьма незначительной и составляет около 5 % (7,8 % – по данным 2009 г.). Причины подобных расхождений могут быть объяснены, с одной стороны, особенностями выборки, связанной с невозможностью охвата всех исправительных учреждений (ИУ), с другой – появлением тенденции к увеличению среднего возраста исследуемой нами категории. Тем не менее на основе полученных данных можно прийти к выводу о том, что для рецидивистов наиболее характерен возраст от 29 до 50 лет (68 %). Полученный показатель значительно выше показателей ранее проводившихся подобных исследований [3, с. 62].

В сфере семьи и бытового окружения свойства личности осужденного-рецидивиста отличаются значительным своеобразием, что обусловлено многочисленными деформациями ввиду продолжительного ведения антиобщественного образа жизни. Так, на момент осуждения лишь 39,5 % состояли в зарегистрированном браке (в 1970-е годы этот показатель не превышал 22 %, в конце 2000-х – 23,6 %). Отметим, что доля лиц, состоявших в фактических брачных отношениях, увеличилась с 10,2 до 13 %, данный показатель наглядно демонстрирует общие тенденции развития брачно-семейных отношений в обществе. Показательным является тот факт, что в обоих случаях половина осужденных сохранили эти отношения. Более того, имеет место тенденция к увеличению числа лиц, вступивших в

брак уже в период отбывания наказания (с 2,4 % в 1999 г. до 4,7 % в 2009 г.). Полагаем, что подобное обстоятельство может считаться следствием смягчения общественного восприятия факта совершения преступления.

Вместе с тем увеличилось (с 28,1 до 47,5 %) и число лиц, считающих себя не связанными какими-либо семейными обязательствами. Необходимо отметить, что этот показатель является весьма значительным, учитывая, что среди респондентов количество лиц, не достигших 25 лет, составляло 4 %. Данное обстоятельство указывает на то, что антиобщественная деятельность отодвигает на второй план создание семьи. При этом значительно больше лиц, не состоящих в браке, среди лиц, допустивших опасный рецидив, что отмечалось и в ранее проводившихся исследованиях [4, с. 66]. Приходится констатировать, что увеличение числа судимостей непосредственным образом влияет на распад семьи.

87 % осужденных заявляют о том, что продолжают поддерживать связь с семьей. Ранее проведенные исследования также подтверждают данный факт [5, с. 29]. Более того, они проявляют больше интереса к семье, чем другие категории осужденных. Об этом может свидетельствовать и высокий процент осужденных, реализовавших свое право на телефонные переговоры. Так, 55,5 % от общего числа опрошенных воспользовались им более 4 раз.

Разрыв семейных связей может повлечь за собой и трудности, связанные не только с возвращением на прежнее место жительства, но и с регистрацией по месту пребывания. Однако данная проблема не представляется нам весьма масштабной. Так, на отсутствие постоянного места жительства указали 7,5 % опрошенных, о невозможности регистрации заявили только 13 %.

Нельзя не отметить возрастающую роль такой характеристики личности осужденного, как отношение к религии. Согласно данным специальной переписи, доля верующих значительно возросла (с 36,8 % в 1999 г. до 75,1 % в 2009 г.). При этом следует учитывать, что среди верующих осужденных число лиц, исповедующих традиционные конфессии, составляет: 58,5 % – христианство, 13,5 % – мусульманство. Данное обстоятельство дает основание для расширения взаимодействия с представителями указанных культов, учитывая то, что традиционные религиозные учения зиждутся на идеальных началах, предполагающих прежде всего правопослушное поведение.

В контексте социально-демографической характеристики личности важным элементом является установление социального положения, занятости осужденных. Согласно полученным данным, доля лиц, проживавших до осуждения в сельской местности, весьма незначительная (10,5 %). Полагаем, что это обстоятельство обусловлено наличием меньшего числа причин, способствующих совершению преступлений.

Рассматривая отношение осужденных к труду, следует отметить, что доля лиц, которые до осуждения нигде не работали и не учились, остается стабильно большой. В 2009 г. данный показатель достиг отметки в 74,1 %. На первый взгляд такое усугубление могла вызвать сложная экономическая ситуация, однако мы считаем, что проблемы, связанные с трудоустройством в рыночных условиях, не являются ключевыми, а могут лишь косвенно влиять на данный процесс. К такому выводу можно прийти, если взять за основу предположение, что факт трудоустройства не может рассматриваться как свидетельство безусловного отказа от преступной деятельности.

Анализ сферы профессиональной деятельности осужденных показал, что 65,5 % были представителями рабочих профессий, по 2,5 % – служащие и студенчество, 7,5 % – пенсионеры. Такие показатели вполне объяснимы, учитывая взаимосвязь с низким уровнем образования. Так, по результатам исследования, 23,5 % имели основное общее образование, 34,5 % – среднее общее. Это объясняется достаточно давно установленными нор-

мативными требованиями о получении обязательного образования. 32,5 % респондентов имели среднее специальное образование, из них 10,5 % – получили его в исправительной колонии. В то же время прошедшая в 2009 г. специальная перепись показала, что вновь появилась категория неграмотных осужденных. Однако утверждение о том, что повышение образовательного уровня осужденных – безусловный фактор снижения уровня рецидивной преступности, является не совсем верным. Особенно очевидно это становится на фоне показателей 1960-х годов, когда доля лиц, не имеющих полного среднего образования, достигала 85 %.

Особое значение при изучении личности осужденного-рецидивиста имеет уголовно-правовая характеристика. Так, по данным переписи 2009 г., большинство отбывали наказание за совершение преступлений против личности (61,7 %), значительно меньше – за незаконный оборот наркотиков (5,2 %). При этом прослеживалась явная тенденция к резкому сокращению числа лиц, отбывающих наказание в тюрьме за умышленное убийство (с 71,9 % в 1999 г. до 41,4 % в 2009 г.), при резком увеличении (с 5,1 % в 1999 г. до 21,2 % в 2009 г.) числа лиц, отбывающих наказание за разбой. Необходимо отметить, что данное обстоятельство существенно повлияло на правоприменительную практику того времени, которая в течение первых двух лет действия Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. была ориентирована исключительно на назначение отбывания наказания в тюрьмах в случае совершения убийства, однако в последующем была упразднена.

Важно учитывать, что 57,5 % респондентов отбывают наказание в виде лишения свободы второй раз, третий раз – 28,5, четвертый и более раз – 14 % опрошенных. Результаты переписи 2009 г. выглядели несколько иначе: второй раз лишены свободы были 38,9 %, третий – 14,5, четвертый и более раз – 6,1 %.

Показательным для характеристики личности осужденного является и продолжительность срока нахождения на свободе между конкретными периодами лишения свободы. У 18,5 % опрошенных нами осужденных он не превысил и шести месяцев, 31,5 % – совершили новое преступление в течение двух лет после освобождения.

В совокупности вышеупомянутые данные указывают на сохранение у рецидивистов антиобщественных взглядов, которые вырабатывают у него относительную устойчивость к исправительному воздействию, реализуемому в ИУ, что свидетельствует о снижении предупредительной функции наказания для значительной части данной категории осужденных. Соответственно нейтрализация данной проблемы и снижение действия фактора негативного влияния наиболее социально запущенных осужденных видится нам в создании различных условий содержания для разных категорий рецидивистов.

Анализ совершенных преступлений показал, что для них (по сравнению с другими категориями осужденных) в большей степени характерен насильственный, агрессивный тип антиобщественных взглядов, который имеет тенденцию к расширению и углублению. Так, 31,5 % опрошенных отбывают наказание за убийство, 42 % – за разбой. В отношении некоторых из них есть основание говорить о специальном рецидиве ввиду совершения двух или более однородных преступлений. Данное обстоятельство свидетельствует о значительном разрыве с общественными ценностями, хотя, как показывают проведенные исследования, а также результаты собственного опроса, удельный вес специального рецидива с возрастанием судимостей имеет тенденцию к уменьшению. Отсюда следует, что в ходе пенитенциарного этапа ресоциализации «недостаточно исходить лишь из характера совершаемых преступлений, а следует учитывать содержание и интенсивность антиобщественной ориентации личности в целом» [3, с. 79].

Опираясь на данные проведенных специальных переписей, а также результаты, полученные в ходе анкетирования, мы пришли к выводу о том, что социально-демографический и уголовно-правовой портрет осужденного, совершившего преступление при рецидиве, выглядит следующим образом: это мужчина, гражданин РФ, в возрасте от 30 до 49 лет, имеющий вторую и третью судимость за убийство или разбой, отбывающий наказание в виде лишения свободы на срок от 8 лет и более, исповедующий христианство, не состоящий в браке, но поддерживающий связь с семьей, проживающий в городе, имеющий полное или неоконченное среднее общее образование, не обладающий высокой квалификацией, с низкой трудовой активностью.

Полученные данные имеют первостепенное значение при составлении программ индивидуальной социально-воспитательной и психологической работы с осужденными, а также при проведении с ними мероприятий воспитательного характера, вовлечении их в трудовой и образовательный процесс. Усреднив полученные показатели, можно индивидуализировать формы и методы работы с ними как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный период.

Библиографический список

1. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <https://genproc.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2019).
2. Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 г. / под общ. ред. Ю. И. Калинина ; науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2012. 938 с.
3. Сундуров Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 144 с.
4. Коваль М. И. Социально-правовая адаптация лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1995. 306 с.
5. Метелкин М. Б., Михлин А. С. Личность особо опасных рецидивистов и вопросы дифференциации исполнения наказания. М., 1980. 95 с.

УДК 343.241

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.274-279

ЗУЛЬФИЯ РАДИКОВНА МУГИНОВА,

преподаватель кафедры уголовного права и криминологии,

Уфимский юридический институт МВД России,

г. Уфа, Российская Федерация,

e-mail: zulfiya-khamatshina@mail.ru

ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ

Для цитирования

Мугинова, З. Р. Цели уголовного наказания и возмещение вреда, причиненного преступлением / З. Р. Мугинова // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 274–279. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.274-279.

Аннотация. Статья посвящена одному из основополагающих институтов уголовного права – уголовному наказанию. Актуальность рассматриваемой проблемы подчеркивает тот факт, что действующими нормами уголовного законодательства строго установлены ориентиры уголовного наказания, однако дискуссия вокруг нее не утихает. Излагаются особенности целей уголовного наказания, каждая из которых рассмотрена так, как если бы она была поставлена только одна, и для каждой из них разработан свой механизм достижения на основе имеющихся в современном законодательстве средств. Проводится сравнительно-правовое исследование соотношения понятий целей уголовно-исполнительного законодательства и целей наказания, предусмотренных уголовным законодательством Российской Федерации. Отмечается, что законодатель, выдвигая на первое место восстановление социальной справедливости, высоко поднимает планку социального смысла института наказания и определяет главенствующую роль такой цели, предполагая, что само наказание может и должно устранять последствия преступлений. Делается вывод о том, что достижение целей наказания зависит от успешного применения уголовного закона при решении соответствующих задач в определенных социальных, политических условиях, имеющих место в конкретный период.

Ключевые слова: уголовное наказание, цели уголовного наказания, восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение преступлений, возмещение вреда, причиненного преступлением, осужденный.

Закрепляя в ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) цели уголовного законодательства (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конститу-

© Мугинова З. Р., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений) и устанавливая строгий перечень видов уголовных наказаний, государство определяет конечный результат, то есть цели, к которым необходимо стремиться. В научном мире постоянно идет полемика, что же следует понимать под целями уголовного наказания, закрепленными в ч. 2 ст. 43 УК РФ, к которым относят социальную справедливость, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Какая из целей является более важной, определить невозможно, так как на разных этапах воздействия на осужденного одни цели доминируют, а иные остаются недостижимыми (например, в случаях с рецидивной преступностью, «воры в законе» и т. д.). Исходя из этого напрашивается утверждение, что при назначении наказания суды должны понимать, что учреждения исполнения наказания могут ставить другие цели, то есть суды преследуют одну цель, а система исполнения наказаний должна стремиться к достижению других целей.

Законодатель, выдвигая на первое место восстановление социальной справедливости (ст. 43 УК РФ), высоко поднимает планку социального смысла института наказания и определяет главенствующую роль такой цели, предполагая, что само наказание может и должно устранять последствия преступлений, в полном объеме возмещать причиненный потерпевшему вред, быть уверенным в законности и своевременных действиях правоохранительных органов, а также неизбежности наступления возмездия, тем самым устраняя чувство страха после совершенного в отношении его общественно опасного деяния.

Восстановление социальной справедливости, на наш взгляд, предполагает возникновение у потерпевшего мысли, что подобного преступления в отношении других граждан не должно совершаться. Данный факт должен получить широкое освещение и удержать потенциальных правонарушителей от совершения противоправных поступков.

Необходимо отметить, что один из основных принципов уголовной ответственности, закрепленный в ст. 6 УК РФ, и есть социальная справедливость. Именно применение уголовно-правового запрета к виновному в совершении преступления лицу призвано реализовывать этот принцип.

В науке уголовного права существует и такое мнение, что социальную справедливость следует исключить из целей наказания. По мнению О. А. Антонова, «это обеспечит единство уголовного и уголовно-исполнительного законодательства в понимании целей наказания, средств их достижения и исключит рассмотрение принципа уголовной ответственности и цели наказания как тождественных понятий» [1, с. 45]. Стоит не согласиться с данной точкой зрения, хотя она имеет право существовать, поскольку рождает спор для дальнейшего обсуждения современного понятия социальной справедливости.

Ряд правоведов признает в качестве основной цели уголовного наказания восстановление справедливости, отмечая что «истинную роль уголовного закона в поддержании справедливости нужно видеть в том, что осуществляемое на его основе наказание зла представляет собой самостоятельную и весьма важную социальную ценность. Наказывая зло, уголовный закон восстанавливает тем самым справедливость, попорченную неправомерными действиями виновного лица» [1, с. 46].

А. Н. Тарбогаев в своих рассуждениях в части того, что наказание и уголовная ответственность по своей сущностной характеристике и своей направленности во многом схожи, приходит к выводу о том, что основной целью уголовной ответственности также «...является именно „справедливое возмездие“» [2, с. 74].

При изучении указанной цели необходимо исходить из общего понятия справедливости. Совершая преступление, виновный нарушает закрепленный в законе запрет и тем самым причиняет существенный вред наиболее значимым общественным отношениям. В связи с этим указанное лицо должно претерпеть определенные лишения или страдания, что является обоснованной и справедливой реакцией со стороны государства в ответ на допущенное виновным противоправное и общественно опасное поведение.

Решение суда о возмещении вреда является одной из составляющих, характеризующих восстановление социальной справедливости как цели наказания (ч. 2 ст. 43 УК РФ), а его возмещение – признаком, свидетельствующим о том, что осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначаемого судом наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ) [3, с. 56].

Назначая осужденному наказание, суд позволяет частично или полностью возместить вред, причиненный преступлением, интересам личности, общества или государства. К сожалению, не всегда возможно полностью компенсировать нанесенный ущерб в процессе исполнения наказания, особенно если государство не обладает адекватными способами воздействия на преступника. Например, никакие материальные средства не могут возместить потери от смерти человека или причинения существенного вреда его здоровью.

Вместе с тем, на наш взгляд, нельзя согласиться с теми исследователями, которые смешивают уголовно-правовое восстановление социальной справедливости с гражданско-правовым ее восстановлением. Эти исследователи обоснованно отмечают невозможность во многих случаях восстановить то положение, которое существовало до совершения преступления. Именно по этой причине они или вообще отрицают существование цели восстановления социальной справедливости, или видят ее лишь в максимально возможном возмещении вреда, причиненного преступлением личности, обществу или государству. В данном случае авторы не учитывают, что уголовно-правовое восстановление социальной справедливости не обеспечивается возмещением причиненного преступлением материального и иного вреда.

Что касается Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ), то законодателем, регулирующим исполнение уголовных наказаний, выделены в самостоятельные категории и другие цели, задачи данной отрасли права. Согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление и предупреждение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Если сравнить содержание ч. 2 ст. 43 УК РФ и ч. 1 ст. 1 УИК РФ, в которых определены цели наказаний, то они практически совпадают. В этом случае проявляются единство и взаимосвязь указанных отраслей законодательства. Сходство целей уголовно-исполнительного законодательства с целями уголовного наказания большинством исследователей объясняется тем, что УК РФ является основой и материальной базой по отношению к УИК РФ. Научные споры относительно определения целей уголовно-исполнительного законодательства сводятся либо к их корректировке, согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ, либо к замене такой цели, как исправление, на ресоциализацию, социальную реабилитацию, социальную адаптацию и т. д.

В то же время законодатель поставил перед наказанием не цель, а цели восстановления социальной справедливости, следовательно, восстановление социальной справедливости имеет разностороннее содержание с точки зрения представления о ней не только самого осужденного, но и потерпевшего, общества и государства в целом. С одной стороны, осужденный должен понести наказание, соответствующее характеру

и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и его личности, с другой – потерпевший и общество в целом должны получить моральную, а в некоторых случаях и материальную компенсацию, удовлетворение возмущенного чувства справедливости.

Как известно, одна из основных задач любого государства – защита граждан от посягательств на их жизнь, здоровье, права и материальное положение. И если за совершение преступлений преступнику грозит наказание, то для восстановления прав и интересов граждан введено возмещение вреда, причиненного преступлением, как материального, так и морального. Статья 52 Конституции РФ гарантирует защиту нарушенных прав потерпевшего, обеспечивая им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

Следует учесть, что возмещение материального ущерба не всегда достигается при назначении наказания. Ежегодно причиняемый преступными посягательствами материальный вред исчисляется многими миллионами рублей. Так, сумма причиненного ущерба по оконченным уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, за январь – сентябрь 2018 г. в Российской Федерации составила 419,6 млрд рублей, что на 33,4 % больше аналогичного показателя прошлого года, причем 90,0 % ущерба приходится на преступления, зарегистрированные в городах и поселках городского типа [4].

Статистика учитывает только имущественный ущерб от преступлений, однако понятие вреда, причиняемого преступными действиями, значительно шире и включает в себя иные виды вреда.

Процесс возмещения ущерба все более широко выходит за границы уголовного законодательства, активно вторгается в сферы, регулируемые гражданским, финансовым, трудовым и семейным законодательством. Закон выделяет три вида вреда, который может быть причинен в результате преступления:

– имущественный вред, то есть расходы, которые необходимо произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение имущества (реальный ущерб); неполученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) (ст. 15 ГК РФ);

– физический вред – это увечье или иное повреждение здоровья либо вред, причиненный жизни гражданина. В данном случае при определении понятия физического вреда важно учитывать положения гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья». Результатом преступления может быть как причинение смерти, тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью, так и наступление заболевания и угроза этих последствий. В результате причинения физического вреда потерпевший может либо вообще уйти из жизни, либо проходить лечение длительное время, либо полностью или частично утратить трудоспособность. Все перечисленное влечет за собой последствия имущественного характера: затраты на похороны; утрату источника существования в связи с потерей кормильца; полную или частичную потерю заработка в связи с утратой трудоспособности; затраты на лечение и восстановление здоровья. Таким образом, физический вред имеет имущественное выражение в виде расходов и упущенной выгоды;

– моральный вред, то есть физические или нравственные страдания. Несомненно, моральный вред является последствием любого преступления, связанного с посягательством на личность или принадлежащие ей материальные или нематериальные ценности. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой близких, невозможностью продолжать активную жизнь, потерей работы,

раскрытием семейной, врачебной тайны, распространением не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, или иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др.

Для того чтобы моральный вред был компенсирован, он должен получить материальное выражение. Если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда. Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего [5, с. 152].

Представляется, что в целях более эффективного восстановления социальной справедливости в части возмещения вреда, причиненного преступлением потерпевшему, и расходования денежных средств должны быть законодательно закреплены условия, виды и размеры государственной компенсации. При этом выплата компенсации не будет отменять обязанности возмещения вреда обвиняемым. В связи с этим можно вернуться к идее учреждения внебюджетного федерального фонда помощи потерпевшим, деятельность которого могла бы регулироваться специальным законом.

Проблема добровольного возмещения вреда, причиненного преступлением, приобретает особую остроту на стадии исполнения уголовного наказания. Тому есть объективная причина – отсутствие материальных возможностей у обвиняемого, что обусловлено безработицей или низким уровнем дохода. Известно, что исправительные учреждения в большей степени не способны полноценно обеспечивать лиц, отбывающих лишение свободы, работой ввиду отсутствия или недостаточного количества рабочих мест и соответственно стабильным и достаточным заработком. Однако, оставаясь на свободе, осужденные также сталкиваются с проблемами трудоустройства, поскольку судимость является своего рода «клеймом». В дополнение к объективным причинам есть и внутренние, психологические: несбывшиеся надежды избежать наказания, ненависть к потерпевшему, уверенность в несправедливости назначенного наказания и др.

Что касается потерпевшего, то часто его право на возмещение причиненного вреда остается лишь правом, поскольку удовлетворение судом исковых требований к виновному не гарантирует фактического исполнения последним своей обязанности по возмещению причиненного вреда. Проведенные исследования показывают, что доля фактического исполнения соответствующих судебных решений составляет менее 21 % [4]. Хотя исполнение обязательств, вытекающих из причинения вреда, лежит в плоскости гражданско-правовых отношений, существующих за рамками исполнения наказания, возникает вопрос: можем ли мы в сложившейся ситуации говорить о восстановлении социальной справедливости, которая является одной из целей наказания? Иными словами, может ли исполнение справедливого, как того требует ст. 60 УК РФ, наказания восстановить социальную справедливость, если причиненный преступлением вред так и не возмещен? Очевидно, что нет.

В отношении осужденного, уклоняющегося от возмещения вреда, целесообразно усилить карательные меры, например сделать полное возмещение вреда, причиненного преступлением, одним из обязательных условий погашения судимости. К слову, анализ уголовного законодательства стран – участников СНГ показал, что применение поощрительных норм к осужденным связывается только с полным возмещением вреда, причиненного преступлением [6, с. 48].

Полное или частичное возмещение осужденным вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, является обязательным условием для отмены условного осуждения и снятия с осужденного судимости (ч. 1 ст. 74 УК РФ), а также для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ) и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ч. 1 ст. 80 УК РФ). С одной стороны, введение данного условия представляется оправданным (стимулирование осужденного к труду, возмещению ущерба, причиненного преступлением). С другой стороны, наука и правоприменительная практика столкнулись с такими проблемами, как неоднозначность понимания частичности возмещения вреда, возложение обязанности возместить причиненный вред на родителей несовершеннолетних осужденных и ряд других до сих пор не разрешенных вопросов [7, с. 63].

Таким образом, восстановление социальной справедливости как цели наказания и возмещение вреда, причиненного преступлением, не нашло пока однозначного понимания ни среди судей, назначающих наказание, ни среди сотрудников уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказание, ни даже среди ученых. В связи с этим значительная часть проблем уголовного наказания и его применения требует дальнейшего изучения и осмысления, поскольку законодательство и правоприменительная практика еще весьма далеки от совершенства.

Библиографический список

1. Антонов О. А. Восстановление социальной справедливости как цель реализации уголовной ответственности // Юрист-правоведъ. 2009. № 5(36). С. 45–48.
2. Тарбогаев А. Н. Понятие и цели уголовной ответственности. Красноярск, 1986. 120 с.
3. Гришко А. Я. Возмещение вреда, причиненного преступлением: постановка проблемы // Административное право и процесс. 2017. № 10. С. 56–60.
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <http://www.genproc.gov.ru> (дата обращения: 20.05.2019).
5. Теохаров А. К. О целях и назначении уголовно-исполнительного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 9(70). С. 151–158.
6. Розимова К. Ю. Особенности цели наказания в теории уголовного права и уголовном законодательстве Узбекистана и Великобритании // Российский следователь. 2016. № 18. С. 47–50.
7. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний : курс лекций. Томск, 2018. 63 с.

Защита диссертации

18 апреля 2019 г. на заседании диссертационного совета на базе Уральского государственного юридического университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Грушина Федора Владимировича на тему «Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства». Работа выполнена в Академии ФСИН России.

Научный консультант – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации В. И. Селиверстов. Официальными оппонентами по диссертации выступили: доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации А. И. Коробеев; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации Т. Ф. Минязева; доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации В. А. Уткин. Ведущая организация – Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева.

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 31 июля 2019 г. № 765/нк профессору кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России Ф. В. Грушину выдан диплом доктора юридических наук.

От всей души поздравляем Федора Владимировича!

*Редакционная коллегия журнала
«Уголовно-исполнительное право»*

УДК 343.8

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.281-287

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ УТКИН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии,
директор Юридического института,
Национальный исследовательский Томский
государственный университет,
г. Томск, Российская Федерация,
e-mail: utkin@ui.tsu.tu

**ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
НА ДИССЕРТАЦИЮ ГРУШИНА ФЕДОРА ВЛАДИМИРОВИЧА
«СИСТЕМА ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ РАЗВИТИЕ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА»,
ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ
СТЕПЕНИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК ПО НАУЧНОЙ
СПЕЦИАЛЬНОСТИ 12.00.08 УГОЛОВНОЕ ПРАВО
И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
(ЕКАТЕРИНБУРГ, 2019. 554 С. С ПРИЛОЖЕНИЯМИ)**

Для цитирования

Уткин, В. А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Грушина Федора Владимировича «Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства», представленную на соискание ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (Екатеринбург, 2019. 554 с. С приложениями) / В. А. Уткин // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 281–287. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.281-287.

Аннотация. В статье представлен отзыв официального оппонента на диссертацию Ф. В. Грушина «Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства», защищенную 18 апреля 2019 г. на заседании диссертационного совета на базе Уральского государственного юридического университета. Научная новизна диссертации определяется тем обстоятельством, что это первое монографиче-

© Уткин В. А., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

ское исследование на стыке уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительной догматики и уголовно-исполнительной социологии, в котором подвергается научному исследованию динамика развития уголовно-исполнительного законодательства с момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в 1996 году. На основе проведенного диссертантом факторного анализа предложена прогнозная оценка развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации до 2025 года (с тремя различными сценариями). Используемые диссертантом методы (сравнительно-правовой, исторический, системно-структурный и формально-логический) свидетельствуют о необходимой степени достоверности и обоснованности полученных результатов, значительная часть которых обладает должной новизной. Вместе с тем работа не лишена ряда недостатков, которые либо являются частными, либо носят дискуссионный характер. В силу этого диссертация В. Ф. Грушина представляет собой научно-квалификационную работу, решившую научную проблему, имеющую важное значение для развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная политика, уголовно-исполнительное законодательство, диссертационное исследование.

За более чем двадцать лет со времени вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (июль 1997 г.) было принято примерно 90 федеральных законов с изменениями и дополнениями Кодекса. Развивалось и иное законодательство в сфере исполнения уголовных наказаний, и прежде всего – Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В июле 2018 г. принят Федеральный закон № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». Все это сопровождается активным подзаконным нормотворчеством, в первую очередь со стороны Правительства Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации. Между тем в теории уголовно-исполнительного права суждения об утрате уголовно-исполнительным правовым регулированием должной системности побудили, в частности, к разработке новой Доктринальной модели Общей части УИК РФ. Однако независимо от успехов и масштабов новой кодификации (если она будет признана необходимой) многие текущие проблемы нормативного регулирования и практики исполнения наказаний не могут быть успешно решены без глубокой научной разработки общих подходов, ценность которых существенно возрастает в период активного реформирования. Очевидно, что такие подходы не должны ограничиваться формально-юридическим анализом. Применительно к науке уголовного права в этом плане традиционно выделяют такие ее взаимосвязанные направления, как уголовно-правовая политика, уголовно-правовая догматика и уголовно-правовая социология. Диссертационное исследование Ф. В. Грушина демонстрирует аналогичный подход в науке уголовно-исполнительного права, и это дополнительно свидетельствует об актуальности избранной им темы.

Научная новизна работы определяется прежде всего тем обстоятельством, что это первое обстоятельное монографическое исследование на стыке уголовно-исполнительной политики, уголовно-исполнительной догматики и уголовно-исполнительной социологии, в котором подвергается научному исследованию динамика развития

уголовно-исполнительного законодательства с момента принятия УИК РФ в 1996 г. На основе проведенного автором факторного анализа предложена прогнозная оценка развития уголовно-исполнительной политики Российской Федерации до 2025 г. (с тремя различными сценариями).

Научной новизной обладают авторская классификация факторов развития уголовно-исполнительной политики и законодательства, что позволило рассмотреть их в динамике.

Работа выполнена на солидном теоретическом фундаменте (свыше 800 источников, включающих в себя, помимо прочего, авторитетные научные труды по философии, политологии, экономике, социологии, этике).

Несомненной заслугой автора является проведенный им научный анализ свыше 150 проектов федеральных законов в области исполнения уголовных наказаний и введение в научный оборот материалов их обсуждения.

Структура диссертации Ф. В. Грушина отвечает поставленным им задачам. Глава I имеет методологическое значение, отражая философские основы системного факторного подхода к социальным процессам. В основе построения системы социальных детерминант автор выделяет экономические, социальные, политические и духовные (с. 54). Рассматривая вопрос о факторах, влияющих на процесс правообразования, диссертант раскрывает особенности факторного подхода в отдельных отраслях юридической науки, обоснованно отмечая тенденцию конвергенции частного и публично-го права (с. 68). Заслуживают внимания основанные на результатах опроса экспертов суждения диссертанта о специфических чертах системного факторного подхода в уголовно-исполнительной политике и уголовно-исполнительном законодательстве (с. 78–80). Нельзя не согласиться с ним и в том, что факторный подход способен играть конструктивную роль при определении основных направлений уголовно-исполнительной деятельности (с. 88). Приведенная им на с. 92–94 классификация факторов имеет самостоятельное научное (и даже методологическое) значение.

При анализе механизма влияния системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства (гл. 2) Ф. В. Грушин выделяет три стадии: формирование политики, ее установление и реализация. Соответственно этому описывается широкий круг субъектов формирования, установления и реализации уголовно-исполнительной политики (от Президента РФ до отдельных граждан). Вместе с тем диссертант справедливо отмечает, что «именно законодательство выступает ключевой формой выражения политики» (с. 125). Прав автор и в том, что деятельность по реализации уголовно-исполнительной политики превращается в самостоятельный социальный фактор ее формирования и установления (с. 149).

Исходя из обоснованного тезиса о том, что уголовно-исполнительная политика как часть государственной политики неизбежно обусловлена политической системой (с. 151), диссертант выявляет интересную взаимосвязь между стабильностью политической системы и частотой изменений текущего законодательства (с. 154). В свою очередь, непродуманная уголовно-исполнительная политика чревата осложнением политической ситуации в стране (Там же). Интересны, хотя и небесспорны, суждения автора о роли лоббизма в сфере правового регулирования исполнения уголовных наказаний (с. 172).

Интеграция Российской Федерации в международное сообщество в середине 90-х годов прошлого века предопределила значимость внешнеполитических факторов развития в уголовно-исполнительной сфере. Рассматривая пути влияния международных стандартов на российское законодательство и практику исполнения наказаний, Ф. В. Грушин освещает конкретные способы имплементации международных норм в оте-

чественное уголовно-исполнительное законодательство (с. 174–178), констатирует тенденцию сужения сфер сотрудничества России с рядом международных организаций, предлагает конкретные пути активизации этого сотрудничества (с. 189). Особому анализу подвергаются проблемы реализации в уголовно-исполнительной системе решений ЕСПЧ и Европейского комитета против пыток (§ 3 гл. 3).

Рассматривая в гл. 4 экономические факторы, диссертант со ссылкой на материалы ФСИН России констатирует ряд проблем размещения осужденных в исправительных учреждениях (с. 213), подтверждает свои выводы обращением к истории таких наказаний, как арест и принудительные работы (с. 222–223). Заслуживают внимания его суждения об изменении сложившейся системы финансирования УИС (с. 230–231). При рассмотрении экономико-географических факторов (§ 2 гл. 4) Ф. В. Грушин главное место обоснованно уделяет масштабу российской территории в контексте необходимости поддержания полезных социальных связей осужденных (с. 242–245). Вслед за другими учеными он видит решение проблемы в создании так называемых гибридных и мультирежимных исправительных учреждений (с. 248–249). Автор, безусловно, прав в том, что «современное состояние российской экономики предопределяет выбор в качестве базового ориентира для определения уровня жизни осужденных уровень жизни беднейших слоев населения» (с. 264). При этом уровень жизни осужденных включает в себя два компонента: минимально необходимый и обеспечиваемый государством и обеспечиваемый дополнительно самим осужденным (с. 274). Заслуживает поддержки вывод диссертанта о законодательном механизме индексации сумм, разрешенных к расходованию осужденными соразмерно уровню инфляции (Там же).

Глава 5 диссертации Ф. В. Грушина посвящена социальным факторам уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства, особое внимание в ней уделено особенностям обращения с осужденными молодежного возраста (с. 280–285). Отмечаются особенности и недостатки правового статуса осужденных пожилого возраста, женщин, иностранных граждан, инвалидов, а также ВИЧ-инфицированных.

В § 2 гл. 5 анализируется общее и профессиональное образование осужденных как факторов их последующей ресоциализации. По справедливому замечанию диссертанта, изменение в этой части уголовно-исполнительной политики пока не получило адекватного нормативно-правового обеспечения (с. 313). В связи с этим обращается внимание на возможности дистанционного образования.

Среди социальных факторов диссертант особое место отводит науке (§ 3 гл. 5). Вслед за другими авторами он обоснованно отмечает противоречивость влияния науки на уголовно-исполнительную политику, когда выработка решений часто грешит волюнтаризмом и поручается непрофессионалам (с. 327). Познавательный интерес вызывают суждения автора о существующих научных центрах, о преимуществах и недостатках академической и ведомственной уголовно-исполнительной науки (с. 345–349).

В § 4 данной главы диссертант анализирует наиболее общие правовые и криминологические факторы (система права, межотраслевые взаимосвязи, компетенционный фактор, технико-юридические факторы, преступность). Особое внимание уделяется практике Конституционного Суда Российской Федерации.

Как справедливо отмечает автор, «количество юридико-технических просчетов» в сфере исполнения уголовных наказаний практически достигло своей критической массы (с. 362), поэтому не только теоретическое, но и практическое значение имеет проведенная им систематизация недостатков действующего УИК РФ с точки зрения юридической

техники (с. 363–368). В этом отношении заслуживают внимания указанные в диссертации «коррупциогенные ниши» действующего законодательства (с. 377).

Духовные факторы развития уголовно-исполнительной политики и законодательства исследуются в гл. 6. Диссертант, безусловно, прав в том, что сложившаяся десятилетиями система средств исправления осужденных, в частности, массовое привлечение их к труду, не отвечает современным реалиям (с. 382–383). Важно, что перспективные направления взаимодействия с религиозными организациями рассматриваются диссертантом в контексте проблем борьбы с религиозным экстремизмом (с. 398–400). При этом, как обоснованно пишет Ф. В. Грушин, религиозное просвещение не следует включать в число основных средств исправления осужденных. При рассмотрении правосознания как одного из факторов диссертант отмечает превалирующую роль профессионального правосознания в его аксиологическом (ценностном) аспекте (с. 409–410). Духовно-нравственное состояние общества (§ 3 гл. 6) справедливо рассматривается в этом контексте с учетом его противоречивости и даже некоторых сторон «моральной деградации» общества (с. 421). Интересны, хотя и отрывочны, приведенные в диссертации конкретные примеры, свидетельствующие о «роли личности» в развитии УИС (с. 430).

В заключении диссертации Ф. В. Грушина (которое, впрочем, частично повторяет ее введение) суммируются основные итоги исследования. Приложения к работе, несомненно, имеют самостоятельное научное значение.

Использованные автором методы (сравнительно-правовой, исторический, системно-структурный и формально-логический), а также основательность источниковой базы в целом свидетельствует о необходимой степени достоверности и обоснованности полученных автором результатов, значительная часть которых обладает должной новизной. Работа изложена литературным научным языком, ее основные результаты достаточно полно опубликованы в 69 работах автора, в том числе в 30 рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК.

В то же время не все положения диссертационного исследования Ф. В. Грушина в равной степени убедительны и не со всеми можно согласиться. Прежде всего это касается авторского понимания самих факторов развития. Он определяет их как обстоятельства, «вследствие которых уголовно-исполнительная политика или уголовно-исполнительное право изменяются *либо остаются без изменений* (выделено мной. – В. У.)» (с. 17, 100). Однако всякое развитие – это изменения. Факторы, не вызывающие таковых, не могут считаться факторами развития.

В названии работы и тексте диссертации говорится о системе факторов. Использование термина «система» объективно требует от автора более четкого обоснования, почему одни обстоятельства подвергаются научному анализу, а другие в данную систему не включены. Ведь независимо от вариантов системного подхода большинство ученых едины в том, что всякая система – это конечное множество взаимодействующих между собой необходимых и достаточных элементов, выделенных по определенным критериям. Разумеется, обстоятельств, влияющих на конкретные политические или законодательные решения, чрезвычайно много, но диссертант не пытается обосновать рассмотрение выделенных им факторов, по большей части ограничиваясь суждениями типа «на наш взгляд», «по нашему мнению», «как представляется». В итоге Ф. В. Грушин лишь упоминает о таких политических факторах, как уголовно-правовая политика, судебная практика назначения наказаний, хотя не оставляет без пристального внимания, например, многопартийность, политический режим и т. д. Среди правовых факторов (как разновидности социальных) не рассматриваются состоя-

ние и тенденции уголовного законодательства и их очевидное влияние на уголовно-исполнительное.

При рассмотрении экономических факторов автор анализирует состояние ВВП, инфляцию, уровень жизни населения, которые, безусловно, сказываются в конечном счете на уголовно-исполнительной политике и законодательстве, но оставляет без внимания такой фактор, на долгие годы определивший развитие уголовно-исполнительной системы, как переход от огосударствленной планово-распределительной экономики к рыночной, когда исторически сложившееся в СССР массовое «трудовое использование» осужденных стало невозможным, в силу чего «лагерная» система, идеально отвечавшая потребностям экономики тоталитаризма, вошла в глубокий кризис, до конца не преодоленный и поныне. Попытками выхода из него и служат поддерживаемые Ф. В. Грушиным «тюрьмизация» и «гибридизация» исправительных учреждений.

К сожалению, диссертант ушел от специального рассмотрения и такого весьма значимого фактора, как научно-технический, ограничиваясь отдельными примерами. Между тем современные научно-технические достижения (информатизация, цифровизация, развитие телекоммуникаций, специальных средств, компьютерной психодиагностики и т. д.) со всей очевидностью непосредственно и системно влияют на уголовно-исполнительную политику, все больше проникают в законодательство и используются на практике (электронный мониторинг, видеоконференцсвязь, модернизация ИТСОИ, дистанционное образование, перевозка осужденных, их электронная регистрация, электронное делопроизводство и т. п.).

При рассмотрении механизма (стадий) уголовно-исполнительной политики автор применяет термины «формирование», «установление» и «реализация», относя к ее субъектам на разных стадиях максимально широкий круг участников общественных отношений (от президента до отдельных граждан и даже осужденных). Коль скоро появление новой терминологии должно отражать новое знание, не вполне ясно, чем оправдана замена автором уже существующих и используемых в законодательстве понятий «определение политики» (ч. 3 ст. 80 Конституции РФ применительно к Президенту России), «выработка и реализация государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере исполнения уголовных наказаний (Положение о Министерстве юстиции, утвержденное Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313; ст. 60.4, 60.5, 82, 94, 101 УИК РФ)».

Среди субъектов «установления» уголовно-исполнительной политики диссертант почему-то не упоминает Минюст России, не объясняя противоречие своей позиции упомянутым выше нормативным правовым актам.

Столь же неоправданно, на наш взгляд, исключать из числа упомянутых субъектов Государственный совет, на заседании Президиума которого в Вологде в феврале 2009 г. были приняты основополагающие для уголовно-исполнительной системы решения (о них автор все же упоминает на с. 151).

Соглашаясь с автором в том, что уголовно-исполнительная политика выражается в директивных и нормативных актах (с. 127), трудно объяснить, почему при анализе влияния факторов на эволюцию законодательства диссертант ограничился нормами Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Ведь согласно ч. 1 ст. 2 УИК РФ «уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов». В этом плане особого внимания заслуживает Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». По крайней мере, значи-

тельная часть его норм (гл. 5) имеет уголовно-исполнительную природу. К тому же данный Закон в целом и его изменения ярко отражают эволюцию современной уголовно-исполнительной политики.

Есть и более частные замечания. Так, едва ли прав диссертант в том, что к субъектам реализации уголовно-исполнительной политики относятся осужденные (с. 195). Уголовно-исполнительная политика – это государственная политика в сфере исполнения наказаний, а осужденные наказания отбывают.

В § 3 гл. 3 рассматривается правоприменительная практика международных организаций». Однако, в отличие от ЕСПЧ, Европейский комитет по предупреждению пыток (ЕКПП), о котором также говорится в данном параграфе, не наделен правоприменительными полномочиями.

Выдвигаемые в числе положений, выносимых на защиту, предложения относительно наказаний в виде ареста и ограничения свободы, отбываемого в исправительных центрах (с. 23 и др.), ранее уже публиковались в литературе, в том числе в работах рецензента (2012, 2013 гг.), и даже частично были предметом обсуждения на Совете по правам человека при Президенте РФ. О последнем сам диссертант упоминает на с. 107.

Наконец, категорически нельзя согласиться с суждением автора о том, что, в частности, такая культурная ценность, как мультикультурализм, «не находит поддержки в российском обществе», и это проявляется в проводимой государством уголовно-исполнительной политике (с. 448). Россия как государство, в котором проживает свыше 140 наций и народностей, традиционно была многонациональным, многоконфессиональным и поэтому мультикультурным государством, и в этом Российское государство всегда черпало и черпает свою силу.

Вместе с тем изложенные выше замечания либо являются частными, либо носят дискуссионный характер и могут быть предметом обсуждения в диссертационном совете. Они не портят общего положительного впечатления от диссертации Ф. В. Грушина, в которой на концептуальном уровне проанализированы современные проблемы факторов развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства.

Содержание диссертации Ф. В. Грушина достаточно полно отражено в многочисленных опубликованных работах автора и в автореферате. Диссертация обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты.

На основании изложенного следует прийти к выводу о том, что диссертация «Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой на основании выполненных автором исследований решена научная проблема, имеющая важное значение для развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства. В соответствии с пп. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства России от 24 сентября 2013 г. № 842, данная работа отвечает требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям, а ее автор – Грушин Федор Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право.

УДК 343(47+57)
DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.288-289

НИКИТА ГЕОРГИЕВИЧ ИВАНОВ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: criminallaw_rpa@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И РЯДА СТРАН (КРАТКИЙ НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ)»

Для цитирования

Иванов, Н. Г. Рецензия на монографию «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)» / Н. Г. Иванов // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 288–289. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.288-289.

Аннотация. Отмечается актуальность монографии ввиду того, что бессистемное внесение изменений в основополагающие нормативные правовые акты, отсутствие надлежащего теоретико-практического обоснования изменений законодательства, принятие законодательных и подзаконных актов без согласования с другими нормативными источниками способствуют появлению многочисленных коллизий законодательства. В работе анализируются коллизии уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства. Подтверждается теоретическое и практическое значение данного монографического исследования, в котором предлагаются конкретные многочисленные изменения законодательства.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уголовно-исполнительное законодательство, коллизии законодательства, Россия, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан.

Актуальность исследования данной юридической проблематики сложно переоценить. Бессистемное внесение изменений в основополагающие нормативные правовые акты, отсутствие надлежащего теоретико-практического обоснования изменений законодательства, принятие законодательных и подзаконных актов без согласования с другими нормативными источниками и т. п. – все это способствует появлению многочисленных коллизий законодательства внутри отдельных актов, а также коллизий, имеющих межотраслевой характер. В связи с этим следует приветствовать появление такой работы, в которой анализируются коллизии как в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном кодексах Российской Федерации, Федеральном законе «Об общественном контроле за обеспече-

---

© Иванов Н. Г., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

нием прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» и пр., так и между вышеуказанными, а также другими нормативными правовыми актами (Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, федеральные законы «О прокуратуре Российской Федерации», «Об оперативно-розыскной деятельности», «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и др.).

Каждая выявленная коллизия законодательства содержит авторское пояснение. Их можно условно разделить на две группы: либо просто констатируется наличие противоречия между конкретными нормами, либо дополнительно приводятся теоретические и практические проблемы, связанные с данной коллизией, и формулируются конкретные предложения по изменению законодательства. Общее число коллизий российского законодательства – более двухсот, что отражает глубину и разносторонность рассматриваемых вопросов.

Кроме того, в монографии выявляются и анализируются более 150 коллизий законодательства ряда стран (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Таджикистан, Узбекистан), что свидетельствует о наличии схожих проблем в исследуемой сфере в России и указанных государствах. К такому же выводу приходит авторский коллектив, полагая, что ряд зарубежных коллизий практически аналогичен российским, что требует дальнейшего системного исследования этой проблематики.

Авторский коллектив состоит из российских и зарубежных теоретиков и практиков. Так, в подготовке монографии приняли участие представители центрального аппарата ФСИН России и службы пробации Азербайджанской Республики, а также многочисленных образовательных организаций указанных стран: Академии ФСИН России, Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Академии МВД Республики Беларусь, Академии МВД Республики Таджикистан, Белорусского государственного университета, Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева, Ташкентского государственного университета, Нижегородской академии МВД России, Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, Томского государственного университета, Московского государственного лингвистического университета, Бурятского государственного университета, Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова и др.

Вероятно, в рецензируемом издании следовало больше внимания уделить другим российским нормативным правовым актам в сфере борьбы с преступностью (федеральные законы «О противодействии коррупции», «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму» и др.), также содержащим многочисленные коллизии законодательства. Однако данное замечание не снижает высокой оценки проделанной авторским коллективом работы.

Таким образом, полагаем, что монография «Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий)» имеет значение для науки, практики и образовательного процесса, ввиду чего заслуживает опубликования.

Библиографический список

1. Коллизии законодательства России и ряда стран (краткий научный комментарий) : монография / А. А. Крымов [и др.] ; под общ. ред. А. А. Крымова ; науч. ред. А. П. Скибы. 3-е изд., испр., и доп. М. : Закон и право : ЮНИТИ, 2018. 407 с.

УДК 343.82

DOI 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.290-292

АЙДАРКАН БАЙДЕКОВИЧ СКАКОВ,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин,
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева,
г. Астана, Республика Казахстан,
e-mail: aidarkan@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ КОЛЛЕКТИВА АВТОРОВ «УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ВВЕДЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ»

Для цитирования

Скаков, А. Б. Рецензия на монографию коллектива авторов «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения» / А. Б. Скаков // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – Т. 14(1–4), № 3. – С. 290–292. – DOI : 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.290-292.

Аннотация. Обосновывается актуальность и теоретико-прикладное значение разработки уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения. Уточняется, что наличие различного рода внешних факторов (стихийных бедствий, региональных военно-политических конфликтов и т. п.) может серьезно осложнять деятельность уголовно-исполнительной системы и требует урегулирования в части особенностей правового положения осужденных, общей специфики деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения, а также других вопросов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство, стихийное бедствие, чрезвычайное положение, военное положение, режим особых условий в исправительных учреждениях, учреждения и органы, исполняющие наказания.

Деятельность уголовно-исполнительной системы России (как и пенитенциарных служб Казахстана, Азербайджана, Армении, Молдовы, Туркменистана и других государств) в ряде случаев осложняется наличием различного рода внешних факторов – наводнений, землетрясений и других стихийных бедствий, незаконных вооруженных

© Скаков А. Б., 2019

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

формирований, региональных военно-политических конфликтов, в связи с чем актуальность разработки уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения не вызывает сомнения. В указанных странах постсоветского пространства на законодательном уровне закреплён режим особых условий, вводимый в исправительных учреждениях (или аналогичные ему режимы), при наступлении таких обстоятельств, как: стихийные бедствия, введение чрезвычайного или военного положения, при массовых беспорядках или групповых неповиновениях осуждённых и т. д. Это свидетельствует об общем понимании в различных странах необходимости трансформации организации уголовно-исполнительной деятельности при наступлении подобного рода событий.

В рецензируемой монографии обоснованно анализируется уголовно-исполнительное законодательство в части режима особых условий в исправительных учреждениях не только России, но и ряда стран как постсоветского пространства (Беларусь, Казахстан, Украина, Армения, Молдавия, Таджикистан, Кыргызстан и др.), так и западноевропейских государств (Испания и Франция), причём сравнительное исследование проводится в отношении режима особых условий, оснований и процедуры его введения, налагаемых дополнительных ограничений прав осуждённых к лишению свободы и т. п.

Некоторые из сформулированных выводов имеют большое теоретическое значение для развития науки уголовно-исполнительного права. С учётом того что в работе над монографией приняли участие специалисты из России (Академия ФСИН России, Нижегородская академия МВД России и др.) и Беларуси (Академия МВД Республики Беларусь), ряд результатов исследования может быть использован в правотворческой и правоприменительной деятельности различных стран. Особо интересным выглядит предложение о возможном закреплении уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения в третьем томе Специальной части УИК РФ, которая будет содержать Общую (цели уголовно-исполнительного законодательства в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; действие уголовно-исполнительного законодательства военного времени в отношении осуждённых и военнопленных; особенности правового положения осуждённых; общая специфика деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и контроля за их деятельностью в случаях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения и т. п.) и Особенную (дополнительные особенности исполнения и отбывания наказаний, во-первых, в период действия военного положения; во-вторых, в период действия чрезвычайного положения; в-третьих, в случаях стихийного бедствия) части.

Основная часть работы посвящена исследованию негативных явлений, дестабилизирующих деятельность по исполнению уголовных наказаний, анализу законодательства России и зарубежных стран, международных правовых актов, ряда исторических и теоретических аспектов, характеризующих функционирование пенитенциарной системы в изучаемых условиях, а также правоприменительной деятельности. Результаты подобной комплексной работы свидетельствуют о безотлагательной потребности формирования уголовно-исполнительного законодательства в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения.

В то же время интересно дальнейшее исследование уголовно-исполнительного законодательства других стран в качестве возможного примера для совершенствования российских нормативных правовых актов в изучаемой области. Это пожелание не умаляет значимость результатов рецензируемой работы.

Таким образом, второе издание монографии «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения», подготовленной коллективом авторов (А. А. Крымов, А. П. Скиба, Н. В. Кийко, Ю. А. Кашуба, В. Е. Южанин, В. Н. Орлов, А. В. Петрянин, И. Н. Коробова, Ф. В. Грушин, И. А. Давыдова, А. Н. Сиряков и др.), обладает актуальностью, имеет теоретико-прикладное значение и достойно опубликования.

Библиографический список

1. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / Д. В. Горбань [и др.] ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы. 2-е изд., испр. и доп. М. : Криминол. б-ка, 2018. 296 с.

THE THEORY OF PENAL LAW

Aleksandr Yakovlevich Grishko, DSc (Law), Professor, professor of criminal and penal law department, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, e-mail: grishkoaleksandr@yandex.ru;

Lyudmila Grishko, candidate of law, associate Professor, associate Professor of criminal procedure and criminalistics, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: 9105001000@mail.ru

ON THE QUESTION OF POST-PENITENTIARY LAW

Recommended citation

Grishko, A. Ya. & Grishko, L. E. 2019, 'On the question of post-penitentiary law', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 210–215, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.210-215.

Abstract. Based on the comparison of the history of the formation of correctional labor (penal enforcement) law, the author gives analogies on the formation of legislation regulating the social adaptation of persons released from prison. He analyzes different points of view regarding the industry affiliation of the Institute. Taking into account the personal characteristics of these persons, it is concluded that in this case there is an independent specialized branch of legislation – post-penitentiary legislation. It is offered to systematize all norms of the laws regulating questions of social adaptation of the persons released from places of imprisonment by publication of the collection of legislative and other regulatory legal acts. In the future, this branch of legislation can become the basis of post-penitentiary law.

Keywords: post-penitentiary law, systematization, legislation, convict, adaptation.

References

- Golovastova, Yu. A. 2017, *Penal law as a branch of Russian law: a modern view*, Moscow.
- Utkin, V. A. 2016, 'Penal activity and the subject of Penal law', *Penal law*, iss. 2(24), pp. 39–43.
- Utkin, V. A. 2005, 'Legal basis for resocialization of released from prison', in *Actual problems of criminal penalties execution*, pp. 45–48, Ryazan.
- Yuzhanin, V. E. 2013, 'Problems of legal regulation of work continuity on convicts' preparation for release and control of their social adaptation to conditions of freedom', in *International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (on the 20th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation): a collection of abstracts of participants (Ryazan, 5–6 December 2013)*, pp. 179–186, Ryazan.
- Kozachenko, I. Ya. & Sergeev, D. N. 2015, 'Post-penitentiary control in Russia: prospects and reasonable doubts', in *International penitentiary forum "Crime, punishment, correction": collection of abstracts of speeches and reports of participants (Ryazan, 25–27 November 2015)*, in 8 vols, vol. 1, pp. 164–169, Ryazan.
- Tkachevskiy, Yu. M. 1970, *Release from serving the sentence*, Moscow.
- Fil'chenko, A. P. 2015, *Criminal liability as a legal relationship and its dynamics (problems of sectoral and inter-sectoral coordination (discoordination))*: PhD thesis (Law), Ryazan.
- Fil'chenko, A. P. 2014, *Emergence, mitigation and termination of criminal liability (problems of sectoral and inter-sectoral coordination)*, Moscow.
- 'Special opinion of the judge of the constitutional court of the Russian Federation N. V.

Vitruk. The decision of the constitutional Court of the Russian Federation dated 19.03.2003 № 3-P “on business about check of constitutionality of provisions of the Criminal code of the Russian Federation, regulating the legal consequences of conviction of a person are repeated, and recidivism, as well as paragraphs 1 to 8 of the Resolution of the State Duma of 26 may 2000 “On Declaration of Amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the great Patriotic war of 1941-1945” in connection with the request of the Ostankino intermunicipal (district) court of Moscow and complaints of some citizens” 2003, *Meeting of the legislation of the Russian Federation*, iss. 14, art. 1302, pp. 25–29.

OBJECTIVES OF THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION AND THEIR ACHIEVEMENT

Talgat Kurmanovich Akimzhanov, DSc (Law), Professor, Honored worker of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Director of the Institute of law, professor of jurisprudence and international law department, Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan, e-mail: akimzhanovtk@mail.ru;

Zhazira Elyubaikyzy, Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Barimbek Beisenov, Karaganda, Republic of Kazakhstan, e-mail: ayaulim.75@mail.ru

PENITENTIARY CRIME AS AN OBJECT OF INDEPENDENT CRIMINOLOGICAL RESEARCH

Recommended citation

Akimzhanov, T. K. & Elyubaikyzy, Zh, 2019, ‘Penitentiary crime as an object of independent criminological research’, *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 216–221, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.216-221.

Abstract. The article is devoted to the existing approaches in the scientific literature to the understanding and study of a penitentiary crime, as well as the author’s vision of understanding this type of crime. In the study of penitentiary crime, we recommend to start from the current criminal legislation of the Republic of Kazakhstan, analysis of which allows to conclude that the prison crime is the totality of all crimes committed by all those sentenced to various punishments, not just the most popular in law enforcement and criminal legislation to such kind of punishment as deprivation of liberty. This statement of the problem makes it possible to specify the object and subject of the study, as well as to increase the effectiveness of the prevention of penitentiary crime.

Keywords: penitentiary crime, criminal penalties, imprisonment, convicts, employees of the penal system, security measures.

References

Dolgova, A. I. (ed.) 2001, *Criminology*, Moscow.

The working book of sociologist 1983, 2nd edn, Moscow.

Dolgova, A. I. (ed.) 2016, *Criminology*, 4th edn, Moscow.

Dzhansaraeva, R. E. 2006, *Problems of crime counteraction in correctional institutions*, Almaty.

Baltabaev, K. Zh. 1999, *Execution of sentences: legislation of the Republic of Kazakhstan and international norms*, Almaty.

Starkov, O. V. 2004, *Criminology*, Moscow.

Criminal code of the Republic of Kazakhstan: practical guide 2019, Almaty.

Yadov, V. A. 1972, *Sociological research: methodology, program, methods*, Moscow.

Methods of crime analysis: methodical manual, 1986, Moscow.

Elena Vladimirovna Nechaeva, PhD (Law), Associate Professor, associate professor of the department of criminal law disciplines, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation, e-mail: nechaeva_ev@mail.ru

ABOUT THE DETERMINATION CRITERIA OF CORRECTION DEGREE OF CONVICTS SENTENCED TO CRIMINAL PENALTIES

Recommended citation

Nechaeva, E. V. 2019, 'About the determination criteria of correction degree of convicts sentenced to criminal penalties', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 222–227, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.222-227.

Abstract. The correctional process in Russian penitentiary institutions for execution of criminal penalties, organized by the fixed assets of convicts' correction, specified in the penal legislation. The mechanism of their application is quite complex and contradictory, and the issue of correction of the convicted person does not lose its relevance. Therefore, it is advisable to look for new forms and tools, allowing effective corrective impact on persons serving sentences in the form of imprisonment. The article reveals the theoretical approaches to determining the degree of correction of the convict and the problem of determining the criteria for its evaluation. The author comes to the conclusion that the institution of the assessment of prisoners' level of correction should be implemented not only in the framework of penal and criminal relations, but also within the framework of a larger holistic study of the offender's personality.

Keywords: convict, criminal punishment, correction, characteristics of prisoners, correction level.

References

Antonyan, E. A. 2014, *The personality of the recidivist: criminological and penal research: PhD thesis (Law)*, Moscow.

Nechaeva, E. V. 2013, *Organizational and legal aspects of execution of punishment in respect of convicted persons held in pre-trial detention centers*, Cheboksary.

Orlov, V. N. 2014, *Criminal punishment: concept, system, object of destination, composition of execution*, Moscow.

Pozdnyakov, V. M. 2005, 'Again on the criteria', *Journal of the penitentiary system*, iss. 2, pp. 34–36.

Potapov, A. M. & Lepshchikov, A. N. 2017, 'Determination of the correction degree of convicts sentenced to imprisonment: comparative legal aspect', in *III International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal code of the Russian Federation): collection of abstracts of speeches and reports of participants*

(Ryazan, 21–23 November 2017), in 8 vols, vol. 4, *Materials of the International scientific and practical conference “Educational, social and psychological work in the penal system”*, in 2 parts, part 2, pp. 17–21, Academy of the FPS of Russia, Ryazan.

Sizyi, A. F. 1994, *Incentive norms of penal law: problems of theory and practice*, Ryazan.

Sinichkin, A. A. 2003, Assessment of the correction degree of convicts sentenced to imprisonment: *PhD thesis (Law)*, Kazan.

Filippov, R. A. 2015, ‘About the assessment of the correction degree of convicts’, in A. G. Antonov (ed.), *Penal system today: interaction of science and practice: materials of scientific-practical conference*, pp. 41–44, Novokuznetsk.

Yuriy Yur’evich Tishchenko, PhD (Law), leading researcher of SRC-2, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: yutish@list.ru

SOME FEATURES OF THE PREVENTIVE IMPACT ON PENITENTIARY CRIME

Recommended citation

Tishchenko, Yu. Yu. 2019, ‘Some features of the preventive impact on penitentiary crime’, *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 228–232, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.228-232.

Abstract. The possibility of preventive impact on penitentiary crime, the causes and conditions of crimes in the institutions of the penal system, as well as problematic issues of prevention of penitentiary and post-penitentiary crime are considered in the article. The author is of the opinion that preventive effects (prevention of crimes committed by prisoners) in prisons is based on the law of the prison administration and other entities, namely the development and implementation of measures to identify, eliminate and neutralize the causes and conditions of convicts’ crimes in correctional institutions and providing preventive impact on prisoners prone to illegal behavior, with the goal of keeping them from committing new crimes. Preventive influence on convicts should be distinguished from corrective influence, due to the fact that these are different categories (concepts) both in form and content. Taking into account the fact that the correction of convicts is the formation of their respectful attitude to the person, society, work, norms, rules and traditions of human community and the stimulation of law-abiding behavior, preventive impact on convicts will be correlated with the correction of convicts as part of the whole. If the purpose of prevention is to keep the convict from committing a crime, the purpose of correction is to form a generally law-abiding personality.

Keywords: penitentiary crime, prevention, causes of crime, preventive measures.

References

- Antonyan, Yu. M. 2014, *Crime prevention in Russia*, Moscow.
- Pirozhkov, V. F. 1981, ‘Influence of social isolation in the form of imprisonment on the psychology of the convict’, *Questions about the fight against crime*, iss. 35, pp. 40–50.
- Gilinskiy, Ya. I. 2016, ‘Crime and social control in modern postmodern society: a criminologist’s view’, *Criminalist*, iss. 1(18), pp. 7–9.
- Kristi, N. 2011, *Causing hurt. The role of punishment in criminal policy*, St. Petersburg.
- Igoshev, K. E. & Ustinov, V. S. 1977, *Introduction to the course of crime prevention*, Gorky.

INSTITUTIONS AND BODIES EXECUTING SENTENCES AND THEIR LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Boris Zufarovich Malikov, DSc (Law), Professor, professor of criminal law and criminology department, Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: malikov_bz@mail.ru

PENAL INSPECTIONS ARE CELEBRATING THE 100TH ANNIVERSARY

Recommended citation

Malikov, B. Z. 2019, 'Penal inspections are celebrating the 100th anniversary', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 233–239, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.233-239.

Abstract. The article is devoted to the historical legal analysis of activities of penal inspections as the body executing criminal punishments and other measures of criminal-legal character, not connected with convicts' isolation from society. In 2019, this type of institution as an important part of the penal system will be 100 years old. The analysis of pre-revolutionary and soviet system of punishments without convicts' isolation of from society is carried out. It is shown that the policy of applying criminal punishment in the Soviet period in Russia from the first days of Soviet power reflects the principles, objectives and methods the general format of social reconstruction in the state, focused on the creation of a new way of life for the working masses and the changing content of public relations at the new political, economic, ideological and moral foundation, the faith in deep and creative origins and motive forces of man. The historical aspect is devoted to the analysis of the material and organizational basis of punishment types not related to convicts' deprivation of liberty and associated with such forced labour as: compulsory work, compulsory public work, correctional labour. Such legal forms as the Bureau of forced labor, inspection labor work, inspection, corrective works, penal inspection are considered. The experience with criminal-enforcement activities directly in society in reliance on its public official capacity and organizational forms is showed. In addition, the article reflects the positions of various scientists-penitentiaries on the activities of penal inspections in different historical periods.

Keywords: penal inspections, punishment not related to imprisonment, penal law, convicts.

References

Menyshagin, V. D. 1938, 'On forced labour at the place of service', *Socialist legality*, iss. 12, pp. 39–45.

Timashev, N. S. 1914, *Suspended sentence*, St. Petersburg.

Lenin, V. I. 1953, 'Appeal to the citizens about the victory of the October revolution and the tasks on workplaces', in I. T. Golyakov (ed.) *Collection of documents on the history of criminal legislation of the USSR and the RSFSR (1917–1952)*, Moscow.

Malikov, B. Z. 2014, 'Expression and realization of criminal responsibility in punishment and non-punitive measures of criminal and legal character', *Man: crime and punishment*, iss. 4, pp. 10–16.

Plyushcheva, E. L. 2015, 'Theoretical and legal aspects of control over convicts without isolation from society', *Russian investigator*, iss. 13, pp. 46–48.

Malikov, B. Z. 1998, 'Penal Code of the Russian Federation as expression of state policy in the field of execution of punishment', in *Problems of implementation of the Penal code of the*

Russian Federation and spiritual and moral education of convicts: materials of the round table, p. 22, Ufa.

Khutorskaya, N. B. 2001, 'Organization and activities of probation services abroad', in *Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: proceedings of the International conference*, pp. 39–52, Moscow.

Utkina, S. S. 2001, 'Probation bodies in the context of international legal standards', in *Alternatives to imprisonment in the Russian Federation: proceedings of the International conference*, pp. 52–54, Moscow.

CONTROL OVER THE ACTIVITIES OF INSTITUTIONS AND BODIES EXECUTING PUNISHMENTS

Nikolay Semenovich Artem'ev, DSc (Law), Professor, Honored worker of the higher school of the Russian Federation, professor of criminology and organization of crime prevention department, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russian Federation, e-mail: editor62@yandex.ru

THE ROLE OF PUBLIC CONTROL IN THE PREVENTION OF RULES OF LAW VIOLATIONS IN INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Recommended citation

Artem'ev, N. S. 2019, 'The role of public control in the prevention of rules of law violations in institutions and bodies of the penal system', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 240–243, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.240-243.

Abstract. The article is devoted to the study of some legal problems and the practice of public activities to monitor compliance with the rule of law in pre-trial detention centers and correctional institutions of the Federal penitentiary service. It is specified that public control over ensuring human rights in correctional institutions and disciplinary military units is carried out by the public monitoring commissions formed in subjects of the Russian Federation in 2009 according to the new Federal law. Public control is exercised by legitimate public and regional associations, labor collectives and individual citizens. The activity of the Public Council under the Federal penitentiary service on the problems of the penal system (order No. 32 of the Federal penitentiary service of 26 January 2007) is considered separately. There is also the analysis of the activities of some non-governmental human rights organizations: international (International prison reform, Amnesty international, etc.); all-Russian (all-Russian public movement "For human rights", Helsen group, etc.); regional (Nizhny Novgorod society of human rights, Perm regional human rights center); local (Serpukhov society of Trustees of penitentiary institutions, Krasnokamsk human rights center, etc.). The main forms, functions and activities of various public associations in the implementation of their activities related to public control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties are considered. Particular attention is paid to the control of the human rights by Ombudsman in the Russian Federation, which occupies an intermediate position between state and public control and is an independent form of ensuring the rule of law in pre-trial detention centers and correctional institutions.

Keywords: public control, violations prevention, penal system, convict.

References

Kalinin, Yu. I. (ed.) 2006, *Penal law*, Ryazan.

Seliverstov, V. I. (ed) 2011, *Commentary to the Penal Code of the Russian Federation*, Moscow.

Falanev, M. 2011, 'The MIA offered to consult', *Russian gazette*, 2nd August.

Artem'ev, N. S. & Kubasov, A. V. 2008, *Rules of law in correctional institutions*, Ryazan.

INTERNATIONAL STANDARDS AND FOREIGN EXPERIENCE IN THE FIELD OF EXECUTION OF CRIMINAL SANCTIONS

Pavel Vladimirovich Teplyashin, PhD (Law), Associate Professor, professor of criminal law and criminology department, Siberian law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnoyarsk, Russian Federation ORCID 0000-0002-6737-749X, Researcher ID M-7880-2015, e-mail: pavlushat@mail.ru

NEOLIBERAL INSTITUTIONAL DEVELOPMENT OF PENITENTIARY SYSTEMS: A COMPARATIVE ASPECT

Recommended citation

Teplyashin, P. V. 2019, 'Neoliberal institutional development of penitentiary systems: a comparative aspect', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 244–249, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.244-249.

Abstract. The article is devoted to the main trends and features of the neoliberal institutional development of penitentiary systems in some countries of Europe and North America. Trends are such as: 1) no direct connection between the level of crime and the punitive claims of the state, as expressed in the ratio of persons held in correctional institutions; 2) the presence of a correlation between the growth of punitive claims and a decrease in social security of the population; 3) the relationship of material and ideological aspects of criminalization; 4) the cumulative nature of penalty reflects a new approach to the implementation of the concept of the welfare state. The point of view is that the prison population in the US state penitentiary institutions does not decrease even in the era of "smart response to crime", because the problems of overcrowding in correctional institutions are less relevant than the obligations to save budget funds. The feature of American penal policy as the disciplinary cell hyperinflation is analyzed. It is proved that the penitentiary policy of neoliberal development is possible through the analysis of such functions of criminal punishment as control and establishment of communications. The ability of the penitentiary system to lay the Foundation for the expansion of criminalization factors of certain forms of behavior is shown. Based on the analysis of various scientific concepts of correction and reintegration work with prisoners social productivity of criminal punishment is showed. The different degree of connection between the neoliberal institutional development of penitentiary systems and the practical needs of state security is revealed. It is demonstrated that the understanding of the ideological basis of the neoliberal institutional development of penitentiary systems has a promising value for optimizing the functioning of the domestic system of execution of criminal penalties. As a conclusion, the value of the information obtained

for the conceptual modernization of the penal system of the Russian Federation is indicated.

Keywords: European States, humanism, punitive management, incentive mechanisms, zero tolerance, probation, convicts socialization, parole.

References

- World Prison Brief. United States of America* n.d., viewed 24 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/united-states-america>.
- Aebi, M. F. et al. 2017, *Council of Europe Annual Penal Statistics. Space I – Prison Populations. Survey 2016*, Council of Europe & University of Lausanne, Strasbourg-Lausanne.
- Wacquant, L. 2009, *Punishing the poor. The neoliberal government of social insecurity*, Duke University Press, Durham.
- González-Sánchez, I. & Maroto-Calatayud, M. 2018, 'The penalization of protest under neoliberalism: managing resistance through punishment', *Crime, Law and Social Change*, vol. 70, iss. 4, pp. 443–460.
- Cate, S. & HoSang, D. 2018, "The better way to fight crime": Why fiscal arguments do not restrain the carceral state', *Theoretical Criminology*, vol. 22, iss. 2, pp. 169–188.
- Lappi-Seppälä, T. 2011, 'Explaining imprisonment in Europe', *European Journal of Criminology*, vol. 8, iss. 4, pp. 303–328.
- Valier, C. 2002, *Theories of Crime and Punishment*, Longman, London.
- Amidon, E. 2018, 'Politics and historical imprisonment, 1930–2010', *Journal of Crime and Justice*, vol. 41, iss. 4, pp. 427–449.
- Annisson, H. 2018, 'Politics and Penal Change: Towards an Interpretive Political Analysis of Penal Policymaking', *The Howard Journal of Crime and Justice*, vol. 57, iss. 3, pp. 302–320.
- Annisson, H. 2018, 'Tracing the Gordian Knot: Indeterminate-Sentenced Prisoners and the Pathologies of English Penal Politics', *The Political Quarterly*, vol. 89, iss. 2, pp. 197–205.
- World Prison Brief. United Kingdom: England & Wales* n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/united-kingdom-england-wales>.
- World Prison Brief. France* n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/france>.
- World Prison Brief. Italy* n.d., viewed 25 February 2019, <http://www.prisonstudies.org/country/italy>.
- Beard, J 2017, *Sentences of Imprisonment for Public Protection. Briefing Paper (Number 06086, 25 October 2017)*, House of Commons, London.
- Annisson, H. 2018, 'The policymakers' dilemma: change, continuity and enduring rationalities of English penal policy', *British Journal of Criminology*, vol. 58, iss. 5, pp. 1066–1086.

Serik Mardenovich Imanbaev, PhD (Law), Professor, professor of the department of national and international law, Turan-Astana University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: esirgep57@mail.ru;

Diana Batyrzhanovna Darmenova, master student of the 2nd year of scientific and pedagogical direction of national and international law department, Turan-Astana University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: dianadarmenova88@gmail.com

CONTRADICTIONS EXISTING IN THE CRIMINAL AND PENAL CODES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN ON EXECUTION OF PUNISHMENTS IN THE FORM OF CORRECTIONAL LABOUR

Recommended citation

Imanbaev, S. M. & Darmenova, D. B. 2019, 'Contradictions existing in the Criminal and Penal codes of the Republic of Kazakhstan on execution of punishments in the form of correctional labour', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 250–256, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4). 3.250-256.

Abstract. The authors of the article analyzed the problematic issues related to the contradictions (conflicts) existing in the existing Criminal and Penal codes of the Republic of Kazakhstan on the execution of punishment in the form of correctional labor. The order, size and terms of its execution, as well as elements of criminal offense against which corrective labor are appointed, are considered. The authors propose measures to eliminate the identified contradictions between the criminal and penal enforcement legislation and improve legislative structures for their uniform application.

Keywords: punishment, correctional institutions, criminal law, criminal offense, penal law, correctional work, contradictions, conflict.

Vladimir Sergeevich Shabal', PhD (Law), senior lecturer of penal law department, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: shabalbig@mail.ru

SOME ISSUES OF CONVICTS' PAROLE IN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION**Recommended citation**

Shabal', V. S. 2019, 'Some issues of convicts' parole in the Republic of Belarus and the Russian Federation', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 257–262, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4). 3.257-262.

Abstract. Improvement of criminal and penal legislation is one of the priorities of the modern state policy of the Republic of Belarus. The institutions of early release, which were widespread during the existence of the Soviet Union, continued their improvement during the independence of the Republic of Belarus. Since the Declaration of independence, many normative legal acts have been adopted, including in the field of criminal and penal law. Due to the fact that this process took place in a relatively short time, there are currently certain conflicts in the legislation that need to be resolved. This article points to one of these conflicts related to the lack of a clear understanding in the legislation and law enforcement practice on the concept of early release from serving a sentence. On the basis of the study, it is proposed to amend the criminal and penal codes of the Republic of Belarus, which will eliminate these inaccuracies. This will ensure respect for the principle of legality in the execution and serving of sentences.

Keywords: early release of convicts, legislation, punishment, convicts, execution of punishment, serving of sentence.

References

Khomich, V. M. (ed.) 2012, *Scientific and practical commentary on the Penal code of the Republic of Belarus*, Minsk.

Barkov, A. V. & Khomich, V. M. (eds) 2007, *Scientific and practical commentary on the Penal code of the Republic of Belarus*, Minsk.

Zubkov, A. I. (ed.) 2008, *Comment to the Penal code of the Russian Federation (article by article)*, 4th end, Moscow.

CROSS-SECTORAL ASPECTS OF THE EXECUTION OF CRIMINAL PENALTIES

Vera Aleksandrovna Kazakova, DSc (Law), Professor, head of the department of criminal legal disciplines at the Institute of international law and justice, Moscow state linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: vera1313@yandex.ru;

Sergey Mikhailovich Inshakov, DSc (Law), Professor, professor of the department of criminal legal disciplines at the Institute of international law and justice, Moscow state linguistic University, Moscow, Russian Federation, e-mail: insmi@yandex.ru

CONFISCATION OF PROPERTY AS AN ANTI-CORRUPTION MEASURE

Recommended citation

Kazakova, V. A. & Inshakov, S. M. 2019, 'Confiscation of property as an anti-corruption measure', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 263–268, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.263-268.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the legal nature of confiscation of property. The draft law on amendments to the regulation of this type of criminal impact is analyzed. Foreign experience of using confiscation of property in the fight against corruption is given. Analysis of the legal nature of this criminal law Institute, as well as the study of law enforcement practice (both domestic and foreign) showed that confiscation as an additional punishment could be an effective measure. With the reduction in the use of deprivation of liberty for economic crimes, all other punishments will not be able to effectively play a preventive role and resist the temptation of rapid and reliable criminal enrichment as a solid Foundation for securing inviolable capital for themselves and their loved ones. Only the risk of losing it overnight, and as a result, completely lose their social status can stop the corrupt and destroy the financial Foundation of organized criminal activity.

Keywords: confiscation of property, special confiscation, corruption, anti-corruption policy, punishment.

References

Nazarenko, G. V. 2015, 'Anti-corruption policy with criminal legal means', *Central Russian journal of social sciences*, vol. 10, iss. 6, pp. 129–134.

Krasnov, Yu. K. 2018, 'Institute of confiscation of property in the criminal law of Russia: lessons from the fight against proceeds of crime in the assessment of the Supreme court of the Russian Federation', *Law and governance. XXI century*, iss. 2(47), pp. 22–30.

Yani, P. S. 2006, 'The application of the rules on confiscation', *Russian justice*, iss. 6, pp. 32–35.

Rumyantseva, Yu. N. 2018, 'Confiscation of property and its role in improving legislation on liability for abuse of office in Russia and France', *Prologue: journal about law*, iss. 2, pp. 20–28.

Komissarov, V. S. & Kuznetsova, N. F. (eds) 2009, *Interaction of international and comparative criminal law*, Moscow.

Troshchinskiy, P. V. 2016, 'Legal regulation of the modern Chinese state's fight against corruption', *Actual problems of Russian law*, iss. 2(63), pp. 169–177.

Aleksey Dmitrievich Denisov, researcher of SRC-3, Scientific Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: denisovalexey@ya.ru

SOCIO-DEMOGRAPHIC AND CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF CONVICTS WHO HAVE COMMITTED A RELAPSE CRIME

Recommended citation

Denisov, A. D. 2019, 'Socio-demographic and criminal-legal characteristics of convicts who have committed a relapse crime', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 269–273, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.269-273.

Abstract. The concept of the development of the penal system of the Russian Federation until 2020 sets one of its goals to reduce the recurrence of crimes committed by persons who have served a sentence of imprisonment by increasing the efficiency of social and psychological work in places of deprivation of liberty. Its implementation will be possible only if officers focus on the convict's personality, because it is the main link in the mechanism of formation of illegal behavior. The process of studying personality is complex and multifaceted, it consists in obtaining and analyzing a large amount of information about a person who came into conflict with the law in order to further use the information obtained in the planning and organization of work on its resocialization. The purpose of the article is to analyze the socio-demographic and criminal-legal indicators of convicts who committed a crime during relapse, followed by the compilation of socio-demographic and criminal-legal portrait of the convict who committed a crime during relapse. For its implementation, the author in 2013-2014 conducted a study, the empirical base of which was the results of a survey of more than 600 convicts who committed a crime in recidivism, in correctional colonies of the Kirov, Kostroma, Murmansk, Orel, Penza, Rostov, Tyumen regions, Krasnodar and Krasnoyarsk region. As a result, the data obtained are proposed to be used by the subjects of the process of resocialization in the preparation of programs of individual social, educational and psychological work with convicts, their involvement in labor and educational processes, as well as other activities in the penitentiary and post-penitentiary periods.

Keywords: correctional facility, repeat offender, socio-demographic profile, socio-demographic characteristics, a special census of the convicted, criminal portrait.

References

- General prosecutor* n.d., viewed 25 March 2019, <https://genproc.gov.ru>.
- Kalinin, Yu. I. & Seliverstov, V. I. (eds) 2012, *Convicts and prisoners in Russia: based on a special census of convicts and prisoners, November 12–18, 2009*, Moscow.
- Sundurov, F. R. 1976, *Socio-psychological and legal aspects of correction and re-education of offenders*, Kazan.
- Koval', M. I. 1995, *Social and legal adaptation of persons who have served long terms of imprisonment: PhD thesis (Law)*, Ryazan.

Metelkin, M. B. & Mikhlin, A. S. 1980, *The identity of particularly dangerous recidivists and the issues of differentiation of execution of punishment*, Moscow.

Zul'fiya Radikovna Muginova, lecturer of criminal law and criminology department, Ufa law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation, e-mail: zulfiya-khamatshina@mail.ru

THE PURPOSE OF CRIMINAL PUNISHMENT AND COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY THE CRIME

Recommended citation

Miginova, Z. R. 2019, 'The purpose of criminal punishment and compensation for harm caused by the crime', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 274–279, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4). 3.274-279.

Abstract. The article is devoted to one of the fundamental institutions of criminal law – criminal punishment. The urgency of the problem is emphasized by the fact that the current norms of criminal law strictly set the guidelines for criminal punishment, but the discussion around it does not subside. The author describes the features of the purposes of criminal punishment, each of which is considered as if it is only one, and for each of them developed its own mechanism to achieve on the basis of available in modern legislation means. Comparative legal research of correlation of concepts of the purposes of the penal legislation and the purposes of punishment provided by the criminal legislation of the Russian Federation is carried out. It is noted that the legislator, putting in the first place the restoration of social justice, raises the bar of the social meaning of the institution of punishment and determines the dominant role of such a goal, assuming that the punishment itself can and should eliminate the consequences of crimes. The author draws attention to the fact that the restoration of social justice establishes the content of the institution of criminal punishment, but the possibility of achieving the goals of punishment with life imprisonment is a controversial issue for domestic science and practice. The author comes to the conclusion that the achievement of the goals of punishment depends on the successful application of the criminal law in solving the relevant problems in certain social and political conditions occurring in a particular period.

Keywords: criminal punishment, purposes of criminal punishment, restoration of social justice, correction of the convicted person, prevention of crimes, compensation of harm caused by the crime, convict.

References

Antonov, O. A. 2009, 'Restoration of social justice as the purpose of realization of criminal responsibility', *Lawyer-legal scholar*, iss. 5(36), pp. 45–48.

Tarbogaev, A. N. 1986, *Concept and purposes of criminal liability*, Krasnoyarsk.

Grishko, A. Ya. 2017, 'Harm caused by crime: statement of the problem', *Administrative law and process*, iss. 10, pp. 56–60.

Official website of the General Prosecutor's office of the Russian Federation, <http://www.genproc.gov.ru>.

Teokharov, A. K. 2016, 'About the purposes of the penal legislation', *Actual problems of Russian law*, iss. 9(70), pp. 151–158.

Rozimova, K. Yu. 2016, 'Features of the purpose of punishment in the theory of criminal law and criminal legislation of Uzbekistan and great Britain', *Russian investigator*, iss. 18, pp. 47–50.
Utkin, V. A. 2018, *Problems of the theory of criminal penalties*, Tomsk.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LIFE

Vladimir Aleksandrovich Utkin, DSc (Law), Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, head of penal law and criminology department, Director of the Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, e-mail: utkin@ui.tsu.tu

A REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT ON FEDOR VLADIMIROVICH GRUSHIN'S THESIS "SYSTEM OF FACTORS DETERMINING THE DEVELOPMENT OF PENAL POLICY AND PENAL LEGISLATION", SUBMITTED FOR THE DEGREE OF DSC (LAW) IN THE SCIENTIFIC SPECIALTY 12.00.08 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY; PENAL LAW (EKATERINBURG, 2019, 554 P. WITH APPLICATIONS)

Recommended citation

Utkin, V. A. 2019, 'A review of the official opponent on Fedor Vladimirovich Grushin's thesis "System of factors determining the development of penal policy and penal legislation", submitted for the degree of DSc (law) in the scientific specialty 12.00.08 Criminal law and criminology; penal law (Ekaterinburg, 2019, 554 p. with applications)', *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 281–287, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.281-287.

Abstract. The article presents a review of the official opponent on Fedor Vladimirovich Grushin's thesis "System of factors determining the development of penal policy and penal legislation", defended at the meeting of the dissertation Council at the Ural state law University on 18 April 2019. Scientific novelty of the thesis is determined by the fact that this is the first monographic study on the "crossroads" of penal policy, penal dogma and criminal sociology, which is subjected to scientific study dynamics of development of Penal legislation since the adoption of the Penal code of the Russian Federation in 1996 'On the basis of the dissertation factor analysis suggested a predictive assessment of the development of penal policy of the Russian Federation until 2025 (with three different scenarios)'. The methods used by the author of the thesis (comparative legal, historical, system-structural and formal-logical) testify to the necessary degree of reliability and validity of the results, the majority of which has the proper novelty. However, the work is not without a number of shortcomings, which are either private or controversial. Because Of this, V. F. Grushin's dissertation is a scientific qualification work that has solved a scientific problem that is important for the development of the penal policy and the penal legislation.

Keywords: penal policy, penal legislation, thesis.

PENITENTIARY LIBRARY

Nikita Georgievich Ivanov, DSc (Law), Professor, head of criminal law and criminology department, all-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russian Federation, e-mail: criminallaw_rpa@mail.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH “CONFLICTS OF LEGISLATION OF RUSSIA AND A NUMBER OF COUNTRIES (SHORT SCIENTIFIC COMMENT)”**Recommended citation**

Ivanov, N. G. 2019, ‘Review of the monograph “Conflicts of legislation of Russia and a number of countries (short scientific comment)”’ *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 288–289, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.288-289.

Abstract. The relevance of the monograph is noted due to the fact that unsystematic changes in the fundamental normative legal acts, the lack of proper theoretical and practical justification for changes in legislation, the adoption of legislative and subordinate acts without coordination with other regulatory sources contribute to the emergence of numerous conflicts of legislation. The work identifies and analyzes conflicts of criminal, criminal procedure, penal and other legislation. The theoretical and practical significance of this monographic study is confirmed, in which numerous specific legislative changes are proposed.

Keywords: criminal legislation, penal enforcement legislation, conflicts of laws, Russia, Azerbaijan, Belarus, Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan.

References

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. (eds) 2018, *Conflicts of legislation of Russia and a number of countries (brief scientific comment)*, 3rd edn, Law and right : UNITI Publ., Moscow.

Aydarkan Baydekovich Skakov, DSc (Law), Professor, professor of the department of criminal law disciplines, L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan, e-mail: aidarkan@mail.ru

REVIEW OF THE MONOGRAPH OF THE GROUP OF AUTHORS “PENAL LEGISLATION IN A NATURAL DISASTER, THE INTRODUCTION OF A STATE OF EMERGENCY OR MARTIAL LAW”**Recommended citation**

Skakov, A. B. 2019, ‘Review of the monograph of the group of authors “Penal legislation in a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law”’, *Penal law*, vol. 14(1–4), iss. 3, pp. 290–292, doi: 10.33463/2072-2427.2019.14(1-4).3.290-292.

Abstract. The article substantiates the relevance and theoretical and applied importance of the development of Penal legislation in a natural disaster, the introduction of a state of emer-

---

gency or martial law. It is specified that the presence of various external factors (natural disasters, regional military-political conflicts, etc.) may seriously complicate the activities of the penal system. It requires settlement of the peculiarities of the legal status of convicts, the general specifics of the activities of institutions and bodies executing sentences in cases of natural disaster, the introduction of emergency or martial law, as well as other issues.

Keywords: penal legislation, natural disaster, state of emergency, martial law, regime of special conditions in correctional institutions, institutions and bodies executing punishments

References

Krymov, A. A. & Skiba, A. P. (eds) 2018, *Penal legislation in the context of a natural disaster, the introduction of a state of emergency or martial law*, 2nd edn, Criminological library Publ., Moscow.

Научное издание

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научный журнал

Редактор *А. Ю. Пертли*

Корректор *А. Ю. Пертли*

Перевод *О. Р. Белозерова*

Компьютерная верстка *С. В. Ануфриев*

Ответственный за выпуск *П. Н. Нестеров*

Подписано в печать 26.09.2019. Формат 70x100 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура Arial.

Печ. л. 6,88. Усл. печ. л. 6,40. Тираж 1500 экз.

Заказ № _____.

Редакционно-издательский отдел Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1

Отпечатано: Отделение полиграфии РИО Академии ФСИН России
390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1